

Annotation

Роман чеченского писателя Магомета Амаевича Мамакаева (1910–1973) рассказывает о жизни крестьянской бедноты в предреволюционные годы. Главным героем его является абрек Зелимхан из селения Харачой. В изображении автора Зелимхан – народный мститель и борец против социальной несправедливости.

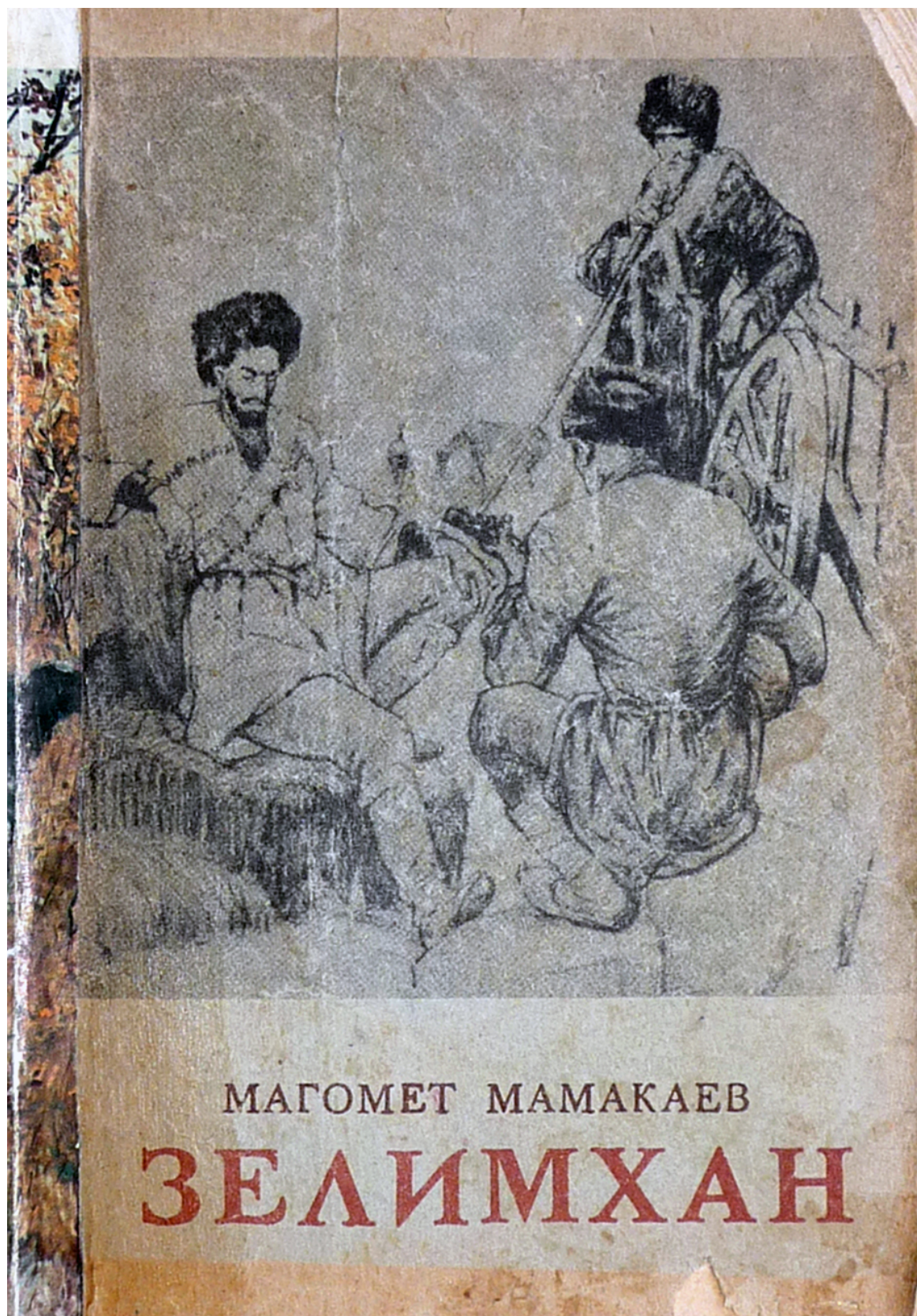
Но было бы неверно считать, что в роковых бедах Зелимхана и всего чечено-ингушского крестьянства повинна только царская администрация. Ведь уходу Зелимхана в абреки способствовали общинно-родовые отношения, а также местная правящая верхушка.

Несомненно, Зелимхан – личность незаурядная, легендарная. Однако автор несколько поэтизирует его «подвиги», порою совершаемые в порыве религиозного фанатизма или кровной мести.

«При всем героизме абреков, – отмечается в «Очерках истории Чечено-Ингушской АССР» (т. I, с. 218), – их бунтарские действия, часто носившие характер разбоя, террора в отношении отдельных представителей царской власти и ее прислужников, не могли причинить существенного вреда царизму. Абречество не было связано с широким революционным движением масс. Оно было бесперспективно».

Текст приведен по изданию: Мамакаев М.А. Зелимхан: Роман. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство. 1981. – 232 с.

Перевод с чеченского Ю. Тимофеева

- [Магомед Мамакаев](#)
 - [ПЕРВАЯ ЧАСТЬ](#)
 - [1.](#)
 - [2.](#)
 - [3.](#)
 - [4.](#)
 - [5.](#)
 - [6.](#)
 - [7.](#)
 - [8.](#)
 - [9.](#)
 - [10.](#)
 - [11.](#)
 - [12.](#)
 - [13.](#)
 - [14.](#)
 - [15.](#)
 - [16.](#)
 - [ВТОРАЯ ЧАСТЬ](#)
 - [1.](#)
 - [2.](#)
 - [3.](#)
 - [4.](#)
 - [5.](#)
 - [6.](#)
 - [7.](#)
 - [8.](#)
 - [9.](#)
 - [10.](#)
 - [11.](#)
 - [12.](#)
 - [13.](#)
 - [14.](#)
 - [15.](#)
 - [ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ](#)
 - [1.](#)
 - [2.](#)
 - [3.](#)
 - [4.](#)

- [5.](#)
- [6.](#)
- [7.](#)
- [8.](#)
- [9.](#)
- [10.](#)
- [11.](#)
- [12.](#)
- [13.](#)
- [14.](#)
- [15.](#)
- [16.](#)
- [17.](#)
- [18.](#)
- [19.](#)
- [20.](#)
- [ЭПИЛОГ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Магомет Мамакаев

ЗЕЛИМХАН

*Моему учителю и наставнику Дзахо Гатуюву.
Автор.*

«Я знаю, вернуться к мирной жизни мне теперь невозможно. Пощады и милости тоже я не жду ни от кого. Но для меня было бы большим нравственным удовлетворением, если бы народные представители поняли, что я не родился абреком, не родились абреками также мой отец, брат и другие товарищи».

Из письма Зелимхана на имя председателя Государственной думы от августа 1909 года.

«Власть терроризировала народ, а абреки терроризировали власть».

Асланбек Шерипов.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Все началось из-за дочери харачоевского крестьянина Хушуллы — красавицы Зезаг.

Но виновата ли она, если пришло время и в душе проснулось желание любить и быть любимой человеком, достойным ее? Нет, не виновата, отвечала себе Зезаг, не виновата, думал старый Хушулла, нет, нет, не виновата Зезаг, думали все добрые люди. Во всем виноват старшина Адод, который помешал любви молодых людей. Но странное дело, все боязливо молчали. Кого они боялись? Бога? Нет. Совести? Ну уж, нет! Наоборот, боясь чиновников, люди предавали свою совесть.

«Это про меня, наверно, сказано в народе: «Для несчастной несчастье находится и в отчем доме», — думала про себя Зезаг, когда все эти горести внезапно обрушились на ее голову. Ее разлучили с любимым Солтамурадом и выдают замуж за нелюбимого. Она потрясена всем этим, возмущена, но ничего не может сделать. Так уж воспитывали ее родители — покорной древним обычаям гор, привыкшей скрывать желания и мысли свои, привыкшей повиноваться воле сильных. «Что бы ты ни говорила, все равно ты женщина, и спорить с мужчинами тебе не положено», — поучали ее еще с детских лет. И она не пыталась сопротивляться.

Когда Зезаг была совсем маленькая, бабушка говорила ей:

— Вот скоро явится молодой красавец, который заберет тебя.

Она тогда не верила бабушке и спрашивала:

— Откуда же, бабушка, этот красавец узнает обо мне, и зачем он будет забирать меня?

— Придет время, сама уйдешь с ним, — твердила свое бабушка.

Вот и пришло это время: ей захотелось, чтобы осуществилась бабушкина сказка, чтобы явился за ней добрый молодец и чтобы им оказался ее любимый Солтамурад.

Однажды утром, набрав в медный кувшин холодной воды из харачоевского родника, она шла домой и вдруг остановилась, увидев Солтамурада. Юноша стоял, словно зачарованный, молча глядя на нее. Молчала и Зезаг, слегка опустив голову.

Вот тогда впервые и овладело ею это странное чувство, с тех пор в сердце девушки ворвались и радость, и тревога. Так и стояли они в то утро неподалеку от родника и молчали, хотя у каждого было много слов.

Испугавшись, что еще минута — и девушка уйдет, Солтамурад взмолился:

— Зезаг, подожди еще хоть немного. Хочу еще посмотреть на тебя.

И она стояла без слов, шевеля носком изящного чувыка маленькие камешки, валявшиеся под ногами.

«Ой, как обидно, что еще тогда не ушла с ним далеко-далеко из этих мест, — размышляла сегодня Зезаг. — Тогда я оделась бы для него в белое платье». А вот сегодня ее одели в черное, держат под замком. И правду говорят, что беда приходит не одна, что есть у нее еще и семь сестер. Да, семь сестер, и все семеро явились к Зезаг: двоих близких людей из-за нее убили в ссоре, четверых посадили в тюрьму и отправляют на каторгу. А ее любимого Солтамурада и не убили, и не посадили, а оставили одинокого на воле, чтобы люди смеялись над ним... Да, чтобы смеялись над ним. И можно ли придумать более жестокое наказание для мужчины?..

Всякие мысли лезли сегодня Зезаг в голову. «Может, все это из-за того, что познакомились мы с Солтамурадом у родника «Коса несчастной девушки»? — думала она. — Ведь и та девушка вот так же попыталась уйти со своим любимым из отчего дома, а разгневанный отец метнул им вдогонку кинжал, который вонзился в спину дочери. Она упала на пригорке, разметав по камням длинную косу. А наутро с пригорка этого сбегал серебристый родник, напоминая женскую косу, небрежно брошенную на склон горы... Вот и называли люди этот родник «Косой несчастной девушки».

Теперь Зезаг никуда не может уйти, и даже в доме отца, что так надежно защищал ее до сих пор от всех напастей, не нашлось сейчас для нее места. Ее увезли к чужим людям и держат, как вещь, взятую в залог. И девушки — ее вчерашние подруги, кажется, забыли о ней. А тетка ее Хамсат почему-то тупо молчит, и в глазах ее, беспокойно убегающих от прямого взгляда, таятся страх и беспомощность. «Неужели у всех хороших людей погасли сердца и никто не вступится за меня?» — спрашивала Зезаг. И перед ее взором снова встал образ бабушки Соврат, морщинистой, высокой старухи с твердой поступью и приветливым лицом, на котором светились добрые и немного грустные глаза.

Вот была бы жива бабушка, она бы обязательно вступилась за нее. Соврат была смелая женщина, она бы ворвалась в дом старшины Адода и забрала бы ее к себе — домой. Харачоевцы дивились мужеству и стойкости Соврат. Все знали, если она возьмется за дело, то не отступится, пока не добьется своего. Но бабушки уже нет. Она умерла.

Соврат была для своей внучки задушевым другом, постоянной собеседницей. Словно взрослой, рассказывала ей о многострадальной жизни своей.

— О золотое дитя мое, прошу великого аллаха сделать твою судьбу непохожей на мою!.. Он милостив и оградит тебя, маленькую, от таких черных дней, — твердила она каждый раз, укладывая ее спать.

А однажды, недобрым утром, когда Зезаг проснулась, бабушка лежала, как камень, холодная и неподвижная и не отвечала на мольбы девушки проснуться, сказать хоть слово.

Во двор Хушуллы в тот день приходили люди, много людей. Все они выражали соболезнование старику по поводу смерти его матери, он молча выслушивал их и благодарил. Потом люди с тихим пением унесли бабушку Соврат на кладбище, и отцовский дом сразу стал для Зезаг холодным и пустым.

С тех пор и старый Хушулла, уже давно похоронивший свою вторую жену — мать Зезаг, стал тревожиться за судьбу своей дочери: надо было выдать ее замуж в хороший дом, к добрым и сердечным людям. За Солтамурада? Что ж. Солтамурад хороший юноша. Но что делать, если всеильные воротилы аула не захотели считаться с желанием Хушуллы и его дочери? Заручившись согласием пристава Чернова, они отняли ее у Солтамурада, обвинив его в насильном похищении девушки, и поместили ее в доме харачоевского старшины Адода.

— Что же делать? Видно уж, на то воля аллаха, — бормотал старик, чтобы успокоить совесть, потому что ощущал свое бессилие перед хитрым и алчным Адодом.

А когда Хушулле говорили: «Никакая это не воля аллаха, а желание сына старшины Адода, который влюблен в Зезаг», старик делал вид, что ничего не понимает в таких делах.

Утро. Неяркое сентябрьское солнце едва позолотило верхушки деревьев, когда из ворот крепости Ведено конвоиры вывели колонну закованных в кандалы арестантов.

Вчера, засидевшись допоздна на именинах коменданта крепости, офицеры плохо подготовились к отправке этапа в Грозный, поэтому сейчас, невыспавшиеся и хмурые, без конца гоняли солдат бесконечными приказами: принести, достать, взять все необходимое для дороги. Суетня, гомон, окрики, ржание коней. То и дело кто-нибудь из солдат скакал в крепость и обратно с какими-то вещами, другие подтягивали подпруги или, ворча, проверяли тощие узелки арестантов, которые стояли тут же и угрюмо поглядывали по сторонам. Некоторые тянули шеи, желая, быть может, последний раз увидеть своих родных и знакомых. В стороне от них толпились провожающие, среди которых было много женщин и детей. Тут тоже настроение было невеселое, но самым подавленным казался младший сын Гушмазуко Солтамурад.

— Эй, Гушмазуко, смотри, не падай там духом! — крикнул кто-то одному из арестантов — высокому старику в рыжем бешмете — Если ты растеряешься, то молодые вовсе пропадут, смотри, держись.

Солдат из конвоя суровым взглядом прошелся по толпе, затем обернулся к арестованным и, не поняв, кому адресован этот совет, хлестнул плеткой и тут же придержал вставшего на дыбы коня.

Сухощавый Гушмазуко в своей черной папахе возвышался над всей колонной арестантов. Несмотря на сильную обиду, нанесенную ему и его семье, он старался быть сдержанным, как подобает старому человеку. Всем своим видом старик подбадривал не только сына и двух племянников, которые были тут же при нем, но и всех арестованных.

— Гушмазуко не растеряется, нет, не из таких, — пробормотал мужчина в черной черкеске, с кинжалом в черных потертых ножнах, молча стоявший в толпе провожающих. Он один знал здесь о смерти сточетырехлетнего отца Гушмазуко — Бахо, который скончался всего час тому назад в Харачое, когда вышел из дома, чтобы проводить сына и внуков. Мужчина в черной черкеске пришел сюда с намерением сообщить им о смерти Бахо, но, подумав, умолчал: ведь этим ничего не поправишь в делах Гушмазуко.

На плечи старика свалились все беды: когда младший сын Солтамурад по любви готовился вступить в брак с дочерью Хушуллы Зезаг, у него силой отбили невесту, двух родственников Гушмазуко в этой драке убили, а его с сыном и двумя племянниками отправляют на каторгу. Семье старого Бахо не впервые бедовать. Гушмазуко еще мальчиком видел пытки, которым мюриды Шамиля подвергли его отца за неповиновение шариату. Бахо тогда уложили лицом вниз, сверху бросили на него плетень, и по нему маршем прошли воины имама. А когда подняли плетень, Бахо с трудом пополз до дома, отплевываясь кровью и проклиная режим Шамиля.

В это время из ворот крепости вышла группа людей и остановилась у подножия башни. Это был веденский пристав Чернов в окружении четырех чеченцев. По внешнему облику чеченцы эти резко отличались от тех, что пришли проводить арестантов: там — одна рвань, голь перекатная, здесь — добротные черкески, перепоясанные наборными ремешками, изящные кинжалы в серебряных с чернью ножнах. У двух чеченцев, кроме того, на груди сняли старшинские регалии. Солидные и представительные, они что-то пытались втолковать Чернову. Особенно горячился харачоевский старшина Адод Элсанов, другой, старшина аула Махкеты Говда, подтверждающе кивал головой и закатывал глаза. Два молодых чеченца — сыновья старшин — стояли чуть в стороне, всем своим видом обнаруживая почтительность к старшим, хотя физиономия Успы, сына Говды, излучала великое самодовольство: так должен смотреть на окружающих человек, который, несмотря на отчаянное сопротивление всякой голытьбы, берет себе в жены чужую невесту, известную во всей округе красавицу Зезаг. Так теперь оборачивалось дело: оскорбив дом Гушмазуко и честь дочери Хушуллы, Адод уже не решался женить на Зезаг своего сына, а обещал выдать ее за сына своего собрата Говды.

Чернов, хитро поблескивая глазами, слушал старшин, потом, видно, поняв, куда клонится витиеватая речь Адода, важно отстранил чеченцев рукой и кликнул начальника конвоя. Через несколько минут к нему подскакал молодой офицер в новеньком, с иголочки, мундире. Выслушав доклад о том, что этап арестантов готов двинуться в путь, пристав, как бы между прочим, заметил:

— В дороге особенно приглядывайте вон за тем, в коротком бешмете, — Чернов показал глазами на одного из арестантов.

— Это вы о ком? Вон о том красивом, черноусом говорите? — удивился офицер.

— Да.

— Так он же смирнее всех.

— Потому-то он и опасен. Я его знаю, это он тут всю кашу заварил, — проворчал Чернов, — место такому не в тюрьме! — и многозначительно добавил: — А вы, господин поручик, точно выполняйте правила конвоирования.

— Арестованным сейчас как раз читают и переводят правила следования по этапу, — сухо ответил молодой офицер.

— Можно и не переводить! — процедил сквозь зубы пристав.

— Это как же? — снова удивился поручик. — Я вас не пойму, господин капитан.

— Чего же тут понимать. Шаг и сторону — пристрелить на месте, и делу конец.

— Вы предлагаете мне нарушить воинский устав? — глядя Чернову в глаза, прямо спросил офицер.

— Да какое там нарушение! — с раздражением ответил тот. — Вы, господин Грибов, — человек столичный и здешние нравы больше по книжкам знаете...

Между тем, поняв по жестике офицеров, что речь идет о ком-то из них, молодой арестант в коротком бешмете увел старого Гушмазуко с края колонны в середину, сам встал на его место, а второго молодого поставил позади старика.

— ...За малейшую попытку, — бубнил в это время один из конвоиров. Переводчик вслед за ним не слишком внятно произносил каждую фразу по-чеченски. Арестанты стояли, тоскливо поглядывая по сторонам, будто навсегда прощаясь с родными местами, не вслушивались в слова переводчика. Наконец вся процедура закончилась.

— Шагом марш, не отставать! — скомандовал тот же конвоир. Арестанты подобрали свои узелки и, звеня кандалами, двинулись по длинной ухабистой улице, мимо унылых и ветхих домишек слободки. За ними тронулись было провожающие, но тут же замерли» остановленные угрожающими окриками конвоиров.

В этот момент со двора дома, что стоял слева у оврага, навстречу арестантам вышла женщина, прижимая к груди гору всевозможной глиняной посуды. Когда арестанты приблизились, она, причитая, разбила эту посуду перед ними на дороге. Тут же из другого дома вышла старуха, также с глиняной посудой, и проделала то же самое.

— Эй, с дороги, старая карга! Что ты там делаешь? — с угрозой крикнул ей один из конвоиров.

— Да оставь ее, — произнес другой, пожилой солдат. — Она желает им скорого возвращения домой.

— Ишь, чего захотела, ведьма старая! Вон отсюда! — Первый солдат замахнулся плеткой на старуху, которая все еще стояла на обочине дороги, сочувственным взглядом провожая арестантов.

Колонна двигалась по узкой каменистой дороге, вдоль рокочущей горной реки, среди густого леса. Вдруг набежали тяжелые тучи, подул ветер. Желто-рыжие листья вихрем кружились на узкой дороге.

На правом берегу реки, на самой вершине, над чинаровой рощей возвышался минарет маленькой мечети, крытой белой оцинкованной жестью. Там покоился прах матери святого Кунта-Хаджи. Арестанты машинально замедляли шаги и шепотом читали молитвы.

— Эх, был бы он здесь, не издевался бы над нами этот пристав Чернов, — сказал кто-то из арестованных.

— Это о ком ты, Дика? — спросил его другой.

— О нашем устaze Кунте, конечно. Да благословит его всевышний, — гремя кандалами, молитвенно воздел он руки.

— И при нем творили то же самое, — хмуро возразил ему тот же голос.

— Не смей так говорить о святейшем, — сердито поднял Гушмазуко свои густые порыжевшие брови.

— Что это там за разговоры? А ну, прекратите! — крикнул на них конвоир. — Быстрей шаг, не отставать!

Сытые кони солдат гарцевали под седоками. Арестанты сильно устали, но все же двигались дружно. Молодые помогали старикам: забирали у них тяжелые котомки и забрасывали себе за спину.

— Вон того, черноусого, который шагает рядом со стариком, видите? — обернулся поручик к солдату, показав на молодого арестанта в коротком бешмете.

— Да, вижу, ваше благородие. А что с ним?

— Всю дорогу слежу за ним, — ответил поручик. — Послушать господина Чернова, так он хуже зверя. А вот ведь какой спокойный: идет, будто боясь, чтобы никто из товарищей его не совершил оплошность или неосторожный шаг.

— Нельзя им верить, ваше благородие.

— Кому?

— Да здешним людям. И дорога, видите, какая? За каждым поворотом пропасть, а им тут любая тропинка знакома, — солдат подумал немного и добавил: — Я их хорошо знаю. Одно слово — разбойники!

— Ничего не случится, — сказал поручик подчеркнуто невозмутимым голосом и, выпрямившись в седле, тронул коня.

Молодому офицеру, приехавшему сюда из Петербурга, увлекшемуся Кавказом после чтения Лермонтова и Льва Толстого, казались возмутительными презрительные суждения о горцах. В отличие от многих представителей местной администрации, он любил поговорить о гуманизме, о человеческом достоинстве, и горцы рисовались ему в несколько умильных тонах. А веденский пристав Чернов в его понимании был всего-навсего волком. Между ним и обычным лесным волком была только одна разница: волк не спрашивает согласия овцы на то, чтобы ее сожрать, господин же Чернов в своих разговорах с местными жителями прибегает иной раз к елейным речам, но конечная цель его та же — волчья. По поводу пристава молодой дворянин, прямо скажем, не заблуждался, но горцам в этой картине роль отводилась несколько наивная. Нет, они не были овечками!..

Вскоре, за очередным поворотом, показался родник, и начальник конвоя объявил короткий привал.

Один из молодых арестантов зачерпнул в глиняную чашку холодной воды и подал ее Гушмазуко.

— Кто знает, придется ли еще когда-нибудь напиться родниковой воды, — сказал старик и жадно выпил всю чашку.

— Ничего, Гушмазуко, все мы во власти аллаха, он милостив, — ответил стоявший рядом арестант, принимая из рук старика чашку, чтобы снова наполнить ее водой.

— Баркалла, Домби, баркалла^[1], — закивал головой Гушмазуко. — Да будет нерушима его воля.

— Аминь!

Привал закончился быстро.

Когда колонна арестантов вошла в узкое ущелье реки Хулхулау, начали падать первые крупные капли дождя. Где-то высоко в небе словно прокатили огромную металлическую бочку. Рассекая черные тучи, ударила молния. Надвигалась темная ночь, узкая дорога шла, петляя среди высоких гор.

Арестанты, выведенные из крепости Ведено в то осеннее утро 1901 года, несмотря на грозу, поздно ночью в полном составе были доставлены в грозненскую тюрьму. Четверых из них, принадлежавших к семье Гушмазуко, развели по разным камерам. Перед этим каждого допросил дежурный офицер. Последним он допрашивал молодого, того самого — в коротком бешмете. Сначала все шло спокойно, по заведенному порядку.

— Как звать?

— Зелимхан, — ответил арестант.

— Фамилия?

— Гушмазукаев.

— Сколько лет?

— Точно не знаю, кажется, двадцать семь.

— Точнее! — повысил офицер голос.

— Пускай будет двадцать семь.

— Где родился?

— В ауле Харачой Веденского участка.

— Национальность?

— Чеченец.

— Профессия?

— Крестьянин.

Тут офицер замолчал и, лишь изредка поглядывая на стоящего перед ним Зелимхана, записывал: «Рост — средний, волосы на голове — черные, брови — черные, нос и рот — умеренные, глаза — темно-карие, лицо — чистое. Особых примет нет».

В ожидании дальнейших вопросов Зелимхан неподвижно стоял перед офицером. Во всей его манере держаться сочетались чувство собственного достоинства и скромность. Но глаза его разглядывали офицера без малейшего страха. Взгляд этот офицеру не понравился.

— Чего глаза выкатил? — зло покосился он на арестанта. — Или проглотить меня собрался?

Зелимхан пожал плечами: дескать, не понимаю вас.

— Нечего невинную барышню строить, все равно сразу видно — бандитская морда! — Офицер явно все больше взвинчивал себя.

Некоторое время Зелимхан надеялся отмолчаться, но поняв, что офицер недобирается оставлять его в покое, сказал, коверкая русские

слова:

— Наша религия не разрешает чушка кушать.

Офицер вскочил, словно его ошпарили кипятком:

— Вор, убийца!.. Мерзавец!.. Сгною здесь! Я тебе покажу, кто чушка! — кричал он, потрясая кулаками.

На этот крик прибежал поручик Грибов, доставивший арестантов из Ведено. Он хотел было вмешаться и объяснить дежурному офицеру некоторые требования гуманности, но воздержался, решив, что, может, они здесь и в самом деле знают, как нужно разговаривать с туземцами.

Зелимхан по-прежнему стоял неподвижно, будто все это его и не касалось, хотя в душе его бушевала бессильная ярость. Как он, горец, должен молча выслушивать все эти оскорбления и не убить обидчика? Хотя за последние два-три месяца ему довелось пережить и не такое. Легко ли ему сознавать, что пристав Чернов, ни за что ударивший по лицу его сточетырехлетнего деда Бахо, остался там, на воле, чтобы безнаказанно посмеиваться над внуками уважаемого старика, а он, Зелимхан, в это время стоял тут же, рядом, и ничего не мог сделать, так как руки его были связаны. Вот и сейчас он мог бы одним ударом свалить этого крикливого офицера и попытаться вырваться из тюрьмы, да что поделаешь, если отец и двоюродные братья томятся здесь в камерах.

Занятый этими горькими размышлениями, Зелимхан не заметил, как появился надзиратель и длинными коридорами повел его в камеру. Они остановились перед массивной, обитой черной жестью дверью. Звеня ключами, надзиратель отворил ее, толкнул арестанта в черный проем, и дверь захлопнулась за ним.

В нос ударил кислый запах пота. Над дверью тускло мерцала коптилка. В камере раздавался то глуховато-гортанный, то свистящий храп, и Зелимхан еще острее почувствовал все обиды и огорчения, которые обрушились на него за последние дни. Один из арестантов, что лежал тут же у входа слева на нарах, не говоря ни слова, подвинулся, уступая место новичку.

Уставший с дороги Зелимхан сразу лег, но спал беспокойно, то и дело вздрагивал, поднимался и оглядывался вокруг. Когда он проснулся от стука в дверь, которым тюремщик будил заключенных, у него было такое чувство, словно он и не спал вовсе.

Увидев новичка, все население камеры столпилось вокруг Зелимхана. Тут было немного чеченцев, и они стали забрасывать его вопросами: «Ну как там на воле? Ты откуда сам-то? А что делал на воле? Не видел ли,

случаем, моих?» Эти люди перебивали друг друга, трогали молодого харачоевца за рукав, заглядывали ему в лицо.

Не прошло и часа, как Зелимхан уже знал всех в камере. Тот, что ночью уступил ему место рядом с собой, попал в тюрьму за оскорбление городского. Усатый, высокий, как жердь, горец — за конокрадство. Он говорил о своей профессии с подкупающей гордостью, картинно описывая свои подвиги, в основном ночные вылазки в чужие конюшни. Старожилы камеры рассказывали, что с того дня, как его привели сюда, он не переставал требовать, чтобы его приняло тюремное начальство; при этом он утверждал, что стоит ему поговорить с начальством, и он окажется на воле.

Оживленный разговор заключенных прервал надзиратель, который повел их на прогулку.

Зелимхан сделал два-три круга по тюремному двору и, отойдя в сторону, прислонился к стене тюремного здания. Надзиратель грубо прикрикнул на него и вернул на место в цепочку заключенных. «Вчера большой начальник ругался, а сегодня — маленький! Откуда их столько берется? — подумал Зелимхан. — И все кричат как на непослушную скотину, вместо того, чтобы разобраться: ведь оскорбили-то меня! И вот я в тюрьме, а обидчики на воле. Где же справедливость? Нет, — решил молодой харачоевец, — напрасно я тогда сдался властям. Надо было бежать в горы, остаться на воле и самому драться за свою честь. Нет, надо бежать отсюда, обязательно бежать!» И желание быть свободным поселилось в нем столь властно, что ни о чем другом он и думать не хотел.

Когда их вернули обратно в камеру, Зелимхан, приложившись ухом к стене, попытался расслышать разговоры в соседней камере. Ему казалось, что там за стеной находится его отец Гушмазуко.

— Ничего так не услышите, я много раз пытался, — заметил ему один из новых товарищей, тот самый, который уступил ночью место на нарах. — Давайте-ка лучше позавтракаем. Меня зовут Николай Исакович Бобров. Правда, очень длинно, поэтому зовите меня просто Николай.

— А меня зовут Зелимхан, — сказал харачоевец.

— Здесь, Зелимхан, принято жить по-братски, — начал объяснять Бобров, извлекая из своей сумки и раскладывая перед горцем пайку черного хлеба, черствый лаваш, сыр, репчатый лук и свежие яблоки. — Ешь на здоровье!

— Спасибо, Николай, спасибо, — Зелимхан впервые за последние недели от души улыбнулся, показав ослепительно белые зубы.

Оторванный от родных, он впервые почувствовал, что не одинок.

Вскоре к ним подсел третий — веселый и очень разговорчивый парень, который назвал себя Костей.

— Коста, — на свой лад произнес Зелимхан имя своего нового товарища, — а скажи, пожалуйста, зачем вас арестовали?

— Меня?

— Да.

— Он у нас самый большой абрек, Зелимхан, — ответил за него Николай и улыбнулся.

Костя невозмутимо жевал хлеб.

— Дело мое путаное и серьезное, — наконец сказал он. — Короче говоря, взяли меня за участие в заговоре.

— А что такой заговор, Коста? — не понял Зелимхан.

— Заговор? Это значит, что я вместе с товарищами хотел убить царя, — многозначительно ответил Костя, улыбаясь.

Молодой горец с недоумением уставился на товарища. «Как это может быть, чтобы русский человек хотел убить белого царя?.. За что же ему убивать его?..» — размышлял он, а вслух спросил:

— Разве русским тоже плохо делает белый царь? Ведь царь русский человек?

— Гнет царя и его чиновников мы, русские, испытываем не меньше вас, Зелимхан, — внимательно глядя в глаза горцу, спокойно сказал Бобров.

— Бедному человеку везде плохо. Разве у вас там в горах не так? — добавил Костя.

— Э-э, Коста, наше дело совсем плохо, — вздохнул Зелимхан. — Вам один царь плохо делает, а нам и царь, и пристав, и старшина, и стражник — все плохо делает. Нам закон нету.

— И пристав, и старшина — все они защищают богатых, поэтому все одного поля ягода, — зло махнул рукой Костя.

В этот момент щелкнул волчок в дверях:

— Эй, тише там, — раздался голос надзирателя.

На минуту все умолкли. Из коридора доносились лишь гулкие шаги тюремщика.

— Посмотрел бы я, какие они храбрые, эти старшины, — первым нарушил тишину Зелимхан, поднимаясь с места, — если бы с двумя-тремя надежными товарищами был сейчас на воле! Там, в горах!

— Ну и что бы ты стал делать? — поинтересовался Бобров, укладывая в сумку продукты.

— Я послал бы пристава Чернова и старшину Харачоя Адода на кладбище.

— И думаешь, сразу стало бы хорошо?

— Вот это мужчина! — Костя похлопал Зелимхана по плечу. — Сразу видно!..

— М-х, вот уж рассудили, — перебил его Бобров, — одних вы убьете, а на их место царь найдет других, только еще худших. К чему же эта затея?

— И их можно будет послать туда же, — не сдавался Костя.

— Всех не перебьете.

— Зачем всех? Двух-трех, остальные будут смирными!

Молодой горец слушал этот спор с огромным вниманием. Он не мог понять, как это можно не убивать злодея, который, пользуясь властью, издевается над людьми. По убеждению харачоевца, тот, кто чинит людям обиду, должен платить за это своей кровью.

— Коста правильно говорит, — сказал наконец Зелимхан. — Все помирать не хочет, Николай. Плохой начальника надо рубить, тогда другой тихий будет.

Остальные арестанты в этот спор не вмешивались. Высокого конокрада интересовали только дела, связанные с воровством. Чеченцы же, зная русский язык еще хуже Зелимхана, не могли понять, о чем идет речь. Новые знакомые очень понравились Зелимхану, особенно Николай, хотя именно с ним он и спорил. На желтовато-бледном лице этого человека светилась добродушная улыбка, во всем ощущалась его готовность прийти на помощь товарищу. Даже неразговорчивого Зелимхана, и того он вызвал на откровенный разговор так, что тот рассказал ему не только о своем деле, но даже о своей юности и первой любви.

Бобров слушал молодого харачоевца с искренним участием. Но когда Николай принимался доказывать, что убийством чиновника нельзя ликвидировать зло, горец не мог согласиться с ним.

Нелегко было и Солтамураду, оставшемуся на воле после ареста отца и братьев. Жизнь его стала невыносимо горькой, и он готов был отдать ее немедленно, лишь бы за достойную цену. А какая тут цена достойная? Вот вопрос, который теперь неизменно задавал себе горец. Убей он пристава, Элсановы только обрадуются: его арестуют за убийство, и им уже некого будет бояться. Если он убьет кого-нибудь из Элсановых, власти все равно арестуют его, а семья его окажется беззащитной перед кровной местью. А ведь надо еще невесту отбить. Нет, очень тяжелое положение у Солтамурада. И сколько ни думай, а придумать такое, чтобы достойно отомстить всем врагам и в то же время вырвать из их рук любимую, — не придумаешь!

С тяжелыми этими мыслями сидел Солтамурад однажды вечером, когда к нему пришел сосед и сообщил:

— Ты знаешь, что Адод, не посмев оставить Зезаг как невесту своего сына, теперь выдает ее замуж за сына мехкетинского старшины Успу?

Первую минуту юноша сидел молча, ошеломленный, стараясь разобраться, не подсказывает ли ему судьба достойный выход. Потом спросил:

— Это как же? Ведь она дочь Хушуллы. Он знает об этом или нет?

— Кто? — переспросил сосед.

— Хушулла.

Тот только развел руками да закатил глаза.

— Хушулла безвольный человек! Его как бы и нет. Он, как прелый пень, будет лежать там, куда его бросит старшина... Он нарочно закрывает глаза, чтобы все думали, что он слепой.

Вдруг Солтамурад вспомнил: «Не забывай меня, я совершенно одна, помочь мне некому», — сказала ему недавно Зезаг. Юноша вздрогнул.

— А ты знаешь, когда и куда они собираются ее увезти? — будто очнувшись, спросил он у соседа.

— Точно не знаю, — ответил тот, — мне почему-то кажется, что они намерены сегодня до рассвета доставить ее в Махкеты... — Он пытливо посмотрел на Солтамурада. — Я вижу этот разговор сильно взволновал тебя. Извини! — сосед покачал головой и поднялся, чтобы уйти.

— Нет, зачем! Спасибо тебе за то, что сообщил мне об этом, — спокойно сказал Солтамурад, провожая соседа до двери.

После его ухода молодой горец еще долго лежал и раздумывал: «Правильное ли решение я принял? Нельзя же мне дать им увезти Зезаг в Махкеты, дело еще больше осложнится... Но ведь за такую попытку попали в тюрьму отец и братья. Если там с ними что-нибудь произойдет, тогда куда мне деваться? Но теперь могут схватить и меня, без борьбы дело не обойдется, прольется кровь. И что тогда?» Так мысли его все снова и снова описывали этот бесконечный круг.

Было далеко за полночь, когда Солтамурад поднялся. Он оделся, опоясался кинжалом. В этот момент в комнату неожиданно вошла мать.

Он знал, что она угадывает его состояние, тревожится о нем и постоянно следит за каждым его шагом, но скажи ему кто, что мать и сейчас на ногах, он бы не поверил.

— Мама, это ты? — спросил он подчеркнуто спокойно.

— Да, — ответила старая Хурмат, остановившись у порога.

— Я должен пойти туда, мама, понимаешь?.. Это необходимо!

— Ты уже ушел, сын мой, — перебила его мать, — твои глаза меня уже не видят.

«Мне тяжело, очень тяжело, но честь семьи дороже тебя, сын мой», — можно было прочесть на ее посуровевшем, словно окаменевшем лице.

— Твои глаза не видят меня. Ты слышишь? Твои глаза не видят меня, — дважды повторила она.

— Нет, вижу, мама, хорошо вижу.

— Знаю, что видишь, — сказала она. — Если ты идешь отомстить за поруганную честь нашей семьи, то иди, и да поможет тебе аллах. Не будь только трусом! — Старуха пытливо и требовательно всматривалась в лицо сына. Глаза ее наполнились слезами, но на всем облике ее лежала та же необычная суровость. Казалось, будто она погрузилась в небытие, безразличная ко всему на свете, к людям, к судьбе своих детей и к собственной жизни во имя восстановления родовой чести семьи Бахоевых.

Выходя из дома, Солтамурад все еще толком не знал, что же именно ему следует предпринять. Одно было ясно: хоть швырнув камень на дорогу, нужно помешать врагам увезти Зезаг.

Солтамурад сидел у дороги до самого рассвета. В лесу стояла настороженная тишина, нарушаемая лишь однообразным шумом реки. Шелест дубка, треск сухого валежника, всполох ночной птицы — все это тревожило, било по обостренному слуху юноши, заставляя его вздрагивать.

Блекли звезды. Перед рассветом на поляну выскочила лисица с темно-серой спинкой. Взглянув в сторону дороги, зверь остановился как вкопанный, потом, сверкнув огоньками глаз, круто повернул назад и исчез в желтой листве осеннего леса. В чаще затрещали ветки, шумно взлетели испуганные куропатки. «Такая маленькая, а сколько шума наделала», — подумал Солтамурад.

Прислушиваясь и наблюдая за дорогой, Солтамурад чувствовал, что временами его начинает клонить ко сну. Когда на востоке показались первые проблески зари, он приложил ухо к сырой земле, и в настороженной дреме слух его уловил легкие шаги и приглушенный говор. Вскоре на тропинку в десяти шагах от него вышли трое мужчин и женщина. В руках у того, что шел впереди, была берданка, он держал ее дулом вперед.

Увидав Солтамурада, человек этот молча отскочил назад и выстрелил. Стрелял он, видно, наугад, с испугу. Пуля сорвала кору с дикой груши и с визгом ушла в лес.

Выхватив кинжал, Солтамурад слепо ринулся вперед.

— Аллах проклянет тебя, если убьешь! — крикнула Зезаг, устремляясь к нему навстречу.

Но тут кто-то из мужчин схватил ее за платье и оттащил назад. Все они быстро укрылись за кусты. Щелкнули затворы, и новый выстрел рванул тишину леса.

Упавший Солтамурад, словно сквозь сон, слышал, как близко от него булькала вода, принимая осыпающуюся с берега гальку, трещали сучья. Юноша поднялся и уже совсем далеко, на том берегу реки, увидел мужчин, которые силой волокли Зезаг в лес.

Разрубленная на куски, словно саблей, бурным течением горных рек и родников лежит многострадальная земля харачоевцев. Спиралью поднимаясь на гребни гор, оставляя внизу в глубокой лощине шум реки Хулхулау и горе людское, перебираясь через Андийский хребет, вьется дорога, связывающая Чечню с Каспийским морем.

Здесь, на берегу Хулхулау, в ауле Харачой стоял каменный дом Гушмазуко, крытый черепицей. Это был типичный, уже старый дом крестьянина тех лет, с длинной открытой галереей, неприглядность которой скрывали деревья, густо росшие во дворе. В ясную погоду отсюда открывался прекрасный вид на Харачоевские горы.

Сейчас деревья стояли оголенные, жалобно скрипя под ветром. За деревьями, слева от сарая, можно было разглядеть два десятка ульев. А там, дальше, за покосившейся оградой, где в копнах лежала кукурузная солома, помещался хлев. Он был пристроен к скале, у самого подножия горы. Тут же бродила корова с телянком. Корова эта была подарена Гушмазуко своей невестке Бици — жене Зелимхана.

К вечеру пошел мелкий морозящий дождь. Корова лениво жевала толстый стебель уже давно общипанной ею кукурузной соломы, а теленок стоял рядом, подрагивая от холода. Все в этом хозяйстве было ветхо, во всем ощущалось отсутствие мужской руки. Даже старательной Бици многое тут было не по силам, и единственное, что она могла — это держать в чистоте двор и свежепобеленный дом. Так она старалась сопротивляться бедам, которые продолжали обрушиваться на дом потомков Бахо: не успели забыться поминки после похорон старика, как умерла родная тетка Зелимхана, и дом Гушмазуко снова погрузился в траур.

Опять сюда шли харачоевцы и люди из дальних аулов, чтобы выразить свои соболезнования. Люди молча подходили к Алихану — дальнему родственнику Гушмазуко. Он сидел во дворе на потертом камне, вставая навстречу пришедшим на тезет^[2].

— Ассалам алейкум, — обращался к нему старший из вновь прибывших. — Просите у аллаха прощение.

Все присутствующие молитвенно протягивали перед собой руки, старший из них читал доа^[3], а остальные шепотом повторяли «аминь».

Затем гости подходили к Алихану, жали ему руку и говорили:

— Да сделает всевышний пребывание покойного счастливым, а живых пусть наградит терпением.

Женщины на тезете не присутствовали. Войдя во двор, они поднимали плач и проходили в отведенную им для выражения соболезнования комнату. Там, рыдая, они хвалили дела и поступки умершего.

Эти скорбные визиты продолжались две недели, затем сразу наступило мертвое затишье: почти никто не приходил в дом Гушмазукаевых, и Бици с детьми осталась одна. Даже мать Зелимхана уехала к своим родным.

Как-то вечером Бици пошла в лес собрать сухого валежника. Когда она вернулась домой, пятилетняя Муслимат и еще меньшая Энисат спали на глиняном полу перед товхой^[4], положив кудрявые головки на сырые поленца, а неподалеку от них, размотав ситцевые пеленки и моргая круглыми черными глазами, в люльке лежал совсем еще маленький Муги — сын Зелимхана. Такое короткое имя дала своему внуку Хурмат — мать Зелимхана, отвергнув все двусложные и непонятные ей арабские имена.

Войдя в маленькую комнату, Бици устало опустила на пол вязанку хвороста и уложила дочек на нары, положив им под голову потрепанную подушку. Затем, присев к люльке, она дала сыну грудь. Бици сидела, наклонившись над люлькой, и с грустью поглядывала на слабый огонь в очаге, едва освещавший полутемную комнату. Несчастная женщина перебралась сюда с детьми из-за нехватки дров.

Все убранство комнаты говорило о крайней скудости. В углу у стены были аккуратно сложены друг на друга скатанные войлочные подстилки, ситцевые одеяла и подушки, на полу перед товхой лежала порядком потертая шкура лани, а у входа стояли медный тазик и кумган, за дверью в углу приютился веник. Около нар под окном помещался маленький столик на трех ножках и такие же низкие стульчики. На подоконнике расположились самодельные куклы девочек.

Накормив Муги, Бици долго молча глядела на сына — больше всего связывало ее это маленькое существо с Зелимханом. И мальчик, словно понимая ее, серьезно смотрел на мать. Бици взяла его на руки и, присев на ланью шкуру, стала поправлять огонь в товхе.

Сухие дрова, хоть и слегка подмоченные дождем, потрескивая, горели, как порох. Девочки проснулись и, протирая глаза, слезли с нар.

— Идите ко мне, — сказала Бици и, бросив кочергу, свободной рукой прижала к себе девочек. — Вы, верно, голодные, кушать хотите?

— Да, — кивнули девочки, сонно тараща глаза.

— Сейчас мама накормит вас.

Уложив Муги в люльку, Бици достала из ниши в стене маленькую керосиновую лампу, зажгла ее и принялась делать катышки из кукурузной муки. Она испекла их на горячих углях в товхе и дала дочерям с чашкой черного калмыцкого чая. Потом поела и сама.

Уложив детей спать, Бици еще долго сидела у очага, невесело раздумывая о многочисленных житейских заботах: к утру печку затопить, детей накормить, дать корма скоту, хлев убрать. А чем накормить гостей, если снова заглянет кто-нибудь? Сестру старого Бахо знали многие, и люди шли из самых дальних аулов. Были и такие, что хотели узнать о судьбе узников, томящихся в грозненской тюрьме. Обо всем этом справлялись у Бици, потому, что убитый горем Солтамурад вообще не появлялся на людях.

Уже лежа в постели, женщина думала о своем вчерашнем разговоре с братом.

— Ты здесь совсем одна, и дети маленькие, перебирайся-ка лучше в отчий дом, — предложил он.

— Нет, — отвечала Бици, — не уйду отсюда, не осрамлю этот дом.

— Если что-нибудь с тобой случится, позор ляжет на нас, — стоял на своем брат. — Дело Зелимхана может затянуться надолго, поживи лучше с нами, а там видно будет.

— Сколько бы оно ни тянулось, я не уйду из этого дома, — твердо сказала Бици и отвернулась от брата.

Залаяла соседская собака. В доме царила глубокая тишина; Бици лежала, прижавшись к дочери, и думала о Зелимхане. Вот он, виделось ей, запрягает быков, они вдвоем едут на сенокос... Он вытащил из сумки оселок и наточил косу. Потом, широко размахнувшись, принялся косить душистую траву. Но вот он устал, остановился, чтобы передохнуть, подошел к ней, сел в тени арбы и, улыбаясь, делится с женой своими планами по хозяйству. Ведь было же такое! Совсем недавно. День тогда стоял жаркий, тихий, в воздухе чувствовалось приближение грозы. Но Бици не боялась ни грозы, ни града. Все было для нее хорошо — Зелимхан был рядом. Но вот надо же было ворваться к ним в дом какому-то злому духу, который нарушил их счастье.

Зелимхан никогда не объяснялся Бици в любви, но был настолько сильно привязан к жене, что без нее чувствовал себя больным. И когда она однажды призналась ему, что очень счастлива с ним, он просто ответил: «Потому, что ты меня сделала счастливым».

Утомленная этими мыслями, Бици едва вздремнула, когда сквозь сон услышала стук в дверь. «Кто бы это мог быть в такой поздний час?» — подумала она, поднимаясь, чтобы открыть дверь. В комнату вошел двоюродный брат Зелимхана Бетелгирей.

— Ну, как поживаете? — спросил он, присаживаясь на нары.

— Ой, это ты, кант^[5] — удивилась Бици. — Что-нибудь случилось?

— Да нет, ничего особенного, — ответил Бетелгирей, — просто пришел повидать вас.

— Нет ли чего нового от наших из Грозного?

С минуту Бетелгирей молчал, будто собираясь с мыслями.

— Говорят, что вчера Зелимхана, Али и Ису вывели из грозненской тюрьмы и отправили на Илецкую каторгу, соль копать, — как бы нехотя, сказал он, не поднимая головы. — Гушмазуко как непригодного к физическому труду направили во владикавказскую тюрьму.

— Кант, — робко спросила Бици, — скажи, пожалуйста, а что это за место «Илецка» и далеко ли от нас?..

— Вот уж этого не знаю, — ответил Бетелгирей. Потом достал из очага головешку и прикурил от нее только что скрученную сигарку крепкого самосада.

— А кто из наших может это знать?

— Когда доедут до места, Зелимхан обязательно пришлет письмо. Вот тогда соберемся все и поедem к ним...

* * *

А в то же время в доме сына махкетинского старшины Говды томилась Зезаг. Вот уже четвертый месяц билась она, не подпуская к себе Успу, которого силой навязали ей в мужья. Внушенное ей с детства убеждение, что жена должна беспрекословно повиноваться воле мужа, уже настолько пошатнулось в душе Зезаг, что она решительно отказывалась признать законным этот ее брак.

— Да ведь нас благословил сам кадий! — возмущался Успа. — Ты что же, отвергаешь и шариат?

— Да, и от шариата отрекусь, если он требует, чтобы я выходила замуж по капризу сильных! — твердила девушка.

Пока отвергнутый муж угрожающе сжимал кулаки, Зезаг настороженно поглядывала вокруг, ища предмет, которым могла бы воспользоваться для защиты. Грудь ее высоко вздымалась, ее раненое сердце, еще хранившее под пеплом весь свой неукротимый жар, билось, как пойманная птица.

Успа метался из угла в угол, как затравленный зверь в клетке. Затем он внезапно остановился, теребя рукоятку кинжала, и Зезаг, встретив холодный угрожающий взгляд мужа, почувствовала себя так, будто падает в глубокую пропасть. Она была совсем одна, и страдания ее были тяжелей оттого, что ей не с кем было поделиться ими. И все же до сих пор ни побои, ни ласки, ни уговоры не могли примирить ее с нелюбимым мужем.

С трудом переводя дыхание, Успа снова начал:

— Зезаг, я люблю тебя и никому не уступлю! Запомни это!

Зезаг хранила холодное молчание, прислушиваясь к отдаленным раскатам грома. Гроза приближалась.

Вдруг Успа зверем бросился на жену, с силой привлек ее к себе, повалил на кровать. Его побагровевшее потное лицо тянулось к ее лицу, он пытался ласкать ее, бормотал какие-то невнятные слова, весь в плену безудержной похоти. В этот момент совсем близко оглушительно грянул гром, и руки Успы невольно ослабли. Воспользовавшись этим, Зезаг оттолкнула его с такой силой, что он свалился на пол, ударившись виском об угол стола.

Зезаг кинулась из комнаты. Вдогонку ей просвистел кинжал, брошенный Успой. Клинок с силой вонзился в притолоку двери. На шум прибежала свекровь.

— Ваттай!^[6] — заголосила она, увидев кровь, стекавшую по лицу сына. — Кто это так подло обошелся с тобой?

Сын молча сидел на полу, схватившись рукой за лоб, и глаза его злобно уставились на дверь, за которой скрылась Зезаг. Мать, как бешеная, выскочила из комнаты, забыв о приличии, ворвалась в помещение старшей невестки. Она не ошиблась. Зезаг укрылась именно там.

Увидев озлобленное лицо свекрови, девушка, подобрав рваное платье, попыталась прикрыть им свою нагую грудь. Она прижалась к стене, дрожа, как осенний лист.

— Что это ты наделала, грязная сука? Я убью тебя! — накинулась на нее с кулаками старуха.

Девушка стояла, закрыв глаза, готовая умереть.

— Ой, мама, ты что, с ума сошла? Не бей ее, она и без того вся в синяках, — попыталась вмешаться старшая невестка.

— Уходи и ты, сатана, с глаз моих! Вы бы лучше радовались, что сыновья мои еще держат вас в доме! — И, схватив кочергу, старуха принялась учить невесток.

Над крутым и высоким берегом реки Хулхулау гигантской каменной твердыней высилась крепость Ведено, построенная здесь царскими генералами для устрашения вольнолюбивых и постоянно волновавшихся горцев. Орудия, угрюмо выглядывавшие из бойниц ее мрачных башен, своими жерлами были направлены на окрестные аулы.

В крепости под защитой этих пушек жила кучка чиновников и купцов, которые обирали крестьян непосильными налогами, двойными ценами на товары. Все эти люди занимались сочинением различных доносов высокому начальству. Доносы писались и лживые и правдивые, поскольку в них говорилось о неповиновении горцев, об их готовности восстать против белого царя. Но цель всех этих доносов, как правило, была прозаическая: желание выслужиться перед начальством, получить похвалу или деньги. Между собой чиновники жили недружно; тут постоянно плелись мелкие интриги, сочинялись сплетни. Стоило кому-нибудь из этой своры подняться на ступеньку выше, как тут же пускались в его адрес порочащие слухи. Что же касается местных крестьян, то их чиновники считали рабами, ниспосланными им самим богом для бесконтрольного выжимания всех соков.

Среди этого десятка власть имущих особое место занимал веденский кадий — Оба-Хаджи. Его грозным оружием была религия, а она проникает в человеческое сердце увереннее и точнее, чем кинжал. С именем аллаха Оба-Хаджи двигал или останавливал горы людского невежества. Стоило кадию, воздев руки к небу, произнести: «Бойся аллаха!» — и любой горец, даже самый храбрый, смиренно опускал голову.

Оба-Хаджи окружало всеобщее почтение, уверяли, что «он занят поисками доброго для всех у самого бога». И какое бы великое зло ни совершалось, стоило получить на то одобрение кадия, и зло это начинали благословлять как «добро, ниспосланное самим аллахом».

Беспомощность добра и храбрости перед «велением всевышнего» испытал на себе несчастный дом Гушмазуко и его сыновей.

Адод Элсанов, силой отобравший у Солтамурада невесту и, в конце концов, выдавший ее за сына махкетинского старшины, освятил это черное дело словом святого Оба-Хаджи.

Кадий при этом хорошо понимал, что, благословляя брак Успы с чужой невестой, он совершает безнравственное дело, но он был прежде всего политик: не ссориться же было ему с уважаемыми старшинами из-за семьи каких-то голодранцев. К тому же Оба-Хаджи тесно сотрудничал с веденским приставом Черновым...

Сегодня Чернов принимал в своем доме начальника Чеченского округа полковника Дубова. Кроме важного гостя, здесь были чиновники крепости, а также старшины крупных аулов, явившиеся сюда с обильными подношениями. Стол был богатый, в основном в кавказском вкусе. Поначалу гости ели молча, не спеша, макая куски душистой молодой баранины в чесночный настой. Но вот полковник сыто отвалился на подушки, вытер жирные руки салфеткой, взял хрустальный бокал, наполненный вином, и, смакуя, сделал из него два глотка.

— А знаете ли, Иван Степаныч, я ведь для вас новость привез,— помолчав, сказал Дубов хозяину.

В комнате сразу стало тихо. Все, затаив дыхание, смотрели на полковника, хотя он обращался к приставу, словно не замечая остальных присутствующих.

— Зная нас как своих верных друзей, Антон Никанорович, полагаю, вы не сообщите нам ничего неприятного, — отвечал Чернов, заискивающе заглядывая в лицо гостя. При этом он пододвинул к нему блюдо с жареными цыплятами.

Полковник мельком обвел присутствующих влажными, ничего не выражающими глазами, но промолчал.

— Так что же, Антон Никанорович, может, и вправду какие-нибудь неприятности? — вкрадчиво спросил пристав, встревоженный молчанием гостя. Мысль, что начальник округа мог приехать по жалобе на него, несколько встревожила Чернова.

— Ничего особенного не произошло, — вяло отозвался гость и опять замолчал.

— Все же расскажите нам, Антон Никанорович, — не унимался хозяин. Он быстро прикинул в голове, что от любой жалобы можно откупиться, и настроение его снова улучшилось.

— Приговор по делу Гушмазуко, его сына и племянников отменен Верховной палатой, — сказал полковник, подумал немного и, не поднимая головы, отодвинул от себя пустой бокал. — Троиخ вернули обратно с каторги, и сейчас они находятся в грозненской тюрьме...

Улыбка мгновенно слетела с лица Чернова. Он бессмысленно обвел гостей глазами; побледневшее его лицо покрылось темными пятнами. В

конце стола, у входа в комнату, сидели четверо чеченцев, польщенных тем, что их допустили сюда. Это был Адод Элсанов, старшина Говда и двое веденских купцов.

Неожиданно с места поднялся Адод.

— Господин полковник, — произнес он, плохо выговаривая русские слова, — это зачем Зелимхан пришел назад?

— Как зачем? Суд вернул его, — сказал полковник. — А вы что, боитесь его возвращения?

— Нет, — гордо ответил Адод, хотя голос его дрогнул. — Моя Зелимхана не боится. Зелимхан не мужчина.

Уловив, что в разговоре упомянуто имя Зелимхана, махкетинский старшина внимательно прислушивался к разговору.

— Скажи мне, Адод, — тихо спросил он, наклонившись к другу, — почему полковник разговаривает про Зелимхана?

— Э, разве ты не понял его? — удивился Адод.

— Очень плохо, — признался Говда.

— Полковник говорит, — объяснил Адод, — что Гушмазуко со своей оравой находится в Грозном, что приговор суда по их делу отменили. Возможно, что их освободят, — добавил он от себя.

Говда сразу съежился, словно его окатили холодной водой.

Полковник заметил, что его сообщение произвело на собравшихся сильное впечатление, чуть улыбнулся и добродушно заметил:

— Но если даже их освободят, в этой банде не осталось никого опасного: старик Гушмазуко сильно болен, а из молодых кто-то умер там, — и, взяв бокал, услужливо наполненный Черновым, он обвел присутствующих испытующим взглядом.

Адод Элсанов, который был посмелее своего коллеги и лучше говорил по-русски, спросил гостя:

— Господин полковник, скажите, пожалст, не Зелимхан ли помер? Полковник, хотя и знал, что умерли племянники Гушмазуко, а не Зелимхан, желая позабавиться, небрежно ответил:

— Точно не знаю. Но какая разница, если шайка поубавилась, — и он махнул свободной рукой: дескать, хватит об этом.

Адод пристально поглядел на подавленного махкетинского старшину и, стараясь улыбнуться, еле слышно произнес:

— Ничего, пусть даже их освободят, но жить Гушмазукаевым мы здесь все равно не дадим.

Говда, хорошо знавший, что отвечать за оскорбление семьи Гушмазуко придется прежде всего ему и его сыну Успе, не успокоился,

услышав кичливое заявление Адода. Он сидел молча, уставившись в пол. Затем Говда повернулся к Адоду и проверил, выпил ли он свой бокал. Сам Говда вообще-то не пил. Но что только не сделаешь ради пристава Чернова, который был для махкетинского старшины самым большим начальником. И, заискивающе улыбнувшись Чернову, Говда опрокинул полную чарку с вином.

Гости, изрядно охмелевшие от крепкого червленского вина, оживленно разговаривали. Только Адод думал все про свое: «Разница в том, кто погиб из Гушмазукаевых, конечно, есть. Знай господин полковник сыновей Гушмазуко, он бы сам понял это». А вслух тихо спросил:

— Говда, слышишь? Интересно бы знать, кто же все-таки из них там умер?

— Где? — не понял Говда.

— Да из сыновей Гушмазуко, — ответил Адод, и кадык у него дернулся, словно он с трудом проглотил кусок мяса.

— А умер ли из них вообще кто-нибудь, Адод?

— Он говорит, что умерли.

— Кто говорит?

— Полковник.

— Так он и заступится за нас. Мы ему нужны!..

Выпучив покрасневшие от хмеля глаза, Говда неожиданно вскочил и, с трудом выговаривая русские слова, начал бормотать:

— Господин полковник, моя есть махкетинский старшина Говда... Ты не волнуйся, тут против твой закон никто восставать не будет... А кто будет, я вот этим! — и он схватился за серебряную рукоять своей шашки.

— В присутствии его высокоблагородия не смей дотрагиваться до оружия! — прикрикнул на него один из сидевших за столом офицеров. — А то я живо найду для тебя другое место, дурак.

Старшина растерянно посмотрел на офицера и опустил свое место.

В это время со двора донесся многоголосый шум. Можно было различить отдельные чеченские фразы:

— Пусть выйдет полковник!

— У нас есть разговор!..

— Надоело! Сколько можно терпеть!

— Это что еще за крики? — вскинулся начальник округа, и тотчас один из офицеров вскочил из-за стола и опрометью бросился вон. Через какую-нибудь минуту он вернулся.

— Господин полковник, это крестьяне из окрестных сел, они хотят видеть вас, — отрапортовал офицер, вытянувшись по стойке «смирно».

— Что им нужно от меня? — Сытое и самодовольное лицо полковника дернулось, но синевато-водянистые глаза смотрели сонно.

— Жалуются на старшин. Налоги, дескать, велики...

— Хватит, довольно! — заорал полковник и повернулся к Чернову. — Чтобы я больше не слышал этого крика! Сейчас же уберите их из крепости! — Он решительно поднялся из-за стола и вышел в другую комнату.

— Сейчас же будет исполнено, ваше высокоблагородие, — козырнул Чернов и в сопровождении старшин и офицеров выскочил во двор.

* * *

Нет, не желание выслушивать жалобы крестьян или пресечь произвол пристава привели полковника Дубова в Ведено. Приближалось жаркое лето, предстоял выезд с супругой из душного Грозного куда-нибудь на берег Черного моря, для чего нужны были деньги. Вот и приехал он в свои владения за очередными поборами с подчиненных. А тут еще в кругу начальника Терской области ходили слухи, что Ведено отойдет от Грозного, выделится в самостоятельный округ, потому и надо было не прозевать собратъ с веденцев, быть может, последнюю дань для нужд капризной хозяйки дома.

Из таких поездок, а тем более от Чернова, полковник не возвращался пустым. Зная об этом, Дубов, удалившись в кабинет пристава, тотчас выдвинул из-под стола свой кожаный чемодан и открыл его. Как он и ожидал, там лежали две пачки сторублевых бумажек. Он с удовлетворением улыбнулся, закрыл чемодан и отошел к высокому окну.

Жалобщиков не было слышно, их прогнали стражники. Дубов знал, как это делается, он был опытный человек, и местные нравы были ему хорошо знакомы. Линия его поведения была сформулирована четко и ясно: твердость, без малейших поблажек по отношению к слабым, а с немногими сильненькими можно и поиграть в некую приятную, в общем, игру: уважение к горским обычаям и все такое прочее.

Дубов вспомнил, как он, будучи еще молодым офицером Уланского полка, впервые приехал в Чечню. Еще с тех пор будущий начальник округа старался завести себе кунаков из среды чеченцев. Он начал налаживать знакомства с представителями богатых семей, которые тем не менее, подобно голодным псам, вертелись у ног атамана Терской области. Еще тогда молодой офицер уверовал в то, что именно он может оказаться

весьма полезным человеком в деле проведения на Кавказе той политики, которую диктует Петербург. Желая закрепить себе место на этом поприще, Дубов заучил несколько десятков слов из чеченского языка, правила кавказского гостеприимства, стараясь во всех своих поступках как в семье, так и в гостях походить на богатых чеченцев.

Воспоминания Дубова прервал скрип двери. Он оглянулся; на пороге в почтительно извиняющейся позе стоял Чернов.

— Антон Никанорович, — произнес он, искательно всматриваясь в глаза начальства, — этих мошенников провоцируют родственники Зелимхана. Только вы, пожалуйста, не беспокойтесь, мы уж как-нибудь сами справимся с ними...

Полковник широко улыбнулся: содержимое чемодана не могло не сказаться на его настроении.

— Думается мне, Иван Степаныч, не умеете вы правильно вести себя среди этих дикарей, не умеете, — и он, небрежно махнув рукой, опустился в мягкое кресло, стоявшее перед большим зеркалом в черной оправе.

— Моя справедливость, — начал пристав, — воспринимается...

— Да не о вашей справедливости идет речь, — перебил его Дубов, — пусть бы ее и вовсе не было.

— Тогда я не совсем понимаю вас, — пролепетал Чернов. Он вопросительно уставился на полковника.

С минуту оба молчали.

— Каторгой и мелкими военными стычками никогда не одолеешь этих дикарей, Иван Степаныч, — нарушил тишину полковник и, не досказав мысли, умолк, поглядывая в окно.

— Быть может, я что-нибудь упускаю, — хозяин пытался уловить мысль важного гостя. Он как бы раздумывал вслух, но в затянувшейся паузе взгляд его невольно задержался на чемодане полковника.

— Друг мой, их надо постоянно ссорить между собой, — произнес наконец Дубов. — Господи, да пусть себе враждуют на здоровье род Гушмазукаевых с родом, как их там, Элсановых, что ли?.. Кровная месть? Пожалуйста! Это только заставит толстых этих свиней искать вашего заступничества. Еще римляне говорили: разделяй и властвуй. Теперь, надеюсь, вы меня поняли?

Чернов понимающе кивнул головой, но в глазах его светилась тревога. Между тем полковник, вспомнив о своем чемодане, решил, что дела его здесь закончились, а потому, прервав разговор, сказал:

— Милый Степаныч, — он снопа поглядел в окно, — а теперь готовьте моих людей в дорогу. Мне пора ехать.

— Что вы, Антон Никанорович, переночуйте хоть сегодня, — взмолился пристав.

— Спасибо, Степаныч, у меня еще в Сержень-Юрте есть надобность задержаться. Так что велите моим готовиться в путь, — приказал Дубов и с некоторым усилием встал с кресла.

— Антон Никанорович, — пристав шагнул к полковнику, — у меня к вам большая просьба.

— Какая? Говорите.

Пристав умолк, не зная, с чего начать. Губы его дрожали.

— Говорите, Иван Степаныч, вы же знаете, что я готов удовлетворить любую вашу просьбу, — Дубов подошел к Чернову и положил ему руку на плечо.

— Антон Никанорович, умру вашим послушным рабом, только об одном прошу, сделайте так, чтобы сын Гушмазуко Зелимхан живым не возвращался сюда.

— Да ты, я вижу, сам боишься его? — серьезно произнес полковник.

— Зелимхан сильный и смелый человек, — взволнованно заговорил Чернов, — в нем угадывается железная воля. До сих пор он вел себя тихо, но он настоящий горец, он ничего не забудет. Прольется много крови.

Дубов на минуту задумался.

— Но что же сделать?.. Впрочем, можно обойтись и без уголовного суда. Ведь и шариатский суд имеет право держать их в тюрьме, — он снова подумал и добавил: — Кстати, какие у вас отношения с местным кадием?

— Оба-Хаджи сделает все, о чем я его попрошу.

— Вот и попросите. И можете не сомневаться, живьем я вашего Зелимхана из грозненской тюрьмы не выпущу. — Полковник слегка оттолкнул от себя пристава: дескать, иди делай то, что приказано.

— Спасибо вам, Антон Никанорович, никогда не забуду вашу доброту, — с сердцем сказал Чернов, чуть не целуя руку высокого гостя. А выходя во двор, подумал: «Вот ведь вовремя Адод и особенно Говда передали ему две тысячи рублей на подарки Дубову».

Возвращенные с Илецкой каторги для нового судебного следствия Гушмазуко с сыном Зелимханом и больным племянником Исой содержались в грозненской тюрьме. Второй племянник — Али — скончался еще на каторге.

Судебная палата отменила приговор окружного суда по делу Бахоевых на том основании, что «накануне рамазана месяца 18 числа ночью луна не светит, и поэтому невозможно было видеть убийцу».

Дело Бахоевых передали шариатскому суду. Но оно было предрешиено: благодаря влиянию Оба-Хаджи можно было не сомневаться, что харачоевцы будут осуждены по шариатскому праву чеченцев. Иса, так и не дождавшись суда, умер здесь. Смерть последнего двоюродного брата резко изменила настроение Зелимхана. С тех пор как однажды утром, войдя в камеру, надзиратели унесли неизвестно куда труп Исы, в и без того тесной камере молодому горцу стало невыносимо тесно. Теперь им владело одно страстное желание: выйти из тюрьмы любым способом. Зелимхан сделался раздражительным, часто отказывался от еды, постоянно метался по камере, словно лев, запертый в клетке.

— Не отчаивайся, друг, — сказал ему однажды абрек из Сагопши, сидевший здесь уже давно, — лучше давай вместе подумаем над тем, как выйти на свободу.

Услышав слово «свобода», Зелимхан почувствовал, как его пробила дрожь. Он остановился под скупым лучом солнца, пробившимся в камеру через запыленные стекла узкого тюремного окна, и пристально посмотрел на товарища.

«Он так уверенно говорит о свободе, — подумал харачоевец. — На что же он надеется?» Но он не сказал ни слова и снова зашагал по камере. Ему жутко было подумать, что мечта о свободе окажется миражем. Выйти на свободу нужно было во что бы то ни стало: слишком много невыполненных дел чести и справедливости ждало его на воле. Нет, тут нельзя предаваться пустым мечтам, и Зелимхан собрал всю свою волю, чтобы, не тратя сил на призраки, действовать лишь наверняка.

Как-то вечером, когда арестованных вывели на прогулку, все тот же Саламбек легонько толкнул Зелимхана локтем:

— Видишь, — сказал он шепотом, — вон та стена только и отделяет нас от свободы. Если нам одолеть ее, то через наружную ограду мы легко

перейдем, — и он вопросительно посмотрел на харачоевца. — Нужен подкоп. Я бы и сам давно взялся за это, но одному не под силу, а за тобой пойдут люди...

Малоразговорчивый и даже чуть суровый Зелимхан, способный вместе с тем на подлинную доброту и душевную тонкость, действительно незаметно оказался властителем душ в камере, переполненной чеченцами.

Теперь, услышав слова Саламбека, он метнул взгляд в сторону часового, который стоял на вышке наружной ограды, затем оценивающе оглядел стену, о которой говорил товарищ, и тихо спросил:

— Если мы одолеем эту стену и ограду, сумеем ли мы выйти из города?

— Ты слышишь за оградой шум реки? Это Сунжа, — пояснил Саламбек, — по этой реке из города и слепой сумеет выйти.

— Иди, иди. Нечего глазеть по сторонам! — грубо подтолкнул надзиратель отставшего Зелимхана.

Харачоевец круто обернулся, но Саламбек вовремя удержал его от неверного взрыва:

— Оставь этого дурака, ведь ты ему все равно ничего не докажешь, — и он почти силком повел Зелимхана в камеру.

Саламбек был человеком храбрым и вспыльчивым, но новый товарищ вызывал у него безотчетное уважение, хотя тот ничего не делал для этого. Просто в нем угадывалась сила души. Сагопшинец испытывал желание во всем открыться этому молчаливому человеку.

— Я рано остался без родителей, воспитывался у дяди, — рассказывал он Зелимхану, — а когда исполнилось двадцать лет, дядя женил меня на девушке из нашего аула, с ведома общины наделил нас землей на окраине аула... Можно было жить, но только очень уж лют был старшина нашего аула. Я послал на него жалобу самому атаману Терской области.

— Ну и чем же кончилось? — спросил Зелимхан, задумчиво теребя войлок, на котором они сидели.

— А тем, что меня водворили сюда, — ответил Саламбек. — Ведь не зря в народе говорят: «Кто ссорится с хозяином замка, тот, всегда проигрывает». Старшина дал взятку приставу, послал подарок начальнику округа. Ведь ему это ничего не стоит: собрал с народа и послал. Вот и повернулось все это против меня.

— Видно, старшины все на один лад сделаны, — заметил Зелимхан. — Похож на нашего Адода.

* * *

Молчаливость Зелимхана в этот период его жизни имела глубокие причины. Воспитанный в горном ауле в нормах наивной, но возвышенной горской морали, он вдруг столкнулся с подлостью окружающей его жизни. Он не мог принять эту жизнь такой, какой она предстала перед ним, и внутренне созрел для того, чтобы объявить ей войну. Бегство, отказ от шариатского суда были первыми шагами на этом пути, и он долго не решался заговорить о своем решении с отцом. Тем не менее однажды ночью этот разговор состоялся.

— Гуша, — прошептал Зелимхан отцу, лежавшему рядом, — ты спишь? — Старик поднял голову с черной бурки, служившей ему изголовьем. — Послушай, Гуша, если удастся, я убегу отсюда.

— Ты что, с ума сошел? — удивился отец и сел, нервно глядя сидящую бороду. — Как ты это сделаешь?

— Сделаю подкоп, — и, как бы шутя, Зелимхан постучал пальцем о грубый камень, торчавший в стене над его головой.

Гушмазуко не поверил, он с треногой посмотрел на массивную каменную ступу и, решив, что сын его в самом деле бредит, с горечью покачал головой.

— Нет, Гуша, это уже решено, — горячо заговорил Зелимхан. — Я больше не могу здесь. — Он сделал небольшую паузу и настороженно посмотрел на дверь камеры. Из коридора доносились глухие шаги надзирателя. — Если надеешься выдержать удел абрека, давай уйдем вместе.

Старик на минуту задумался, собираясь с мыслями.

— Не смогу я быть абреком, сын мой, — тяжело вздохнул Гушмазуко. — Лета не те, да и со здоровьем неважно...

Хотя и не совсем ясно было, кто будет в числе беглецов, но вот уже пятые сутки все чеченцы, заключенные в камере, поочередно забирались под нары и, как кроты, рыли землю и долбили камень. Вся щебенка и пыль, накапливавшаяся от этой работы, ежедневно за пазухой и в карманах относилась в туалет. Все металлическое, что было в камере, — ложки, чашки и прочая тюремная утварь — искусно переделывалось в «лопатки». И все же работа двигалась очень медленно, даже трудно было подумать, что таким способом отсюда можно выйти на свободу...

Только теперь Гушмазуко понял суть тайных разговоров и настороженной возни, которые велись вот уже более недели группой молодых заключенных, во главе которых стоял его сын Зелимхан. Секрета, правда, они из этого не делали, «тайной группе» помогали почти

все арестованные: одни садились перед нарами и тихо пели, чтобы стук работающих не слышали часовые, другие следили за волчком в дверях камеры, третьи брались выносить вынутый грунт. Все они хотели, чтобы хоть кто-нибудь из них вышел на волю. И вот Зелимхан наконец рассказал обо всем этом отцу.

— Если мне удастся выйти на волю, каковы будут твои поручения, Гуша?— спросил Зелимхан, обрадованный тем, что старик не протестует против его плана.

— Прежде всего отбери у этих собак нашу невестку Зезаг, — сурово произнес Гушмазуко. — Если, шариатский суд освободит меня, я не смогу явиться в аул, пока этот позор не будет смыт с нас. Лучше уж умереть здесь... — Подавленный мрачными мыслями, старик с минуту помолчал. — Смотри там уж сам, но если удастся, обязательно убей и Чернова, — продолжал он, понизив голос. — Не забудь и чванливых сыновей Адода.

Оба они умолкли, и в мертвой тишине камеры теперь слышно было лишь жужжание голодных мух.

— Ты понял меня? — спросил наконец Гушмазуко. Его губы почти касались уха сына.

— Понял, Гуша, понял. Я все сделаю, — ответил Зелимхан, не поворачивая головы и продолжая задумчиво глядеть в низкий тюремный потолок.

Утомленный этим важным разговором, Гушмазуко только что вздремнул, когда в камеру вошел солдат из конвоя и велел ему собираться. Гушмазуко увели неизвестно куда.

* * *

Время было далеко за полночь, когда арестант, лежавший на полу около нар, слегка тронул Зелимхана за ногу. Оставив на постели бугром приподнятую бурку так, чтобы надзиратель, если он заглянет в волчок, подумал, что это спит человек, молодой харачоевец осторожно полез под нары.

В глухой тишине камеры он отчетливо слышал, как стучит его сердце. Мерные шаги надзирателя в коридоре и те уже давно заглохли.

В этот темный, предрассветный час, когда молодой месяц уже сошел с неба, а сама природа замерла, как бы притаившись, когда даже в тюрьмах спали усталые палачи и их жертвы, Зелимхан столкнул последний камень в проеме под тюремной стеной, и в лицо ему ударил свежий ветер свободы...

Дремавшему у себя в канцелярии дежурному офицеру почудилось, что он слышит какой-то глухой шум на тюремном дворе. Он слегка отодвинул полотняную занавеску и выглянул в окно, но ничего не увидел: тусклый керосиновый фонарь выхватывал из мрака лишь бледное пятно света. Опыт, с годами превратившийся в инстинкт, подсказал тюремщику, что нужно все-таки проверить, что и как. Он вышел во двор и некоторое время постоял на крыльце, чтобы привыкнуть к темноте, но к ней нельзя было привыкнуть. Мартовский ветер нес над городом тяжелые тучи, их тоже не было видно, но казалось, что они шуршат, обгоняя и задевая одна другую жесткой шерстью.

Сойдя с крыльца, дежурный обошел вокруг здания тюрьмы, но и тут ничего не обнаружив, вернулся в канцелярию, прилег на жесткий деревянный диван и заснул.

Утром, заглянув в камеру, надзиратель посчитал заключенных и недосчитал четверых. Опять пересчитал. Нет, и вправду не хватает четырех человек. И вмиг напряженная тишина, которая стояла в тюрьме всю ночь, сразу загрохотала шагами по коридорам, щелканьем ключей в замках, хлопаньем дверей и злобными окриками.

Закончив очередные поборы по округу, полковник Дубов возвратился в Грозный.

Оттягивая момент, когда на него навалятся привычные служебные хлопоты с обязательными неприятностями, начальник Чеченского округа в то утро не слишком торопился к себе в управление. Проснувшись, он долго нежился и мягкой постели на высокой своей кровати. Чтобы продлить ленивую истому, он закурил и лежал в раздумье, изредка поглядывая в большое окно на оголенные деревья, покачиваемые все еще холодным весенним ветром.

Большой двухэтажный дом полковника — полная чаша: персидские ковры, старинная дубовая мебель, серебряная посуда, изящное оружие местной чеканки на стенах и заморский сервиз. Иной раз, оставаясь наедине, хозяин любил вспоминать, как попала к нему та или иная красивая вещь. Огромный, от пола до потолка, текинский ковер, висевший над кроватью, полковнику преподнес старшина из Старых Атагов, такой же ковер, лежащий на полу, — подарок одного грозненского купца. Из подобного же источника были получены большое трюмо в бронзовой оправе и концертный рояль. Чувство, что все это нажито им нечестным путем, не было знакомо Дубову. Наоборот, для него было вполне естественно, что верная служба царю и отечеству находила достойное признание этих диких горцев. Вещи были как бы реальным воплощением его власти. Впрочем, и служба не очень занимала Дубова, бывшее рвение давно поубавилось. Все стало здесь слишком привычным. В сущности, он не думал не только о Зелимхане, но и о покое пристава Чернова, который так щедро принял его в своем доме. Нет! Полковника занимало совсем другое: мир и богатство в своем доме, вот, пожалуй, и все. Ну и, разумеется, некоторые мужские удовольствия!..

Вчера, вернувшись из поездки, он твердил жене о сладостном отдыхе на берегу Черного моря, а думал больше о ближайшем свидании с прелестной вдовой полицейского пристава. Тощая, будто изголодавшаяся на скудных харчах ворчливой мачехи, жена давно не волновала его, хотя в свое время он женился на ней по любви. Она все же старалась задобрить придиричвого и вечно раздраженного мужа: сама, не доверяя прислуге, делала все лучшие покупки, следила за тем, чтобы стол был обилен и изыскан. Вот и сейчас ее нет — ушла с кухаркой на базар.

Раздался телефонный звонок. Дубов выдвинул из-под кровати шлепанцы и, подойдя к маленькому столику, взял трубку.

— Я слушаю... Кто-о?.. Плохо слышу, — он подул в трубку. — А-а, Анечка, это ты? — полковник настороженно оглянулся на дверь. — Дольше меня поживешь на свете, милая! Да, да. Приехал... Собирался позвонить тебе, а ты взяла и опередила меня... Нет, не говори так, я никогда не забываю тебя... Подожди минуточку, кто-то стучится ко мне. Да, да, буду на службе, зайди обязательно, есть разговор, — он бросил трубку и, взяв со стола свежие газеты, крикнул: — Кто там?

Никто не отозвался.

— Ну, кто там? — крикнул он опять и, открыв двери, выглянул в коридор.

— Это я, Антон Никанорович. Вы кому это кричали? — во мраке коридора маячила горничная, запятая утренней уборкой.

— Тьфу, глухая дура. Не можешь отозваться, что ли? — сплюнул полковник. Однако обрадованный тем, что это не жена, которая непременно стала бы допытываться, кто и по какому поводу звонил, он вернулся обратно в спальню.

За окном на площади офицеры по отделениям муштровали молодых солдат.

— Шире шаг, шире шаг! — кричал коренастый черноусый офицер, вытянувшись, как на смотре.

Второй обучал своих солдат штыковой атаке, третий под самым окном полковника гаркал:

— Винтовки на-а пле-е-чо!.. Отставить!

Один из солдат проделывал воинские манипуляции медленно и неумело. Офицер неоднократно брал у него винтовку и показывал, как это делать.

— Тьфу, мерзавцы, до чего дожили, — выругался Дубов. — Дать бы разочек по морде этой скотине, вот и получилось бы! Нашел с кем нянчиться.

Жена вернулась с базара. В этот момент опять зазвонил телефон, и полковник снова подошел к столику. Оказалось, что адъютант хочет выяснить, как отвечать офицерам штаба, ожидающим появления начальника. Настроение Дубова сразу испортилось. Заметившая это жена спросила:

— Кто это, Антоша? Что-нибудь случилось?

Но муж не ответил, он бросил трубку и пошел в другую комнату одеваться.

За завтраком Дубов был хмур и молчалив. Выпил черного кофе с коньяком и молча ушел на службу.

Озабоченные неприятностями сотрудники встретили своего начальника довольно прохладно. А он, как обычно, ответив на их приветствия кивком головы, прошел к себе в кабинет. Адъютант почтительно последовал за ним. Строгим глазом Дубов оглядел свою служебную обитель и привычно уселся в мягкое кресло, обитое желтой кожей.

— Ну, докладывайте, что здесь у вас нового? — спросил он адъютанта, подвигая к себе большую папку с бумагами, лежавшую на краю большого письменного стола.

— Антон Никанорович, смею доложить вам, вчера петропавловские казаки и драке убили своего атамана, а из тюрьмы...

— Что-о?.. Казаки убили своего атамана? — взорвался полковник, вскакивая с места. — Это что ж такое?!

Адъютант стоял с таким виноватым видом, будто убийство совершено не петропавловцами, а им самим.

— Так уж случилось, — робко произнес он. — Причина еще не установлена. Сегодня только выехали туда.

— Кто выехал на место? — полковник опять опустился в кресло и принялся теревить карандаш, пока не сломал грифель.

— Судебный пристав и следователь, — отрапортовал адъютант. — В сообщениях оттуда пишут, что скандал возник из-за земли.

— Земля? — полковник поднял глаза. — Только и слышишь здесь о ней, о земле! Разве мало ее у казаков? — Дубов вышел из-за стола и прошелся по кабинету. — Генералу сообщили об этом?

— Нет, не сообщили, ваше благородие, ждали вашего приезда.

— Ведь еще месяц назад я просил судебного пристава поехать туда и выяснить, в чем там дело, — вспомнил полковник, заметно успокаиваясь. — Оттуда поступали жалобы, что атаман лучшими землями наделяет своих родственников. А теперь чего ж ехать! — вздохнул полковник и, вернувшись к столу, опустился в кресло.

— Кто ж мог подумать такое? — вставил адъютант.

— Думать надо, всегда надо думать, господин капитан, — снова повысил Дубов голос, не поднимая глаз от бумаг в уже раскрытой им папке.

Капитан молча ждал распоряжений, с тревогой косясь на бумаги:

— А это что такое? — взревел полковник, потрясая бумажкой перед самым носом капитана.

— Ваше высокоблагородие, это тоже случилось вчера, на рассвете, — еле вымолвил адъютант, не слыша своего голоса и зачем-то пытаясь заглянуть в донесение из тюрьмы, которое видел уже десять раз. — Ночью звонили к вам на квартиру, трубку взяла ваша супруга...

— Супруга! — взвился Дубов. — Кто здесь начальник округа, я или моя жена?!

— Вы, ваше высокоблагородие, — козырнул капитан, — но супруга ваша изволила сказать, что вы устали с дороги...

— Дура, — тихо, но внятно произнес полковник. Он задумался, морща лоб.

— Как они ушли — со взломом или перебив охрану?

— Никого не тронули, Антон Никанорович, — отвечал уже немного оправившийся капитан. — Сделали под стеной камеры подкоп и ушли целой группой.

— Сколько?

— Четверо, ваше высокоблагородие. Саламбек из Сагопши, Бисолт из Шаман-Юрта, Дика из Шали и харачоевский Зелимхан, которого вернули с Илецкой каторги.

— Так Зелимхан из Харачоя ушел? — медленно, словно раздумывая, спросил Дубов.

— Да. Ушел.

Это последнее известие как-то странно подействовало на начальника Чеченского округа: он вдруг почувствовал, что по спине его пробежал холодок.

— Да, все это он, — будто разговаривая сам с собой, пробормотал полковник. — И надо же, за восемьдесят лет существования этой тюрьмы ни один арестант не бежал из нее! Видно, Чернов был прав в своих опасениях, — он почему-то взялся рукой за грудь, помолчал, потом, повернувшись к адъютанту, спросил: — В Ведено сообщили об этом?

— Тут же, ваше высокоблагородие.

— А в Шали?

— И туда сообщили.

С минуту Дубов молчал, видно, обдумывая, какие действия предпринять.

— Эти бандиты наверняка будут стараться пробиться в горы, — сказал он наконец. — Еще раз позвоните в Шали и в Ведено, узнайте, слышно ли там что-нибудь новое о них.

— Ваше высокоблагородие, разрешите...

— Говорите, капитан.

— Услышав, что беглецы задержались в ауле Старая Сунжа, наши собираются туда, — сообщил адъютант.

Дубов уперся в него строгим и требовательным взглядом.

— Кто едет?

— Начальник гарнизона с отрядом солдат.

— Передайте начальнику гарнизона, что отряд поведу я сам. Да солдат надо взять побольше. Необходимо самым тщательным образом прочесать аул и отрезать беглецов от лесистых районов.

* * *

Старосунженцы были крайне удивлены появлением такого большого количества солдат в своем ауле. По этому поводу ходили разные слухи: одни говорили, что они прибыли для охраны, начальства, приехавшего погулять у старшины, а другие уверяли, что их привел в аул след воров, ушедших с крупной кражей. Ведь солдаты окружили не только базар, но заняли все выезды из аула.

— Ну, отсюда они у меня не уйдут. Обыскать все дворы и дома, задержать каждого подозрительного! — распорядился Дубов.

Однако самые тщательные поиски в домах крестьян и на базаре ничего не дали. И кого только не было на этом шумном базаре: мелкие торговцы в разнос из персов и казы-кумыков, горские евреи с обувью из самодельной кожи, от которой на весь базар несло приторной кислятиной, аварцы и цумадинцы, приехавшие издалека на своих ишаках для покупки зерна, бойкие приказчики грозненских и урус-мартановских купцов с мануфактурой, торговцы скотом, зерном и луком, среди которых воровато сновали цыгане с назойливой просьбой «позолотить» руку. Самое же трудное для солдат заключалось в том, что все эти люди, толкавшиеся на базаре, уж больно походили на крестьян-чеченцев.

Солдаты, получившие приказ никого из подозрительных с базара, не выпускать, стояли, разинув рты, пожирая глазами жирные говяжьи и бараньи туши, висевшие в мясном ряду, заглядываясь на пестрые шелка и ситец, которые бойко отмеривали приказчики. «Эх, кабы послать отрезик хозяйке на платье!» — явно мечтали они.

Дубов издали наблюдал за офицером, который с пристрастием допрашивал показавшегося ему подозрительным горца на отличном породистом коне. В это время из соседнего двора вышел нищий, длинной палкой отмахиваясь от стаи злых собак. Нищий смело подошел к полковнику и нагло попросил милостыню. Едва он отошел, к Дубову

протискался второй нищий, еще более бесцеремонно закланчивший у него копейку.

Эти наглые приставания переполнили терпение начальника округа.

— Старшина, это что за безобразие? Уберите этого оборванца, — заорал Дубов. — Что у вас все село из нищих, что ли?

— Господин полковник, простите. Живем рядом с городом, все они оттуда идут, разве их удержишь, — отвечал старшина, отгоняя нищего от почтенного гостя.

— Откуда бы они ни шли, нечего подпускать их ко мне! — полковник брезгливо разглядывал свой рукав, за который только что хватался нищий.

Дубов еще долго раздумывал над тем, какую заразу можно заполучить на этом проклятом южном базаре, пока к нему не подошел офицер, весьма многозначительно зашептавший что-то ему на ухо.

— Что-о? — у начальства бешено забегали глаза. — Под видом нищих?! Ушли?..

— Так он говорит, ваше высокоблагородие, — офицер показал на тучного чеченца, стоявшего рядом с ним.

— Сейчас же организовать погоню. А ну, побыстрее!

— Солдаты, за мной! — скомандовал офицер, вскочив на коня. Дробно застучали подковы, и отряд всадников в карьер вынесся за пределы аула.

Через час-полтора на взмыленных конях солдаты с виноватыми лицами стали возвращаться на базарную площадь, где в своем фэзтоне восседал разъяренный начальник Чеченского округа.

А в это время Зелимхан с Саламбеком из Сагопши, счастливые обретенной свободой, шли по лесу, который начинался за Старой Сунжей. Густые эти леса вели в горы.

Весть о том, что Зелимхан бежал из грозненской тюрьмы и находится на воле, больше всех испугала сына мехкетинского старшины Успу.

Так и не добившись от Зезаг реального подтверждения своих супружеских нрав, он решил, пока не поздно, выйти из игры, а именно снова жениться. С этой целью он поспешно отправился в Ведено свататься к дочери тамошнего купца. Здесь ему порассказали много подробностей о побеге опасного харачоевца, и он, полный ужаса, поспешил к Чернову.

— А-а, это ты, Успа. Заходи. Ну, рассказывай, ты, видно, не в духе. Случилось что-нибудь? — с наигранной любезностью встретил его пристав, делая вид, что ничего не знает.

— Да будет счастливым ваше пребывание на земле, Иван Степанович. Я по серьезному делу, — Успа низко поклонился Чернову, но вид у него был испуганный, он все время опасливо оглядывался на дверь, словно за ним гнались.

— Ну, что же произошло? Подойди поближе, сядь сюда, — Чернов показал на стул, стоявший перед мрачным письменным столом.

— А вы разве ничего не знаете, Иван Степанович? — Успа с обреченной миной покорно присел на стул и, сняв папаху черного каракуля, пристроил ее на колене.

— Нет, не знаю. Расскажи, — с внешним спокойствием поинтересовался Чернов.

— Нас никто не слышит здесь? — гость опасливо огляделся.

— Ну, ну, давай выкладывай!

Успа, выкатывая глаза, наклонился к приставу и сказал:

— Вы знаете, что этот разбойник Зелимхан на свободе?

— Ну и что же? — пристав сделал вид, что это для него совершенно безразлично. Эх, если бы недалекий сын мехкетинского старшины мог заглянуть в душу чиновника, он обнаружил бы там страх и смятение. Но видел он лишь улыбку Чернова.

— Он обязательно натворит что-нибудь, — проговорил растерявшийся Успа.

— Возможно, — согласился пристав. — Но мне кажется, что опасность грозит именно тебе, — он вспомнил совет Дубова. Ведь это ты присвоил себе его невесту Зезаг. Зелимхан не забудет этого. Тебе нужно

опередить его... — Чернов не договорил, с вопросительной улыбкой глядя на своего посетителя.

Не слишком понимая пристава, Успа наивно спросил:

— Как его опередить? За этим я и пришел, — он принялся нервно мять свою шапку, лежавшую на колене.

— Очень просто... Уже вчера его видели на вечеринке в Харачое, — соврал пристав. — Он уверял своих друзей, что не успокоится, пока не отомстит Говде за оскорбление потомков Бахо.

— А вы не боитесь, господин пристав, что Зелимхан попытается совершить покушение на вас? — Успе ужасно хотелось спрятаться за могучую спину высокого начальства.

— Нет, — с улыбкой ответил Чернов. — Зачем Зелимхану покушаться на меня? Что я ему такого сделал? Во всех его бедах виноваты Адод и Говда, — он откинулся в кресле, поглядел в потолок и добавил: — Да вот еще и тебе не следовало жениться на Зезаг.

Подавленный Успа молчал, глаза его бессмысленно блуждали по кабинету.

— Не знаю, — произнес он еле слышно. — Что же делать?

— А я знаю, — отчеканил Чернов.

Глаза сына старшины с надеждой уставились на пристава. Тот молчал, словно обдумывая что-то, потом медленно произнес:

— Зелимхан все равно будет частым гостем харачоевцев потому, что здесь его семья.

— Ну и что?

— Подкараулить его надо и пристрелить.

— Но он и сам хорошо умеет стрелять! — горестно воскликнул Успа.

— Я дам тебе винтовку, она стреляет гораздо дальше, чем ваши курковые ружья, — пообещал пристав. — Но боже упаси, — погрозил он пальцем, — никому ни звука! Это я только для тебя делаю.

Успа рассеянно молчал. В это время кто-то приоткрыл дверь кабинета и из-за нее высунулась голова в большой папахе из рыжей овчины.

— Господин пристав, я по вашему вызову, — хриплым голосом проговорила голова.

Чернов встал и, подойдя к двери, сказал:

— Подожди немного, — и, плотно прикрыв дверь, повернулся к Успе: — Ну, как ты решил?

Успа молча стоял возле стола, продолжая мять шапку. «Как мог так смело добираться до покоев пристава этот человек? Ведь это же

Одноглазый — мелкий жулик! Его никто из порядочных людей близко к себе не подпустит, — мысли эти смутно роились в непривычной к размышлениям голове сына старшины. — И зачем Чернов мог его вызывать?»

— Я тебя спрашиваю, — пристав ткнул пальцем в грудь молодого чеченца, — ты решился?

— Посоветуюсь с отцом и приеду к вам, — ответил Успа, будто разбуженный ото сна, и, не сказав больше ни слова, вышел из кабинета.

Не успела закрыться дверь за Успой, как к приставу вошел Одноглазый. Чувствуя себя как дома, он развязно развалился в кресле рядом с письменным столом. Чернов внимательно вглядывался в единственный глаз посетителя, зорко смотревший из-под папахи.

— Что, забыл свое имя? — спросил хозяин.

— Нет.

— А ну, какое же оно?

— Вор, — ответил Одноглазый и дураковато улыбнулся.

Пристав засмеялся и со всеми удобствами устроился за письменным столом.

— Ну и как, доволен ты своим именем?

— Очень даже доволен, — отвечал Одноглазый, по всей вероятности, действительно не видя ничего дурного в своей профессии.

Пристав выпрямился в своем кресле и вдруг сделал серьезное лицо:

— Но запомни, если ты не прекратишь свои кражи, я посажу тебя в тюрьму. Вчера только жаловалась мне жена купца, что ты обчистил ее курятник.

— А зачем купчихе куры, когда на базаре так много мяса, а у мужа сундук золота? — вполне серьезно осведомился Одноглазый.

Чернов расхохотался.

— Вот уж этого я не знаю. Спроси-ка об этом у нее сам, — пристав снова посерьезнел. — А вдруг купец пожалуется начальнику округа? Тогда нам обоим влетит. Придется мне для оправдания посадить тебя... Куда?

— В тюрьму.

— Верно говоришь. Всякая собака знает свое место. Ну и молодец же ты, Багал, — пристав сделал паузу, будто что-то вспоминая, и добавил: — Да, ты, случайно, не видел Зелимхана Гушмазукаева?

— Нет. А зачем он мне?

— Как же, он ведь твой друг.

— Что вы, какой же он мне друг? — вор с искренним удивлением уставился на хозяина единственным глазом.

Пристав подумал немного.

— Пусть не друг, — сказал он серьезно, — но ты должен увидеть его и передать от меня несколько слов.

— Что же мне сказать ему?

— Скажи, что я хочу жить с ним в дружбе, что готов ему всегда и во всем помочь. Скажи еще, что я лично не сделал никакого зла его семье и не собираюсь этого делать, что все его беды произошли по вине старшины Адода Элсанова и его сына. А честь их семьи опозорили Говда из Махкеты и его сын Успа. Понял?

— Очень даже понял.

— Кроме того, пусть среди людей слух, что власти, дескать, не имеют никаких притязаний к Гушмазуко и его сыновьям, что во всем этом деле повинны Адод и Говда. Понял?

— Понял.

— Но учти, если хоть звуком одним обмолвишься об этом нашем разговоре, знаешь, где тогда будешь?

— Знаю.

— Где?

— На каторге.

— Вот молодец! Вор хорошо знает свое дело, — Чернов покровительственно кивнул Одноглазому и, выпроводив его за дверь, тотчас сел писать рапорт на имя начальника округа с просьбой помочь ему перевестись из Веденского участка.

Когда пристав Чернов давал свои поручения Одноглазому, Зелимхана еще не было в Ведено.

Двое из совершивших тогда побег — Муса и Дика — отправились прямо в Шали, к родственникам. А Зелимхан с третьим товарищем, задержавшиеся, как нам уже известно, в ауле Старая Сунжа, скрылись в Сунженских лесах. Отсюда, проводив Саламбека в Сагопши, Зелимхан также прибыл в Шали.

Встреча трех оказавшихся вне закона людей произошла в доме родных Дики. За стаканом вина стали обсуждать ближайшие жизненные тропы.

— Если мы не будем держаться вместе, нас быстро перебьют поодиночке, — высказал свою точку зрения Муса, сделав хороший глоток вина.

Его поддержал Дика, добавив, что обстоятельства вынуждают их прежде всего совершить какое-нибудь дело.

— Не знаю как у вас, а у меня в доме пусто, — заявил он и вопросительно поглядел на Зелимхана.

— Меня, друзья, извините, — коротко сказал он, — но я сначала должен добраться до Ведено и выполнить поручение отца.

Возразить ему никто не посмел, и он тут же отправился в дорогу.

Идя окольными тропами, Зелимхан к вечеру добрался до того самого родника, где их два года назад, по пути в грозненскую тюрьму, остановили конвоиры, чтобы они могли утолить жажду.

Здесь Зелимхан немного постоял, прислушиваясь к шуму леса. Сейчас грозненские судьи и грозненские тюремщики не узнали бы в этом человеке своего узника. Он был в родной стихии: благородный могучий зверь, вырвавшийся из клетки в родные леса. Его тонкие ноздри трепетали, впитывая родные знакомые запахи, чуткое ухо улавливало каждый звук, глаза отмечали детали, о которых не имеет представления ни один горожанин. Каждый мускул его тела, как сжатая пружина, был готов к мгновенному действию — внезапному прыжку, стремительному бегу, разящему удару.

В этих местах ему был знаком каждый кустик. Какой из безлюдных тропинок ему идти? Но что это? Хрустнула ветка. Зелимхан мгновенно

повернул голову, и ему показалось, что это сон: в десяти шагах от него стоял его родной брат.

— Солтамурад, ты?

— Конечно, я!..

Братья обнялись и с минуту стояли молча, не зная, с чего начать разговор.

— Как это случилось, почему ты здесь? — спросил наконец Зелимхан, осторожно трогая брата рукой, будто не веря своим глазам.

— Я уже вторые сутки сижу здесь в засаде, — отвечал Солтамурад, снимая с плеча свое курковое ружье.

— Что-нибудь серьезное?

— А как же! Услышав, что ты бежал из грозненской тюрьмы, все веденские чиновники всполошились и, вооружившись, рыщут по этой дороге.

— И больше ничего?

— Ничего.

— Слава аллаху! — облегченно вздохнул Зелимхан. — А я уж подумал, что какая-нибудь новая беда выгнала тебя из дому.

Солтамурад сразу помрачнел. Фраза Зелимхана невольно напомнила ему, каким беспомощным оказался он, младший из братьев Гушмазукаевых, когда все беды обрушились на семью Бахо. А ведь все началось с того, что невесту-то отняли именно у него.

— Когда ты появился, — сказал Зелимхан, — я как раз раздумывал над вопросом: куда мне направиться — прямо в Ведено или сначала заглянуть в Харачой.

— Конечно, сначала окажи почтение своему дому, — обрадовался Солтамурад. — Идем скорее!

Братья двинулись лесом, вдоль дороги.

— Ну, рассказывай, как там у нас дома? — спросил Зелимхан.

— Ничего особенного, все по-старому, — вяло ответил Солтамурад.

— Все живы, здоровы?

— Здоровы.

— А как поживает дед? — спросил Зелимхан о дедушке Бахо. Солтамурад, более всего боявшийся этого вопроса, глядя в сторону, ответил:

— И он тоже ничего, — ему хотелось всячески оттянуть печальный разговор о смерти деда, хотя он прекрасно понимал, что какой-нибудь час брат узнает правду.

Недовольный его ответами, Зелимхан на минуту умолк, а Солтамурад, желая переменить тему, спросил об отце:

— А где остался Гуша?

— За несколько часов до моего побега из тюрьмы его с вещами увели из камеры, — ответил Зелимхан.

— А куда?

— Точно не знаю. Предполагаю, что его увезли во владикавказскую тюрьму.

— А Иса и Али где?

Услышав имена двоюродных братьев, Зелимхан снова взволновался, к горлу подступил ком, и он не сразу ответил.

— Их тоже перевели куда-нибудь? — спросил Солтамурад.

— Да вознаградит тебя аллах миром, их нет в живых, — с трудом вымолвил Зелимхан.

— Ой! — только и произнес младший брат.

После долгого молчания Солтамурад спросил:

— Как же это случилось? Где они умерли?

— На каторге нам пришлось испытать много тяжелого, — печально сказал Зелимхан, — там умер Али, а Ису мы привезли в Грозный больным, здесь, в тюрьме, и он скончался.

Некоторое время они шли молча, оба, видно, думая об одном.

— Что это ты хромаешь? — прервал молчание Зелимхан.

— Да так, ушибся немного, — Солтамураду мучительно стыдно было рассказать старшему брату о неудачной своей попытке отбить у врагов невесту. Рана, полученная им тогда, с его точки зрения, нисколько не спасала его чести.

— Это ничего, пройдет, — спокойно заметил Зелимхан и вдруг остановился, прислушиваясь. Мгновенно оба замерли: совсем недалеко, со стороны дороги, явственно слышались голоса.

Неслышно, как тени, братья двинулись в том направлении, откуда доносился разговор. Потом Зелимхан осторожно раздвинул ветви кустарника, и они увидели запряженную костлявой клячкой арбу, в которой сидел крестьянин в поддевке из рваной овчины. Неподалеку от него, поперек дороги, на гладком, холемом коне восседал краснорожий лесничий. В руке у него была плетка.

— Нет у меня рубля. Были бы деньги, я бы сюда не приехал, — хмуро оправдывался крестьянин, сбрасывая с арбы сухой валежник.

— Нет, значит, и дров не увезешь. А ну, давай побыстрее, мне некогда! — лесничий замахнулся плеткой. — А ущерб, который ты нанес

государственному лесу, должен будешь возместить.

— Не надо со мной так говорить, — взмолился крестьянин. — Я ведь собрал гнилой валежник, ни одной живой ветки не тронул, — и он шершавой рукой смел с телеги последние щепки и мусор.

В этот момент Зелимхан решительно вышел на дорогу. Худой, в рваном коротком бешмете, он гордо остановился на обочине.

— Эй, ты! Что придрался к человеку? — спокойно, но властно окликнул он лесничего. В первый момент тот опешил, но, разглядев вновь прибывшего, заорал:

— А тебе какое дело? Иди своей дорогой!

Лесничий замахнулся плеткой, но, словно не замечая этого, Зелимхан вплотную подошел к нему и схватил за узду его коня. Конь замотал головой, заржал, встал на дыбы, но, почувствовав могучую руку, подчинился человеку. Та же перемена — от заносчивости к покорности — очень быстро произошла с всадником.

Глядя в лицо Зелимхана, лесничий весь как-то слинял. А лицо это было достаточно выразительно: бледный, с плотно сжатыми губами, молодой чеченец в упор смотрел в глаза чиновнику. Тот растерянно огляделся и увидел Солтамурада, с ружьем в руках стоявшего на опушке леса.

— И оставь в покое этого бедного человека. Слышишь? — угрожающе добавил Зелимхан. — Да не вздумай мстить ему, а то рука моя настигнет тебя.

— Ты кто же будешь? Как твое имя? — дрожащими губами пролепетал лесничий.

— Мое имя — Зелимхан. И запомни его! А теперь убирайся отсюда!

Вконец перепуганный чиновник покорно затрусил прочь, но, едва достигнув поворота дороги, он пустил коня вскачь.

— Я запомнил твое имя, Зелимхан! — уже издали прозвучал его голос, после чего был слышен только быстро удаляющийся цокот копыт.

Махкетинский старшина Говда в отличие от своего сына был человеком непомерной гордости и совсем уж не робкого десятка. Поэтому, услышав рассказ Успы о его разговоре с Черновым, он пришел в ярость и набросился на свое незадачливое чадо с грубой бранью. Старик не имел ничего против того, чтобы Успа женился еще и на дочке купца, но и слышать не хотел о том, чтобы отпустить из дома Зезаг. Сейчас, когда Зелимхан оказался на воле, люди справедливо усмотрели бы в этом трусость; что же касается того, что Успа за эти два года так и не сумел сломить упорство непокорной жены, — это был величайший позор, который, как только об этом станет известно, сделает их семью всеобщим посмешищем.

Старик топал на Успу ногами, даже ударил его и строго-настрого приказал, чтобы сын немедленно, сегодня же, изменил свое отношение к Зезаг. Мысль о винтовке, предложенной Черновым, Говде понравилась, но он заявил, что сам пойдет за ней, и не откладывая.

Широкоплечий, высокий махкетинский старшина был человеком крутого нрава, ему не было дела до чьих бы то ни было слез. Поэтому, собравшись ехать в Ведено, он вызвал жену и сказал ей:

— Если сын наш нынче вечером не сломает дурной нрав этой паршивой женщины и не станет мужчиной, то я ему не отец, а он мне не сын. Имей это в виду.

* * *

Зезаг, сгорбившись, сидела у окна своей комнаты. Когда на дворе стало темнеть, она встала, перешла в другую комнату и забилась в самый темный угол. Ее мраморно-белое лицо едва светилось во мраке, и на нем мерцали огромные ввалившиеся глаза. В этот вечер почему-то ей было особенно тревожно. Время от времени ее начинала бить дрожь и из глаз текли слезы, хотя она не замечала этого.

Вдруг распахнулась дверь и в комнату вошел Успа. Со света в первый момент он ничего не мог разглядеть и беспомощно озираясь. Потом глаза его различили жену, и он решительно шагнул к ней.

— Зезаг, — сказал он глухим угрожающим голосом.

Она сразу вся сжалась, как всегда, готовая к сопротивлению.

— Ну скажи, Зезаг, долго еще собираешься ты ломаться? Не стыдно ли тебе?

— На моей душе нет греха, я никого не стыжусь, — сказала Зезаг, не глядя на него.

— Стыд!.. Кому из людей интересно, стыдишься ты или нет!

Успа сел на кровать рядом с ней и положил руку ей на плечо. Она содрогнулась от отвращения.

— Скажи, почему ты не любишь меня? — спросил он шепотом.

— Не знаю, — еле слышно ответила она.

— Лжешь, грязная сука! — срывающимся голосом закричал он. — Думаешь, тебе удастся встретиться со своим Солтамурадом? Трижды в могилу сойдешь раньше, чем увидишь его, дурная ишачка! — и Успа замахнулся на жену кулаком.

Зезаг даже глазом не повела и сидела, будто каменная.

— Я высушу тебя в этом углу, — прошипел Успа. — А в дом к себе на этих днях приведу самую красивую невесту.

— Приведи хоть княгиню, а меня оставь в покое.

— Нет, не оставлю! — он вдруг вскочил и заметался по комнате — Я еще не сказал тебе самого главного... Ты знаешь, что я на днях ездил в Ведено. Так вот, я добился от пристава Чернова, чтоб твоего Солтамурада упрятали в тюрьму...

Зезаг обомлела и испуганными глазами, не отрываясь, глядела и обезумевшее лицо этого человека.

— Поняла теперь, что брыкаться бесполезно? Теперь я нашел средство против тебя! — захохотал он, брызгая слюной.

— Не трогай меня, уходи! — заикаясь от страха, вымолвила она. — Хорошее средство ты нашел, богом проклятая собака. Не стыдно ли тебе, а еще называешься мужчиной!

— Средство самое верное! А что касается того, мужчина я или нет, это ты сейчас узнаешь!..

Глотая слезы, Зезаг дрожала как в лихорадке.

— Что тебе нужно от меня?

— Твоя любовь.

— Моя любовь?.. Тебе? — она обезумевшими глазами посмотрела на него. — Любить тебя, который погрузил меня в черную ночь на пороге моей чистой любви! Какое безумие, что я остановила в ту ночь руку Солтамурада: я побоялась тогда, что из-за меня прольется кровь невинных людей. Свершись тогда убийство, и я ни одного дня не провела бы в этом проклятом доме.

— Молчи, хватит! — заорал Успа. Он вдруг выхватил кинжал. — Я не ручаюсь за себя. Гляди: вот этим клинком я завтра же заколю Солтамурада, если ты сегодня не будешь моей. Слышишь?! Я буду резать его на куски. Чернов разрешил мне это...

«Он с ума сошел», — с ужасом подумала Зезаг, глядя на его покрасневшие дикие глаза. Успа шагнул к ней, протянув руки. Кинжал со звоном упал на пол.

— Я готова трижды умереть, лишь бы не быть твоею! — выкрикнула она.

Он замотал головой.

— Хватит злоупотреблять моим терпением! — и, дико кинувшись вперед, схватил Зезаг. Она рванулась в сторону, но он судорожно вцепился в ее плечи.

— Как тебе не стыдно, уйди от меня! — закричала Зезаг.

— Кого мне стыдиться? Я обнимаю свою жену! — Он схватил ее за горло и, повалив на пол, начал срывать с нее платье. Он все крепче сжимал ее в своих объятиях, из-под его рыжих бровей, как горячие уголья, сверкали налитые кровью глаза, ноздри туповатого носа раздулись, тяжелое дыхание вырывалось из них.

Полный ужаса взгляд Зезаг скользнул по его багровому лицу, и она поняла, что мольбы больше не помогут. Она не в силах была шевельнуться.

Мокрой от пота рукой Успа провел по ее бедру и с силой привлек ее к себе...

Обессиленный Успа лежал на кровати и пытался отдышаться, уверенный, что отныне Зезаг всецело принадлежит ему, что теперь она никуда от него не уйдет. В это время с пола донесся голос:

— Солтамурад, ва Солтамурад!.. Остерегайся его! — это кричала в бреду Зезаг. — Солтамурад!..

— Замолчи, стерва! Если еще раз произнесешь это имя, я зарублю тебя, — вскочил Успа.

Но Зезаг не слышала его, она бредила от сильного потрясения.

— Солтамурад, остерегайся!..

Когда Успа поднял ногу, чтобы ударить ее по голове, во дворе внезапно залаяла собака.

— Перестань!.. Кто это там? — услышал он голос матери.

Полный безотчетного страха, Успа выскочил из комнаты и забился в какой-то темный угол.

Через несколько часов, придя в сознание, Зезаг присела на полу и увидела, что в комнате никого нет. Превозмогая боль во всем теле, она выскользнула в окно и скрылась в ночном мраке.

Обычный деревенский вечер с мычанием коров, возвращающихся с пастбища, и гомоном хлопотливых хозяек спустился над Харачоем, когда Зелимхан вступил в пределы родного аула. Привычным жестом отодвинув плетеную изгородь, подвешенную на деревянных обручах и служившую воротами, он вошел во двор и остановился, пораженный: он не увидел деда Бахо, сидящего на своем излюбленном месте. Что же еще случилось?..

Перед ветхой покосившейся галереей стояла с детства знакомая Зелимхану старая груша. Он вспомнил, какие вкусные плоды ел мальчишкой с этого дерева. Теперь оно цвело плохо, многие ветки торчали голые, высохшие. Они, как руки старого человека, ставшего на молитву, были печально устремлены к небу.

На веревке, протянутой над галереей, висел пестрый войлочный коврик, вышитый старательными руками Бици.

Не будем рассказывать, как произошла встреча Зелимхана с женой и матерью. Чеченки сдержанны во внешнем проявлении чувств, но были слезы — скупые, и нежные прикосновения рук — почтительные, когда эти измученные бедами женщины встречали вернувшегося хозяина. От них Зелимхан узнал о смерти деда Бахо.

— Ничего, сын мой, придет божий суд, и неправда будет наказана, — сказала мать.

Зелимхан хотел было сказать ей, что он обязательно отомстит за деда, за братьев и за все обиды, которые причинили им местные богатеи и царские чиновники, но решил не тревожить больное сердце матери. Он только спросил:

— Когда Бахо умер?

— В тот день, когда вас из крепости Ведено отправляли в Грозный, — ответила мать. И Зелимхан понял, что дед умер оттого, что переполнилась чаша тяжких оскорблений, причиненных его семье.

— К нам люди идут, сказала мать, увидев входивших во двор. Зелимхан вышел им навстречу.

— Ассалам алейкум, читайте доа, — сказал вошедший первым старец. Все приняли молитвенную позу, протянув перед собой руки. Стоявший впереди читал про себя заупокойную, а остальные шепотом

повторяли «аминь». Затем все поочередно жали руку Зелимхана и говорили:

— Да сделает аллах место пребывания Бахо, Али и Исы счастливым!

Зелимхан благодарил их, призывая аллаха каждый их шаг, сделанный к его дому, записать им на благо. Говорил, что им можно было не тратить время на посещение его дома, что он и так знает своих друзей.

— Да избавит аллах и вас, Зелимхан, от тысячи печалей. Мы рады были повидать вас, — отвечали односельчане.

Затем, еще немного поговорив о мирских делах, гости ушли.

Оставшись один. Зелимхан обошел двор, хозяйским глазом отмечая ветхость строений и грустно раздумывая о том, что не часто придется ему, человеку вне закона, бывать в своем доме. Тут он заметил человека в рыжей папахе, стоявшего у ворот. Ба, да это же Багал — известный всем воришка. Одноглазый мялся, не зная, как встретят его здесь.

— Что скажешь нового, Багал? — спросил у него Зелимхан. — Да ты заходи в дом, раз пришел.

Хитро улыбаясь, неожиданный гость последовал за хозяином в дом.

— Ну, выкладывай, с чем пожаловал? — сдержанно спросил Зелимхан, когда они сели.

— Я вроде посла к вам, — начал Одноглазый. — Пристав Чернов просил меня поговорить с тобой.

— О чем?

— Он просил передать тебе, что очень извиняется перед вами и если и делал что недоброе, то по наущению махкетинского старшины. Отныне он готов помогать вам во всем.

— Передай, Багал, Чернову, что мне достаточно того зла, которое он уже причинил мне, — холодно ответил Зелимхан. — Так и передай ему, что я сыт его заботами.

— Не знаю, прав ли ты, Зелимхан. Жизнь абрека трудна...

— Лучше расскажи, Багал, как сам живешь? — сказал Зелимхан, желая прекратить этот разговор.

— Баркалла, живем с надеждами на бога, — ответил Багал. — Какие у нас дела? Срок отбываем на этом свете, а дел вообще никаких нет. Да неприятности сейчас у всех, — вздохнул он.

— Нам что-то уж слишком много их досталось.

— Аллах милостив, Зелимхан, надо быть довольным его предначертаниями.

— Слава ему. А что же еще делать? Я доволен им, — Зелимхан махнул рукой.

Оба они умолкли. Вошла Бици. Она приветствовала гостя, как положено, спросила его о здоровье, но в глазах ее было удивление. Понимая, что явился этот гость неспроста и у мужа происходит важный разговор, она тотчас вышла.

— Чернов нездешний человек, — снова начал Одноглазый. — Что можно требовать от бездомного русского? А вот за оскорбление, которое нанесли вашей семье Говда и его сын, на вас ложится позор.

— Это пустая условность наших обычаев, Багал, — сказал Зелимхан. — Кто бы его ни причинял, чеченец или русский, зло остается злом. Если его причинил чужой человек, почему бы ему не отплатить тем же?

— Тоже верно, — согласился Одноглазый, — и все же мы живем по своим обычаям. Есть закон адата. Кровная месть испокон веков существует между чеченскими родами, а не между чеченскими и русскими. Подумай сначала о своей чести, Зелимхан, — Багал поднялся. — Ну, я пошел. До свидания.

— Подожди, Багал, сейчас подадут ужин. Покушай, потом пойдешь.

— Нет, баркалла, я сыт.

— Все уже готово, я сейчас подаю, — отозвалась Бици, появляясь в дверях.

— Нет, Бици, пусть будет много добра в вашем доме. Я тороплюсь, — и Одноглазый ушел.

— Все говорят, что этот Багал бывает у пристава, — робко сказала Бици, вопросительно глядя на мужа.

Зелимхан не ответил ей. Он ласково обнял жену и задумался: «Честь, конечно, прежде всего. Все, что наделал тут бездомный русский, забудется... А вот Говда и его сын покрыли нашу семью позором. Пожалуй, этот воришка прав!»

— Все хорошо, лишь бы ты оставался с нами, — донесся до него голос жены. — А Адод, между прочим, даже из дома не вышел...

* * *

В предрассветных сумерках Зелимхан и Солтамурад ехали по узкой черной дороге. Утро было прохладное, и всадники кутались в бурки. Лошади шли шагом.

— Он обязательно проедет здесь, — сказал Солтамурад.

Братья отъехали на два десятка шагов от проезжей дороги и спешили на опушке густого леса. Они развели большой костер. Зелимхан присел у огня, а младший брат стоял, прижавшись спиной к

кряжистому буку. Он поздно вернулся из Махкетов, куда ездил по поручению Зелимхана, и не успел выспаться.

Весна была в разгаре. В утреннем воздухе, переполненном ароматом сочных трав и распускающихся цветов, тревожно носились птицы, чувствуя приближение грозы.

Там, на западе, блеснула молния. Казалось, кто-то ослепительным зигзагом перечеркнул бледное небо. На этот раз гром загремел совсем близко. Но начавшийся было дождь прекратился, порывы ветра тоже вдруг стихли, и деревья, только что с глухим шелестом клонившиеся на восток, величаво выпрямились, угрюмо возвышаясь над людьми...

На лице Зелимхана играли отблески костра. Он задумчиво глядел на огонь, и лицо его было сурово, как у человека, вспоминающего свои обиды.

Но вот из-за темного леса пробился первый бледный луч солнца. Зелимхан взял несколько сухих сучьев, принесенных Солтамурадом, и бросил их в огонь. Треск разгоравшихся веток нарушил тишину леса.

— Я сам выйду ему навстречу, а ты сиди здесь, пока я не крикну тебе, — сказал Солтамурад и, приподнявшись на носках, посмотрел вниз, на дорогу.

Взяв длинную ветку, Зелимхан поправил полено в костре, затем повернулся к брату и смерил его долгим недовольным взглядом.

— Нет, это сделаю я сам. — Тон абрека был решительный, не терпящий возражений. Чуть помолчав, он продолжал: — Думаю, что он появится один и тогда просто некрасиво будет, если на одного нападут двое. Но даже если их будет и пять человек, я справлюсь с ними один. Так что ты сиди на месте, — он снова умолк, поправляя огонь в костре. — Вполне достаточно, если ты станешь свидетелем, чтобы завтра махкетинский старшина не болтал лишнее своим односельчанам и приставу Чернову.

— А вдруг они тебя...

— Ничего они мне не сделают, — криво усмехнулся Зелимхан. — Ты слушайся меня, и все будет хорошо.

Недовольный решением брата Солтамурад опустил голову и, с минуту постояв молча, сказал:

— Да как же это получается, если мы по адату отомстим ему за обиду, неужто он снова побежит к приставу с жалобой? — на лице юноши было написано недоумение. — Какой же он тогда чеченец?

— А вот такой, — ответил Зелимхан и вздохнул. — Ты забываешь, что старшина — слуга пристава, а слуги теряют не только совесть, но и

связь со своим народом.

В этот момент вороной конь Зелимхана вдруг перестал жевать траву, поднял голову и, наострив уши, уставился на дорогу. Зелимхан посмотрел туда же и увидел вдали двух всадников, выезжающих из ущелья.

— Иди спрячь коней, да и сам не показывайся, — велел абрек брату и, спрятав ружье под буркой, спустился на дорогу и встал на обочине.

Когда всадники подъехали поближе, Зелимхан узнал сидевшего на высоком сером коне старшину Говду. Легким кивком головы ответив на приветствие харачоевца, тот хотел было проехать дальше, но Зелимхан вышел вперед и подчеркнуто спокойно сказал:

— Простите, Говда, у меня небольшое дело к вам.

Слегка придерживая коня, старшина обернулся и только сейчас узнал Зелимхана.

— Что тебе понадобилось от меня, бандит? — презрительно смерил его взглядом Говда. Из-за широкой спины воровато выглядывал его писарь.

— Довольно вы злоупотребляли терпением людей. Говда, — сказал Зелимхан и, выдержав короткую паузу, сурово приказал: — Сойдите с коня и сложите оружие.

— Да как ты смеешь, собака! — взревел старшина, схватившись за винтовку военного образца, висевшую у него за плечом.

Но Зелимхан опередил его: молниеносным движением он откинул полу своей бурки и направил дуло ружья в грудь своему врагу.

— Ни с места, иначе пожалеете!

Минуту назад надутое гордостью лицо старшины сразу осунулось, оно то краснело, то бледнело. Он пытался надменно улыбаться, но это выглядело жалко. Грозно направленный на него ствол ружья, как черный глаз, предостерегающе следил за каждым его движением. Говда спешил, положил на землю винтовку, отстегнул и бросил туда же шашку и кинжал, изящно украшенные чернью.

— Ты не имеешь права брать эту винтовку, — с трудом выдавил он из себя. — Завтра же ты пожалеешь о содеянном, — но от гордости надменного старшины ничего не осталось.

— О чем еще мне жалеть, Говда? Ведь бы ничего не оставили у меня, — сказал Зелимхан.

Вдруг, движимый каким-то неясным чувством, он резко повернул голову и увидел, что писарь целится ему в спину из револьвера. Быстро переведя взгляд на старшину, он предупредил:

— Учти, Говда, за укус своей собаки отвечает хозяин, а не собака, — и он шагнул в сторону, чтобы удобно было видеть их обоих. — Предупреждаю: палец мой — на спусковом крючке, и стоит твоему подручному выстрелить, как моя пуля будет в твоём сердце.

Услышав эти слова, писарь опустил револьвер и нехотя бросил его в кучу оружия, сложенного у ног старшины.

Зелимхан повернулся к писарю:

— Целиться в спину, видно, у своего хозяина научился? Как не стыдно! А ведь ещё будете называть себя мужчинами.

— Не оскорбляй нас, — очнулся старшина от оцепенения. — Ты ещё пожалеешь обо всем. — И подумал: «Дай мне только вернуться в Ведено, тогда узнаешь, кто из нас мужчина».

— Говда, — сказал Зелимхан, не повышая голоса, — возможно, я пожалею о содеянном сегодня, но у меня нет выбора. — Он обвел молчаливым взглядом махкетинского старшину и отдельно произнес: — Оружие и коня получите только тогда, когда вернете нашу невестку и публично извинитесь. А сейчас уходите.

Так абрек Зелимхан из Харачоя совершил первое дело своего обета чести.

Беспокойная река Хулхулау, как всегда, катила свои мутные воды. Обычно хмурая и холодная, в солнечный день она сверкала, искрилась, по неизменно разрушала свои берега, безжалостно сокращая и без того малые посевные поля местных чеченцев.

До сих пор вот так же шумел, грубил, теснил людей старшина аула Махкеты Говда, лишая бедных крестьян порой и последнего надела. Только сегодня стал он вдруг непривычно тихим. Сторонясь шумных дорог, идет он сейчас крадучись, настороженно прислушиваясь даже к шуму реки, и стремится побыстрее спрятаться под сень высокого начальства.

Писарь почтительно просил Говду сесть на его лошадь, но тот презрительно отказался. Не захотел гордец ехать на ленивой кобыле, а потому и писарь шел пешком. А воды Хулхулау все текли, равнодушные ко всему, будто ничего на свете и не произошло.

Пройдя обходными путями так, что их никто не видел, Говда и его писарь явились к приставу Чернову. Волнуясь и путая русские слова, рассказали они ему о том, что на них напала шайка разбойников во главе с Зелимханом и ограбила.

Веденский пристав, который бывал столь любезным в доме старшины за свежей бараниной и бокалом вина, принял их сейчас холодно и даже безглаголиво, хотя внешне и выражал сдержанное сочувствие.

— Как же вам не стыдно, право! Вы всегда хвалились своей храбростью, а тут нате: отдали разбойнику коня, а главное — казенное оружие. Труссы вы!

Говда угрюмо молчал, все больше понимая, что пережитое бесчестие не только покрывает его позором перед махкетинским обществом, но и заметно роняет его престиж в глазах пристава. А значит, и шансы получить от него помощь, становились весьма проблематичными. Говда ломал голову над тем, как бы вернуть своего коня и оружие, пока молва об этом не облетит все аулы Чечни.

— Сколько же было разбойников? — допытывался Чернов, недоверчиво щуря глаза. — Десят, десят человек, ваше благородие, и все вооруженные берданками и револьверами, — торопился объяснить писарь, еще в дороге подготовленный старшиной для вранья. Сам

старшина, насупившись, кивал головой, подтверждая: дескать, все было так, как говорит писарь.

А пристав в душе и не думал сочувствовать пострадавшим. Он рассуждал очень просто: «Пусть все они сходят с ума, пусть режут друг друга, побольше занимаются сведением своих счетов... И все-таки, — прикинул он, — нужно мне напомнить полковнику, чтоб он поскорее перевел меня подальше от этих мест. С этим Зелимханом, как видно, шутки плохи. А Одноглазый доложил, что едва ли удастся договориться с этим проклятым абреком».

— Ладно, — сказал наконец Чернов с ноткой благодушия, — я доложу об этом начальнику округа. Но дело, вообще-то, может кончиться плохо для вас, Говда.

— Куда же еще хуже? — развел руками старшина.

— А вот так, может получится совсем плохо, если мы не сумеем как-нибудь ублажить его, — и пристав погладил деревянную фигурку медведя, стоящую на столе, думая о том, что потребуется взятка. — Разжалует он вас, да еще и под суд может отдать за то, что отдали казенное оружие разбойникам.

— Но вы поговорите с полковником, ваше благородие, помогите мне, — взмолился старшина. — Век буду обязан...

— Ладно уж, постараюсь для вас, — ответил Чернов и протянул старшине руку, давая понять, что разговор окончен. — Но вам самим надо серьезно браться за Зелимхана. У вас же, Говда, довольно сильный род.

Когда Говда и писарь ушли, Чернов задумался. Потом кликнул дежурного офицера и распорядился отобрать человек двадцать солдат посмелее, на добрых конях, и держать их наготове для опасной вылазки.

Вернувшись из Ведено в Махкеты, Говда узнал, что слух о дерзком поступке Зелимхана облетел уже весь аул и его окрестности. Старшина созвал фамильный совет из своих родичей и стариков, сведущих в нормах обычного права чеченцев.

Говда сидел хмурый в черном атласном бешмете, в надвинутой на лоб черной же каракулевой папахе на широкой тахте, покрытой узорчатым андийским ковром. Сыновья и племянники стояли полукругом у входа. Среди них не было только Успы: ему, главному виновнику всех этих бед, видно, не совсем удобно было появляться на этом совещании. Напротив старшины на почетных местах расположились старейшины рода.

— Братья мои и дети, — сказал Говда мрачно, — Зелимхан Гушмазукаев из Хараоча совершил против нас большое зло... Я сначала не

решался сказать нам об этом, обдумывая, как быть. Но это такое дело, которое нельзя скрыть от нас. Кроме того, в подобных делах наши деды не торопились, но и не прощали оскорблений.

Говда умолк и, слегка приподняв голову, погладил свою седеющую бороду, обдумывая что-то.

Случай, действительно, был трудный и путанный, и разобраться и нем было не так-то просто даже мудрым старцам, которых сегодня призвал к себе старшина.

— Расскажи, Говда, расскажи все, как было. Знать об этом не вредно и молодым, — сказал старик с молочно-белой бородой, сидевший на самом почетном месте.

— Я тоже думаю. Товмирза, что им будет полезно знать об этом, — важно согласился старшина.

— Говда правильно сказал, — вмешался второй старик, — в таких случаях наши деды не торопились, но и не прощали обид.

Говда опять вопросительно оглядел присутствующих, но, не заметив на их лицах особого расположения к себе, снова опустил голову и задумался.

— Может быть, сообщить об этом властям? Неужто нам не поможет пристав? — нарушил тишину кто-то из молодых, стоявший в дверях.

— Что за разговор? — рассердился Товмирза. — Такое дело наши деды никогда не решали с помощью власти. Такое, сын мой, всегда решали с помощью кинжала!..

Опять наступило тягостное молчание. Говда, по-прежнему сидевший, опустив голову, ни словом не обмолвился о своем разговоре с приставом.

— Это верно, Товмирза, что такое наши предки решали с помощью кинжала, — вмешался третий старик, сидевший рядом с первым. — Но потомки Бахо не успокоятся на этом. Я хорошо знаю их...

— Что же ты предлагаешь, Гоба? — медленно повернул к нему свою красивую голову Товмирза.

— Думаю, было бы неплохо использовать против них всех их врагов, — спокойно ответил старик.

— Опозорены-то мы, — вдруг вмешался Говда, — какое нам дело до вражды Бахоевых с другими? Лично я не желаю об этом и знать.

— Об этом не вредно знать, Говда, — спокойно возразил Гоба, но уже более настойчиво. — Я понимаю, что сейчас оскорблены мы, но сегодня или завтра Зелимхан с братом сцепятся со старшиной аула Харачой, а также и с Черновым. Почему же нам не использовать этих людей в нашем деле? — старик вопросительно оглядел всех присутствующих.

— Подумать об этом, по-моему, не мешает, Говда, — посоветовал и Товмирза.

— О чем ты предлагаешь мне думать, Товмирза? — с трудом сдерживаясь, спросил Говда. — И ты, Гоба, прости меня за дерзость, не прав: кто же согласится из-за нас пролить свою кровь?

— Не это я хочу сказать, Говда. Конечно, никто не станет проливать за нас свою кровь...

— Ну а что ты советуешь? — Старшина чувствовал, что задыхается в атмосфере этой стариковской неспешности. Он вскочил и зашагал по комнате.

— Нет, Говда, я просто хотел сказать, — снова заговорил Гоба, — что у нас еще старые дедовские счета не сведены по кровной мести. А тут вступить в бой и с харачоевцами... Трудно придется нам. — Он подумал немного и добавил: — Не знаю, может, вы лучше все это понимаете, но горячиться в таком деле опасно. Правду я говорю, Товмирза?

— Верно говоришь, Гоба, — вздохнул седобородый старец.

Поняв, что старейшины не склонны из-за его обиды идти напролом, Говда спросил, обращаясь к Товмирзе:

— Ты у нас самый старший, предлагай, что делать. — Не скрывая своего недовольства, он повернулся к Гоба и язвительно добавил: — Может, нам просто поблагодарить теперь Зелимхана?

— Зачем так, Говда, зачем? — повысил голос Товмирза. — Не то тебе предлагают, а говорят, что любое дело при желании можно решить разумно и без большого ущерба.

Гордый, самовлюбленный старшина, к тому же привыкший делать и приобретать все с помощью чужих рук, не мог примириться с умеренным тоном стариков. Он резко остановился посреди комнаты и спросил:

— Что значит разумно, без ущерба? Как это понимать?

Все смолкли, чувствуя, что разговор может принять враждебный характер. Товмирза тоже молчал, не решаясь продолжить свою мысль.

— Пусть они вернут нам коня и оружие, — наконец нарушил тишину белобородый Гоба. — А мы возвратим им их невесту, и на этом кончится ссора.

— Что-о? Вернуть им Зезаг? — вскричал Говда. — Да как можно даже подумать об этом?

— А ничего другого не придумаешь, Говда, — сказал Товмирза, хлопнув себя ладонью по сухощавой голени. — Боюсь, что, углубив ссору с Зелимханом, можно еще больше опозориться.

— Этого еще не хватало моему дому! — старшина нервно прошелся по комнате. — Нет, чем пойти на такое, лучше трижды приму кровную месть.

— И это можно, если нравится, — сказал Товмирза, не повышая голоса. — Но стоит ли? Надо подумать.

— Да, конечно, надо подумать, — закивал головой Гоба и все же, желая угодить старшине, добавил: — Законы адата нерушимы, рано или поздно потомкам Бахо придется заплатить кровью за нанесенное нам оскорбление.

— Вот с этим я согласен, — повернулся к нему старшина. Говда хотел мести, но чтобы она осуществилась силами рода, желательно, без участия его самого и его сыновей.

Так, по сути и не договорившись ни о чем, старики встали, чтобы расходиться, как вдруг отворилась дверь и на пороге появилась мать Успы. Она была бледна, губы ее дрожали.

— Зезаг ушла из дому, — с трудом произнесла она, — уже вторые сутки я не могу найти ее след.

Вечернее солнце скрылось за гребни гор, и лес, уже одетый в зеленый весенний наряд, начинал растворяться в сиреневых сумерках, когда на тропе, спускающейся с крутой горы к аулу Харачой, показался всадник. Левой рукой он вел на поводу запасного оседланного коня. Это возвращался в родной дом Зелимхан. Солтамурада он отправил в Махкеты с поручением разузнать, собирается ли Говда добровольно вернуть Зезаг.

Из-за облаков выглянула луна. Вдали в сизо-голубой дымке показалась величественная вершина Харачой-Лама. Зелимхан придержал коня.

— Край мой родной, — произнес он с бесконечной нежностью, будто впервые увидел эту гору, и медленно, словно боясь ранить цветы, густо росшие под ногами, сошел с коня. «Хорошо, что аллах наделил этой красотой, этим чистым воздухом всех... Всех — и бедных, и богатых — размышлял харачоевец. — Но нет, не всех!.. Кто-то ходит здесь и дышит свободно, а я должен пробираться тайком, под покровом темноты».

Он нагнулся, сорвал кислый лист щавеля и с удовольствием пожевал его.

Сколько радостей таит для человека жизнь! Зелимхан всегда был открыт для каждой, самой малой радости, но теперь жизнь возложила на него тяжелое бремя: отомстить тем, кто сгноил в тюрьме двух его братьев, упрятал туда же его старого отца, а главное опозорил его дом, дом честного и гордого Бахо. Обет абрека требовал от него сейчас огромной собранности и целеустремленности.

Эта черта — умение, не тратя лишних слов, добиваться своей цели — была свойственна Зелимхану с юных лет. Он унаследовал ее от своего деда — Бахо, в свое время выстоявшего в жестокой борьбе с фанатичными мюридами Шамиля. Дед стремился передать внуку свою житейскую мудрость, учил его предсказывать погоду, обрабатывать землю, лечить скот, открывал ему хитрые тайны охоты и звериного мира. И уж, конечно, обучал мальчика неизменным молитвам. А тот, любознательный от природы, не упускал случая и схватывал на лету все ценное из бесед с мудрым наставником. Теперь все это должно было пригодиться молодому абреку.

Коней Зелимхан оставил в лесу, укрыв их в надежном месте, а сам направился к дому. «Надо спешить, — думал он. — Не сегодня, так завтра нужно проникнуть к Чернову и покончить с ним. Иначе будет поздно, этот обманщик сбежит. Не случайно же люди поговаривают, что пристав собирается перевестись из Ведено».

Когда Зелимхан приблизился к своему дому, его поразила мертвая тишина, царившая в нем. Только во дворе навстречу ему выбежал откуда-то старый пес и завилял хвостом. Абрек вошел в переднюю и, достав из кармана спички, зажег керосиновую лампу без стекла. В комнатах не было ни души, все вещи были разбросаны, словно после пожара. «И куда они девались? Что тут могло произойти? — тревожно думал Зелимхан. — Ведь еще два дня назад они никуда не собирались. Отправились к родственникам?.. Но почему в доме такой беспорядок?..»

Вдруг за спиной у него скрипнула дверь.

— Да будет добрым твой вечер, Зелимхан, — раздался показавшийся ему знакомым голос.

Он обернулся. На пороге стоял Одноглазый, длинный, как шест, засунув большой палец левой руки за тонкий чеченский пояс. Вор опасно и в то же время нагло глядел на абрека. Как принято у чеченцев, Багал вошел без стука, да и собака почему-то не предупредила лаем о появлении чужого.

— А-а, Багал, это ты, проходи, — рассеянно сказал занятый своими мыслями Зелимхан и предложил гостю сесть на нары.

— Я пришел узнать, как ты тут поживаешь, — стыдливо опустив глаза, произнес Одноглазый.

— Слава аллаху, как видишь. Только не пойму, что тут стряслось, землетрясение, что ли? — И вдруг Зелимхана пронзила неожиданная догадка. Он вплотную подошел к Багалу и заглянул ему в глаза: — А ты, случайно, не знаешь, что здесь произошло? Куда мои девались?

Одноглазый еще ниже опустил голову и упорно молчал. Потом, вдруг спохватившись, произнес:

— Не знаю... Но здесь был пристав с солдатами, и...

— Что приставу понадобилось в моем доме? — перебил его абрек.

— Да вот, говорили... Я не знаю, Зелимхан, — Багал нервно теребил серебряный язычок своего пояса.

Поняв, что приход Одноглазого связан с налетом пристава на его дом, Зелимхан схватил его за ворот старого бешмета.

— Говори сейчас же, где моя семья? — Не знаю, ничего не знаю, — Багал побледнел, нижняя губа дергалась. — Наверно, пристав знает.

— Пристав, говоришь? Болван. Одурачили они тебя своими подачками. За рубль нашим врагам проданся?

Одноглазый испуганно уставился в глаза Зелимхана. Мелкий воришка в этот момент выглядел серьезным и даже будто печальным.

В порыве гнева Зелимхан говорил, как мудрец. Вместе с яростью к нему всегда являлось вдохновение. Но ненадолго. Он вдруг умолк и, отвернувшись от Одноглазого, присел на нары. Тень его, падавшая от мерцающего света керосиновой лампы, шевелилась на стене, как уродливый зверь.

— Да, да, Багал, — говорил Зелимхан проникновенным голосом, не поднимая глаз, — ведь ты же бедный человек. Разве не видишь ты их презрения к нам, не видишь, как они бросают нас в тюрьмы, уничтожают всевозможными средствами?..

Но гость не услышал всего этого. Заметив, что абрек не глядит в его сторону, Одноглазый тихо вышел и поспешно зашагал в Ведено, чтобы сообщить своему тайному начальнику, как встретил Зелимхан похищение его семьи.

* * *

Итак, в ту страшную ночь Зезаг покинула аул Махкеты.

— Пусть мир перевернется, — заявила она своим родным, — но в дом сына Говды я никогда больше не вернусь.

— Что ты говоришь, милая, у нас ведь нет сил бороться с ними, мы не устоим против них, — умоляли ее, но она ничего не хотела слышать.

— Я сама постою за себя, хватит, — ответила Зезаг. А когда ей передали просьбу отца, учитывая его слабое здоровье и старость, не нарушать свое первое замужество, она твердо сказала, что трижды бросится в огонь, но не вернется к мужу.

Главное, что хотела Зезаг, покидая ненавистный дом, — это предупредить родственников Солтамурада, что Успа готовится подло убить его. Но услышав, что Зелимхан сбежал из тюрьмы и находится на свободе, а жених не только не в крепости, но действует вместе с братом, она и вовсе расхрабрилась. Хотя больше всего на свете Зезаг любила Солтамурада, она хорошо знала, что в час опасности можно смело положиться только на Зелимхана.

Солтамурад, посланный Зелимханом в Махкеты, неожиданно для себя узнал из разговоров, что Зезаг сбежала из дома Успы. Он тут же решил вернуться в Харахой и разыскать ее там.

Высокий каменный дом Хушуллы стоял на крутом берегу Хулхулау. Из окна этого дома хорошо просматривалось все село и зеленый полуостров у реки, где паслись телята и гуси. Окна, выходившие к реке, Зезаг все время держала открытыми, чтобы видеть подходящих к дому и в случае тревоги немедленно бежать в лес. Смелая женщина опасалась своих преследователей, но какова же была ее радость, когда под окном ее внезапно появился Солтамурад. Он сказал всего несколько слов:

— Жди нашей помощи. Ты еще войдешь в мой дом, Зезаг, — и тут же скрылся в вечерних сумерках.

Весть о том, что Зезаг скрылась в доме своих родителей, как и нужно было ожидать, очень скоро докатилась до аула Махкеты, а следовательно, и его старшины. Тот немедленно приказал Успе вернуть беглянку. Надо честно признаться, что сын, и без того испуганный опасным поворотом, который приняла его женитьба, не слишком торопился выполнить волю отца. Поэтому он еще только готовился к тягостной для него экспедиции, когда грянула новая весть. Все заговорили о том, что Зелимхан, который скрывается в лесу поблизости от Харачоя, держит дом Хушуллы под неусыпным наблюдением и заявил, что не позволит увезти Зезаг без боя. Эта перспектива настолько не устраивала Успу, что он, несмотря на весь свой страх перед отцом, наотрез отказался ехать за непокорной женой. Тут его поддержали старики.

Вновь был собран совет старейших аула Махкеты. После недолгих разговоров он решил рассматривать возвращение Зезаг под родительский кров как официальное возвращение ее Солтамураду, что, собственно, и требовал Зелимхан. Было решено также отправить к абреку посольство с просьбой кончить ссору с Говдой миром.

На этот раз совещание старейшин происходило в отсутствие Говды. Узнав о принятых ими решениях, он прямо-таки взбесился. Все домочадцы в страхе попрятались от него по углам, и только жена пыталась умиротворить разбушевавшегося главу семейства.

— Где это слыхано, — потрясал кулаками старшина, — чтобы чеченец отдавал жену, которую привели в его дом!

— Ну зачем нам в доме эта змея, два года издевавшаяся над нашим сыном, — возражала жена. — Ты посмотри на него, он за это время даже с лица сошел.

— Любая змея может стать покорной в руках мужчины. Ну как мне теперь появляться на людях? — охал Говда.

— Успокойся. Люди, что — пошушукаются и забудут. А мы женим Успу на красавице, — не сдавалась жена. — Кто не согласится выдать свою дочь за сына старшины?

— Что ты мелешь? Разве ты понимаешь в этом хоть что-нибудь?

— Понимаю, очень хорошо понимаю.

— Дура. Ну как я могу забыть, что меня ссадили с коня? И за кого? Из-за Зезаг! Тьфу, нет, это просто немыслимо. Надо было вернуть им ее

труп.

— О аллах, ведь не стоит она, чтобы ты так переживал, не стоит она и твоего коня, — урезонивала Говду жена. — А этим собакам Гушмазукаевым всегда успеешь отомстить, остаться бы только старшиной.

Это был веский довод.

Сознательная жизнь Говды началась со скамьи в медресе, где он заучивал непонятные ему стихи из Корана. Но сыну сельского купца не понравились сказки о загробной жизни, и он решил любой ценой счастливо прожить жизнь земную. А аллах, он далеко! И вот, когда тихие молитвы крестьян стали сменяться проклятиями в адрес царя, Говда с помощью мелких доносов сблизился с приставом. Так Говда стал старшиной аула Махкеты, и этим положением очень дорожил. Жена попала в самую точку, напомнив ему то, о чем он сам последнее время не раз задумывался: не поведет ли какая-нибудь новая неудача в борьбе с Зелимханом к тому, что начальство разуверится в силах махкетинского старшины? Конечно, оставался щекотливый вопрос о чести. «Да что там, теперь честь у того, у кого власть» — подумал Говда, и вдруг в голову ему пришла мысль, что решение совета старейшин, тем более принятое без него, по сути, его даже очень устраивает.

Но мысли эти старшина оставил при себе, а внешне еще некоторое время продолжал возмущаться и слать проклятия всем, кто виноват в его позоре.

Когда пришел вечер, Говда мрачно удалился в свою комнату и лег спать один. Но сон не приходил. Лежа на спине с открытыми глазами, закинув руки за голову, он думал о том, как бы все-таки отомстить Зелимхану за оскорбление чести его семьи и рода, но так, чтобы он и его сыновья ничем особенно не рисковали. Из соседней комнаты доносились мягкие шаги: видно, хозяйка хлопотала по дому, не смея войти к мужу. Во дворе нудно лаяла собака, да время от времени откуда-то издали доносился печальный крик выпи...

Вдруг Говда поднялся и присел на край тахты. «Но ведь есть еще и другой вопрос: посчитает ли еще Зелимхан свои счета с ним поконченными?..» — подумал старшина и почувствовал легкий холодок на спине.

В комнату вошла жена.

— Ты все еще не спишь?

— Я очень устал.

— Зачем ты все это так близко принимаешь к сердцу? Кто они такие, эти Бахоевы, чтобы ты так много думал о них?

Говда долго молчал, потом ответил:

— Жена моя, ты плохо знаешь их. Они ведь потомки Бахо, который никогда и никому не прощал обиды.

* * *

А на следующий день в ауле Харачой свершилось торжественное событие: мулла своими молитвами скрепил брак Солтамурада из рода Бахоевых и Зезаг, дочери Хушуллы. Зелимхан праздновал свою первую победу. Слава о нем облетела ущелья Хулхулау и с горных вершин покатилась по чеченской равнине с быстротой лесного пожара, раздуваемого шальным ветром.

В один из воскресных летних дней начальник вновь созданного Веденского округа полковник Дубов давал званый обед.

Дубова перевели в Ведено из Грозного «для усиления борьбы с непокорными», так и было сказано в указе его императорского величества. И прибыл полковник сюда с твердым обещанием: одним ударом покончить с Зелимханом и его помощниками. Однако карательный отряд, в первые же дни отправленный им для поимки абрека, вернулся из Харачоя ни с чем. Это несколько испортило настроение нового начальника.

Людей здешних Дубов знал достаточно хорошо, поскольку места эти раньше составляли часть возглавляемого им Грозненского округа. Тем не менее полковник считал полезным поближе познакомиться со своими подчиненными.

На званом обеде были все веденские офицеры и чиновники, за исключением пристава Чернова. Еще весной, взяв под стражу семью Зелимхана, Чернов исчез из крепости Ведено. Это было совершено с ведома полковника Дубова, и именно он, Дубов, устроил тогда перевод Чернова на другую должность за пределами Чечни.

Теперь новый начальник делал вид, что не имел к этому ни малейшего касательства, и потому воспринял как вопиющую бестактность фразу, сказанную за столом поручиком Грибовым.

— Господин Чернов заверил нас, что арест семьи Зелимхана делается с вашего согласия, — как бы между прочим заметил этот молодой офицер.

Полковник грозно воззрился на него. Он вспомнил, что Чернов в свое время упоминал о Грибове как об играющем в либерализм петербургском интеллигенте, Дубов посчитал, что пришло время дать урок этому молокососу.

— Считаю нужным дать вам совет, господин поручик. Поменьше разговаривайте о том, что вас не касается, — сказал он резко и добавил: — И вообще поменьше рассуждайте!

Грибов густо покраснел, но промолчал. И тут совершенно неожиданно вмешался и усугубил скандальность момента Адод Элсанов, приглашенный на обед вместе с другими чеченскими старшинами. Это вмешательство в разговор начальства было событием чрезвычайным, так

как обычно старшины аулов держались на таких сборищах очень скромно и больше молчали, поэтому сейчас все сидящие за столом сразу насторожились и замолчали.

— Молодой господин офицер хочет помогать Зелимхану, — сказал Адод, сверкнув маленькими мышинными глазками. — Не зря люди говорят, господин офицер хвалил Зелимхана.

Грибов поднял голову и с вызовом оглядел окружающих:

— Я сказал, что Зелимхан смелый человек, и не собираюсь отказываться от своих слов.

— Фраза, достойная какого-нибудь пи-са-те-ля, — пророкотал Дубов, вкладывая в это последнее слово все возможное презрение, — а вы, господин Грибов, русский офицер и должны думать о чести.

— Я как раз и думаю о чести, господин полковник, когда выражаю несогласие с таким недостойным действием, как похищение женщин и детей.

Молодой человек сказал это со смелостью отчаяния, и голос его дрожал от волнения. Наступила зловещая тишина. Полковник даже побагровел от гнева.

— Распустились! — грозно крикнул он, ударив кулаком по столу так, что посуда загремела. — Видно, мне придется учить вас настоящей службе!

— Просто я считаю, господин полковник, что нужно обходиться с людьми по-человечески, — тихо произнес Грибов.

— С какими людьми?

— Со всеми верноподданными его императорского величества.

— Это вам не Петербург, господин поручик, а Чечня.

— Но мы же находимся в России и имеем дело с российскими подданными, — попытался объяснить свою позицию офицер.

— Нет, — отрезал полковник. — Здесь мы имеем дело с ворами и разбойниками, — он отдышался немного, осушил бокал с вином и саркастически добавил: — Вы же у нас образованный человек.

Грибов встал из-за стола и подошел к окну. Он чувствовал себя несправедливо наказанным школьником и стоял, уставившись глазами в ручку оконной рамы. Непонятно было, может ли он себе позволить возразить полковнику. Да и что можно было ответить? Его порастил такой откровенный цинизм представителя высокой власти.

Пауза несколько затянулась.

— Не все же здесь воры и разбойники, господин полковник, — выдавил из себя поручик.

— Все, все! — заорал уже пьяный Дубов, забыв о присутствующих чеченских старшинах, а те кивали головами, будто довольные тем, что их окрестили разбойниками.

Этот неприятный эпизод, естественно, не мог не сказаться на атмосфере званого обеда. Начальство с этого момента сидело хмурое, и подчиненные чувствовали себя скованно. Уйти тоже никто не решался, поэтому сидели довольно долго, но веселья, на которое рассчитывал хозяин, собирая гостей, явно не получилось.

* * *

Дурное расположение духа не покидало полковника и вечером, когда гости разошлись.

Высокий каменный дом Дубова стоял на берегу Хулхулау. Фасадом он выходил к реке, а с трех сторон его скрывала густая листва большого парка. В эти, как он сам говорил, дикие места полковник переселился пока только с сыном. Жена осталась в Грозном. Поэтому быт Дубова был по-холостяцки неустроенным.

Высокая лампа под розовым абажуром горела над большим обеденным столом, на котором стояли пустые бутылки и грязная посуда. Воздух в комнате отдавал застоявшимся табачным дымом. Дубов полулежал на тахте и без особой охоты листал бумаги, подшитые в папке. Это занятие, как видно, еще усугубляло его плохое настроение: растущие неувязки в делах управления округом обступали его со всех сторон. Полковнику становилось страшно. Он перебирал в уме тех горцев, которые находятся в бегах, на положении абреков, тщетно пытался найти какой-нибудь способ разом покончить с ними. Устав от этих размышлений, Дубов задремал.

А в это время какой-то человек, поглядывая на светящиеся окна, осторожно пробирался в темноте со стороны обрыва к дому полковника. Вот он скрылся в саду и остановился в густой тени старых чинар, никем не замеченный, невидимый никому.

Над его головой тихо шелестела черная листва, словно кто-то ласково гладил ее. Человек поднял голову. Глубокое черное небо. Яркие звезды. В отдалении слышен смех, неразборчивый гул голосов. Незнакомый быстро поднялся на крыльцо, и там его остановил часовой. Посетитель объяснил ему, что несколько часов назад он был в гостях на званом обеде у начальника округа и забыл на столе важный для него документ. Он не хочет будить полковника и просит разрешения буквально на три минуты войти в столовую и взять со стола нужную бумагу.

Дорогой горский костюм, по-видимому, подтверждал слова гостя. Часовой немного поколебался, но, ощутив в руке рубль, вложенный в нее посетителем, пропустил его.

Разбуженный звуком открывающейся двери, Дубов вытаращил сонные глаза и увидел перед собой молодого человека в изящной черкеске с офицерскими погонами на плечах.

— В чем дело? — спросил полковник, разглядывая незнакомого человека.

— Зачем так плохо встречаете гостя? — упрекнул его тот.

— Я где-то видел вас... — Дубов настороженно всматривался в горца, чувствуя неладное.

— Не вспомните. А вы все же меня знаете.

— Не припомню что-то, — ответил полковник и потянулся к письменному столу, в ящике которого лежал револьвер.

— А вот я вас знаю, — горец положил правую руку на рукоять кинжала в черных сафьяновых ножнах.

— Вы, случайно, не из Дагестанского полка?

— Нет. Я Зелимхан из Харачоя.

— Зелимхан?... — Дубов уже открыл рот, чтобы крикнуть часовому, но харачоевец, на половину вытянув из ножен кинжал, грозно предупредил:

— Один звук, и ваша голова долой будет. Поняли?

— Что вы хотите от меня? — спросил Дубов, невольно опускаясь на тахту.

— Дело есть, господин полковник.

— Какое?

— Освободите мою семью, господин полковник. Иначе будет плохо.

Дубов почувствовал, как тело его прошиб мгновенный озноб, кровь ударила в голову, перед глазами закружились предметы. Он судорожно дернулся, и папка с бумагами, лежащая на краю тахты, упала на пол.

— Освободите моих родных, — повторил Зелимхан, сделав шаг к Дубову. — Слышите? Чтобы завтра до полудня они были на свободе.

— Да, да... Сейчас, пожалуйста, — бормотал полковник, сам не зная о чем.

Незванный гость, прикрыв за собой двери, исчез.

* * *

С раннего утра полковник был мрачнее тучи. И ночной визит харачоевца, и распущенность офицеров крепости, и доклад начальника

гарнизона, что все, дескать, в порядке — все это было по его расстроенным нервам. Дубов никому ничего не сказал о ночном визите Зелимхана, но, не зная, на ком сорвать зло, приказал: «Накрепко запереть семью разбойника Гушмазукаева, утроить охрану в тюрьме и у ворот крепости». Это распоряжение создало у него ощущение деятельности, и так примерно к часу дня настроение его стало улучшаться.

И тут грянул гром, и небо обрушилось на всемогущего начальника округа. Ему доложили, что только что на глазах у растерявшихся обывателей и нескольких невооруженных солдат Зелимхан похитил из городского парка сына полковника, посадил его к себе в седло и умчался на быстром своем коне. Пока офицер, первым узнавший об этом событии, собирал по тревоге отряд для погони, прошло добрых десять-пятнадцать минут, и всадник был уже далеко. Теперь с полсотни казаков скачут за ним по всем дорогам, но шансов поймать дерзкого абрека, если смотреть правде в глаза, очень мало.

Когда Дубов только услышал страшную новость, он судорожно глотнул воздух, и папираса вывалилась у него изо рта. Этот не знавший жалости к другим человек схватился за грудь и упал на диван. В кабинет к нему постепенно набиралось все больше пароду, здесь собрались почти все чиновники и офицеры крепости. Все они в растерянности уставились на своего начальника, беззвучно шевелившего губами. Вдруг сквозь толпу представителей местной власти пробрался солдат. Он тупо вытянулся перед полковником, козырнул по всей форме и протянул ему какую-то записку.

Дрожащими руками Дубов взял ее, поднес к глазам, но не смог читать и, не глядя, передал близстоящему офицеру. Случайно это оказался Грибов. Тот прочитал записку и хмуро произнес:

— Этот Зелимхан просит освободить его жену и детей из тюрьмы.

— Освободите их! Отпустите их всех домой! — закричал полковник.

— Где судебный пристав? Освободить немедленно, слышите!..

Пристав опрометью бросился выполнять приказание.

Так Зелимхан выиграл свой второй бой, одержав на этот раз победу над могущественным представителем императорской власти, отчего фигура молодого абрека мгновенно выросла до поистине исполинских размеров. Отныне и на несколько лет его имя уже не сходило с уст на всем Северном Кавказе, вызывая ужас угнетателей и надежду угнетенных.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Гушмазуко подходил к аулу Харачой, когда на востоке вдоль горизонта только-только протянулась розовая полоска и звезды начали гаснуть. Освободившись из тюрьмы, он шел, делая короткие привалы, — спешил скорее попасть домой; ему не терпелось узнать, как там обстоят дела и какие его поручения успел выполнить Зелимхан. Старик шел ночами, так как не совсем безопасно было подойти к родному аулу днем. Грозил же ему в свое время пристав Чернов, что не даст Бахоевым житья в Харачоевских горах. Вот и старался Гушмазуко не попасть на глаза какому-нибудь начальству.

Бици уже проснулась и, отправив Зезаг по воду, хлопотала во дворе. Увидев вошедшего во двор свекра, она тут же бросила веник и быстро пошла ему навстречу:

— Дада^[7], это как же? Ой, слава аллаху, что вы вернулись, — взволнованно говорила она, обнимая старика.

Улыбаясь, Гушмазуко сдержанно обнял невестку, затем взял на руки внука, выбежавшего из дома, и, поглаживая его белый круглый подбородок, забормотал что-то свое. На глазах этого старого сурового человека показались слезы. Он молча ласковым взглядом встретил свою жену. Мужчине недостойно проявлять суетливость. Потом спросил у нее:

— Что нового в доме?

— Да все то же, — ответила жена, немного помолчав. Но по ее голосу Гушмазуко понял, что далеко не все здесь так, как было до его ухода.

Войдя в комнату, Гушмазуко аккуратно откинул полы своего грязного, пропахшего потом, залатанного рыжего бешмета, присел на низенький стульчик и нежно привлек к себе внука. Густые порыжевшие брови старика и узкий лоб были в пыли, маленькие темно-карие глаза блестели как-то неестественно. Смуглое, утомленное невзгодами лицо его было даже красивым. На нем лежала сейчас печать умиротворенности, хотя чеченец хмурился. Видно, мысли бродили в его голове невеселые, и от обретенной свободы он ждал больше забот, чем радостей.

Гушмазуко взял длинные железные щипцы и поправил огонь в товке, затем, довольный, взгляделся в лицо внука. Слушая его детский лепет, дед заметно повеселел.

— Где Зелимхан? — спросил он, обернувшись к своей старухе.

— Уехал еще вчера, — ответила та. — Просил не тревожиться. Обещал вернуться сегодня или завтра.

— А Солтамурад?

— Они вместе поехали.

«Значит, по делу, — решил старик, — Зелимхан не станет тратить время впустую».

На улице под окном хлопотала возле плиты Бици, ей помогала младшая невестка. Гушмазуко не узнал ее, по смутно припоминал, что где-то видел эту молодую женщину. Но где?..

Гушмазуко ушел отсюда два с лишним года назад. С тех пор, хотя и мало, но кое-что изменилось в доме. Старику казалось даже, что все здесь стало чужим. В этом старом родовом доме не стало его отца — Бахо. Теперь сам он, Гушмазуко, — старое дерево, оставившее здесь лишь немногие побеги. За узким окном, там, внизу, лежали холодные камни, по которым по-прежнему бежала хлопотливая река Хулхулау, а за ней все так же величественно поднимались молчаливые горы. Да и комната была та же, побеленная голубовато-серой глиной. Вдоль передней стены стояли деревянные нары, покрытые войлоком, на котором лежали подушки из пестрого ситца, набитые шерстью. Над нарами во всю стену висел такой же пестрый, вышитый старательными руками Бици ковер, а над ковром были прибиты ветвистые олени рога. Слева у входа вдоль стены — полки, на которых выставлена разная глиняная и деревянная посуда. На нижних полках — чугунные и медные котлы. А у самого потолка на гвозде одиноко висело большое сито, сплетенное из конских волос, а чуть ниже его — скалка для скатывания лапши да половник.

— А что с Зезаг? — вдруг спросил старик озабоченно.

— Она в нашем доме, — радостно сообщила старуха. — Я ведь забыла порадовать тебя этой новостью.

— А давно это случилось?

— Второй месяц.

«Молодец Зелимхан, — обрадовался Гушмазуко, — главное сделал, а там мы уж с ним как-нибудь вместе...»

— А пристав Чернов где сейчас? — спросил он, доставая из кармана широких черных шаровар кисет с табаком.

— Говорят, уехал отсюда совсем, — ответила старуха, сняв с гвоздя большое сито и высыпав в него черпак кукурузной муки.

— Давно?

— Порядком, — ответила жена, пытаясь вспомнить время отъезда пристава. — Тут же вскоре после возвращения Зелимхана.

«Сбежал, трус», — подумал старик, встал и заходил по комнате, узловатыми пальцами скручивая сигарку из самосада.

Узнав о возвращении Гушмазуко, пришли соседи. Они выражали соболезнование по поводу смерти его отца, восхищались делами Зелимхана, который заставил махкетинского старшину вернуть Зезаг и вырвал семью из рук самого начальника округа. Хозяин благодарил гостей за сочувствие, но разговаривал сухо, без особой охоты. Он мало кому верил после того, как обманом отняли у них невестку, убили племянника, а его с сыном и двумя другими племянниками посадили в тюрьму. Люди чувствовали, что Гушмазуко не склонен к длинным разговорам, и потому не слишком задерживались в гостях у него.

Проводив односельчан, Гушмазуко сел перед горячей товхой. На сухощавом лице его играли отблески пламени. Он сидел неподвижно, как древний пенёк давно срубленного дерева. В складках его сжатых тонких губ и в тяжелом подбородке было что-то упрямое, мужественное, не тронутое старостью. Суд и тюрьма не сломили его, казалось, наоборот, наполнили его какими-то новыми силами. У него на многое впервые открылись глаза, только сейчас он понял, что горе приносят в чеченские аулы царские чиновники.

Гушмазуко родился и прожил всю жизнь среди этих хмурых гор, его представление о мире ограничивалось новостями сельского схода и всем тем, что происходило на виду этих горных вершин, даже облака, что кочуют над этими горами, были для него недоступной тайной. Он верил законам предков. В его представлении только он — закон предков — может обеспечить порядок и восстановить справедливость. Махкетинский старшина Говда с помощью другого царского ставленника — Адода — увел невесту его сына и опозорил дом старого Бахо. Ну что ж. В отместку — опозорить его за это дважды. Пристав Чернов несправедливо посадил в тюрьму его и его детей. Убить за это Чернова, и делу конец.

Так рассуждал Гушмазуко. Правда, убить человека — дело нелегкое и грех немалый, но зато другие не посмеют оскорбить твоё мужское достоинство.

Нелегкие дела свалились на плечи Гушмазуко и его семьи. Всю жизнь его преследовал страх оказаться трусом. Этот страх был сильнее, чем страх перед самим аллахом, которому старик так усердно молился всю жизнь. Ещё в детстве он возмущался людской слабостью; он не раз видел, как их унижали и оскорбляли богатые и сильные; видел, как

наглость торжествовала над простодушием, и с тех пор возненавидел душевную мягкость.

Вошла Зезаг, молча поставила перед ним на низенький столик чашку калмыцкого чая, горячий чурек, сыр с маслом и, густо покраснев, отошла к дверям.

Гушмазуко посмотрел на столик, затем молча поднял взгляд на невестку. Отложив в сторону уже скрученную сигарку, он взял со стола чашку с чаем, бросил в него щепотку соли и тут же поставил ее обратно.

— Зезаг, — сказал он, обернувшись к невестке, — меня одолевает жажда, разреши мне выпить этот чай.

Зезаг молчала, опустив голову. Гушмазуко повторил свою просьбу. Невестка продолжала упорно молчать.

— Что же делать, — сокрушенно вздохнул старик. — Буду сидеть голодным, коль, ты не разрешаешь пить чай. Ну как, можно? — спросил он в третий раз.

— Можно, пейте, — сказала наконец Зезаг тихим голосом.

— Баркалла тебе. Да продлит аллах твою счастливую жизнь, — произнес старик и, отпив из чашки глоток чая, поставил ее на столик. — Расскажи, как твои дела, довольна ли ты жизнью, не обижают здесь тебя?

— Довольная, дада, баркалла. Как ваше здоровье? — спросила в свою очередь Зезаг, все более смелея.

— Слава аллаху. Как видишь, пока чувствую себя неплохо. Только вот не знаю, что ждет нас завтра.

— Аллах вознаградит вас добром, слава ему, все будет хорошо, — сказала невестка, не поднимая головы.

— Дай аллах. Как ты сама, здорова?

— Я-то ничего.

— Хорошо, очень хорошо. Ну а как мой приятель Хушулла поживает?

— Пока хорошо, только вот эти беды, что были со мной, сильно потрясли его, — ответила Зезаг.

— Это ничего, лишь бы был здоров. А все остальное пройдет со временем.

— Да вознаградит вас аллах всем добрым.

— Баркалла тебе, Зезаг. Иди, будь свободна, — величественно и просто сказал старик и отвернулся от невестки.

Пятясь спиной к двери, Зезаг вышла.

Гушмазуко посмотрел вокруг себя и, не найдя щипцы, ловко выхватил пальцами из огня горячий уголек, прикурил от него сигарку из

крепкого самосада. Раза два глубоко затянувшись дымом, задержал его в груди, как бы смакуя, и только потом начал выпускать дым через нос. Лицо старика словно застыло, и только густые, выгоревшие на солнце рыжие брови его зашевелились, то смыкаясь на переносице, то удивленно поднимаясь и тревожа морщины на лбу. И как бы старик ни старался выглядеть спокойным, брови выдавали его. Да и как пребывать в благодушии, хоть он и дома теперь, если род Бахоевых не расплатился сполна за бесчисленные оскорбления. Есть, есть еще о чем тревожиться сердцу старика.

Совершив ночную молитву, Гушмазуко давно уже спал. Только жена его сидела у горящей слабым пламенем, затопленной на ночь печи, томимая тревогой за сыновей. Никогда ведь еще не бывало, чтобы Зелимхан не возвращался в тот день, когда обещал. А теперь вот уже четвертые сутки, а его все нет. И сегодня впервые старая женщина ощутила свою слабость. Слезы тихо катились по ее изможденным морщинистым щекам. С тоской смотрела она на угасающий огонь, и сердце ее сжималось в мучительном предчувствии. Материнским чутьем знала она, что сыновья пошли на опасное дело.

Таково сердце любящей матери. Матери, которая в великом страдании рождает детей и первая учит их мудрым законам предков, чтобы потом, когда они станут взрослыми, жить в постоянном страхе за них. Она добывает огонь и поддерживает его всю ночь; выделявая шкуры и сукна из шерсти, она обшивает семью, варит пищу и ест сама то, что остается от детей. Она ложится спать последней и встает первой. Это она — женщина — дает начало жизни и сама умирает, не оставив на земле даже своего имени...

А вдруг кого-нибудь из сыновей привезут раненым или, еще хуже, мертвым? А может быть, сегодня другая мать будет в приступе горя рвать на себе волосы? О ты, беспокойное сердце матери, одному тебе известно, как тяжки эти минуты!..

Долго сидела мать абрека у очага, пока последние голубые огоньки в нем не погасли и сгоревшие головешки не покрылись серым пеплом. Потом железной лопаточкой сгребла жар поближе к тому месту, где лежал Гушмазуко, прикрутила лампу и прилегла; на войлок, расстеленный на тахте у ног мужа.

Она еще долго слышала, как ворочался, кряхтел и покашливал муж. Но ни одним звуком не дала знать ему о своей бессонной тревоге.

* * *

Зелимхан то вставал, преодолевая сон, то снова садился, утомившись от мыслей. Для его действенной натуры самым трудным делом было терпеливое ожидание, но умение ждать — одно из необходимых свойств абрека. Они с братом расположились на обрыве, у поворота узкой дороги, под нависшими листьями орешника. Солтамурад спал, положив голову на

низкий замшелый пенёк, а рядом с ним покоилось его старое курковое ружье. Зелимхан закурил, синий дымок расплывался и таял между листьями орешника.

Вот уже четвертые сутки братья Гушмазукаевы не появляются в родном ауле потому, что дали обет не возвращаться туда, пока не отомстят еще одному из своих врагов. Нет, возвращая невесту брата и вырывая свою жену и детей из тюрьмы, Зелимхан не забыл о том, что первопричиной несчастий и позора, обрушившихся на его дом, является старшина Адод из Харачоя. На нем же лежит кровь двоюродного брата Ушурмы, убитого в схватке, когда люди старшины отбивали Зезаг. Теперь своей кровью должен ответить сын Адода. Так велит закон, жестокий закон отцов, который гласит: «Око за око, ухо за ухо».

Ничто не нарушало тишину прохладного горного утра. Только изредка перекликались дрозды и певучие иволги.

Зелимхан оглянулся на брата и увидел, что тот не спит. Глаза Солтамурада блуждали, было видно: он напряженно раздумывает над чем-то.

— Ты о чем? — спросил его абрек.

— Что-то слишком долго он не показывается. Может быть, пошел другой дорогой?

— Просто задержался в Ведено, — ответил Зелимхан, — не беспокойся. Многие люди говорили, что он пойдет в крепость на один-два дня. Говорили, что возвращаться будет этой дорогой.

— Вот об этом я как раз и думаю. Многие говорили... Так можно было готовить для нас засаду, используя его как приманку. Ведь начальникам в крепости хорошо известно, что на семье Адода наша кровь...

— Я и сам думал об этом, — спокойно ответил Зелимхан, — но чем мы рискуем? Если солдаты нападут на нас, мы будем защищаться. Если солдаты покажутся без него, мы тихо уйдем. Но вернее всего, что они будут вместе с ним, тогда мы будем сражаться, и сын Адода будет убит этой рукой.

Сын Гушмазуко выполнял клятву, данную отцу, и, точно ища доказательства уверенности, прозвучавшей в его последних словах, взглянул на свою сильную руку.

Но вот на дороге показался человек. Зелимхан с братом застыли, устремив взоры на дорогу.

— Нет, это не он, — почти шепотом сказал Зелимхан и глубоко вздохнул.

Помахивая палкой, по дороге неторопливо прошел старик. Солтамурад узнал его. Это был тот самый мулла, который благословил его брак с Зезаг.

Из-за гор выглянуло солнце. Засветились яркими красками вершины Харачой-Лама. В роще громче запели птицы.

— Мулла, видно, пошел в Ведено, чтобы благословить какое-нибудь очередное злодеяние начальства, — отозвался Зелимхан, поглядев ему вслед.

— Может быть, — нехотя ответил Солтамурад, не испытывавший никакой вражды к этому человеку.

Прошло еще около часа, пока из-за поворота показался человек.

— Он... — прошептал Зелимхан, махнув рукой брату. — Идет один. Сиди спокойно.

Братьев охватило волнение. Особенно сильно волновался Солтамурад, которому казалось кошмарным сном все происходящее. Ведь с сыном Адода он дружил в детстве, играл с ним в альчики и прятки. Вспомнил Солтамурад, как однажды сын старшины вытащил его из проруби, куда он провалился, катаясь на санках. А теперь они враги, кому-то из них троих надо уйти из жизни. Странно, очень странно и страшно.

Зелимхан ждал, пока идущий подойдет поближе, пока не выйдет он вон из-за того камня.

А человек шел спокойно, изредка вглядываясь в примыкающий к дороге лес. В левой руке он нес черную папку, справа на боку из-под кобуры поблескивала рукоять револьвера, на поясе у него висел кинжал в позолоченных ножнах.

— Эй ты, сын Адода! — крикнул Зелимхан. — Защищайся! Пришел час, когда надо доказывать свою храбрость. Это говорю я, Зелимхан...

Идущий отпрянул назад и выхватил пистолет. Зелимхан быстро положил на землю винтовку и тоже вытащил револьвер, но держал его опущенным. Он медленно двинулся навстречу врагу.

— Стреляй первым! — крикнул он.

Грянул выстрел, и тут же за ним — второй. Сын Адода как-то неестественно подскочил и свалился на землю. Папка упала в нескольких шагах от него.

Зелимхан спрятал револьвер, вернулся за винтовкой и быстро спустился на дорогу. Вслед за ним шел и Солтамурад.

Юноша лежал неподвижно, раскинув ноги, обутые в изящные сафьяновые мяхси^[8], отороченные золотой нитью. Пуля разбила на его

груди газыри из слоновой кости и прошла навывлет.

«Из трех клятв, данных отцу, я выполнил две, — подумал Зелимхан. — Может быть, теперь установится мир между нами, вмешаются добрые люди и предложат нам всем покончить с кровными делами?.. Но есть еще Чернов. Где искать его?»

Абрек заглянул в лицо убитого, и вдруг его пронзила жалость. Ярко сияло солнце, зеленела трава, в которой, переливаясь яркими красками, покачивали головками первые весенние цветы. Вновь запели приумолкшие было птицы. Вся эта красота окружающей природы восставала против нелепости совершенного злодеяния. В душе грозного Зелимхана промелькнула тень сожаления, но было уже поздно.

Зелимхан взял папку убитого, положил ее рядом с телом и быстро начал читать над ним отходную молитву.

— Жалко его все-таки, — дрожащим голосом сказал Солтамурад.

Зелимхан молча взглянул на брата и сурово сдвинул брови.

— Конечно, жалко, — просто и серьезно ответил он. — Ведь человек же был.

Потом, как бы прогоняя временную душевную слабость, Зелимхан поднял голову и сказал:

— Идем быстрее.

Но едва братья сделали шаг по направлению к лесу, где стояли их стреноженные кони, как из кустарника, метрах в ста от них, раздался грозный окрик:

— Ни с места! Вы арестованы за совершение убийства.

Зелимхан мгновенно обернулся и взял винтовку наизготовку.

Солтамурад тоже поднял свое ружье. Но из кустов уже выезжали трое всадников — офицер и два солдата. Солдаты держали братьев на прицеле.

— Немедленно бросайте оружие и следуйте за нами, — распорядился офицер.

— Не трогайте нас, — спокойно сказал Зелимхан. — Мы сделали свое дело, и вас оно не касается.

— Я помощник пристава, и меня касается все! — крикнул офицер. — Ни шагу, или прикажу стрелять!

Зелимхан узнал в говорившем рыжего помощника пристава Чернова. Даже вспомнил, как этот человек увез однажды войлочные подстилки и медный кувшин у их соседа за неуплату налога.

— Ваши солдаты плохо стреляют, господин помощник пристава! — крикнул абрек. — И я буду вынужден застрелить вас.

— Огонь! — приказал рыжий офицер.

Грянули выстрелы. Одна пуля, ударившись о камень, разбила его, и осколок слегка царапнул лицо Солтамурада, который нагнулся.

Зелимхан даже не пошевелился, хотя вторая пуля прожужжала совсем близко от него. Младший брат поднял ружье, чтобы снять с коня помощника пристава, но старший остановил его.

— Сволочи! — выругался офицер. — Цельтесь лучше!.. — он выхватил револьвер.

Тогда только выстрелил Зелимхан. Помощник пристава откинулся в седле, и револьвер выпал из его рук. Конь его дико шарахнулся в сторону и, сбросив седока, понесся прочь. Солдаты тотчас повернули лошадей и ускакали.

— Солтамурад, ты ничего не видел, ничего не знаешь. Понял меня? — предупредил Зелимхан брата, когда они вошли в лес. А позже, уже подъезжая к Харачою, сокрушенно покачал головой и зло заметил:

— Действительно сволочи! Ведь и правда, они использовали этого юношу как обыкновенную приманку...

Июньская ночь была темна.

«Точно волки крадемся, — подумал Зелимхан. — И такая ночная волчья жизнь предстоит мне теперь до конца дней». Пробираясь к дому, братья старались держаться около плетня. Приоткрыв легкую калитку из прутьев, они пошли во двор. Кол, торчащий из покосившегося забора, был украшен конским черепом. Зелимхан заметил его, лишь когда почти ткнулся в него носом.

— Тьфу, шайтан тебя возьми! — тихо ругнулся он и зачем-то погладил череп рукой.

Братья бесшумно вошли в дом. Глаза Гушмазуко засияли от радости, когда он увидел сыновей. Но он даже не встал им навстречу, а встретил их по-мужски сдержанно, без лишних слов.

— Ну, рассказывайте, — просто сказал он, приглашая сыновей сесть возле него у камина.

Братья продолжали почтительно стоять у дверей.

Весть об убийстве сына старшины Адода и тяжелом ранении помощника пристава дошла до Харачоя еще днем. Ходили слухи, что и то и другое — дело рук сыновей Гушмазуко. Старик уже знал эту новость, поэтому Зелимхан коротко рассказал отцу, как было дело.

— Что ж, дети мои, — глухо заговорил Гушмазуко. — Теперь никто не посмеет упрекнуть нас в трусости, — старик встал и неторопливо прошелся по комнате. Как он ни ждал этой вести, все же где-то в глубине души Гушмазуко был против убийства в отношении к нему как к тяжелой необходимости, освященной многовековым обычаем. Помолчав, старик добавил: — Главное сделали. Ну, а с Черновым как-нибудь позже...

— И его найдем, отец, — бросил Зелимхан, — только вы, пожалуйста, успокойтесь.

Гушмазуко вздрогнул и остановился перед сыновьями:

— Нет, нет, торопиться не будем, но и не забудем ничего, — сказал он. — Только вот что, не сегодня — завтра к нам могут нагрянуть власти...

— Еще раньше придут от Адода Элсанова, — высказал предположение Зелимхан.

— Им-то можно прямо сказать, что дело это мы совершили по адату, и предложить им покончить дело миром. Хватит кровь лить.

— Они не согласятся, отец.

— Почему ты так думаешь?

— Адод злой человек, мстительный, а главное — богатый. Он не захочет считаться с нашей честью! Но для борьбы с ним у нас есть оружие. Главная опасность нас ждет все-таки от веденских властей.

Воцарилось молчание.

— Отец, хоть я и молодой, но разрешите мне сказать, — подал голос Солтамурад, до сих пор молча стоявший у дверей.

— Говори.

— Кровь сына старшины я возьму на себя, — предложил юноша. — Пускай судят меня, пусть сошлют в Сибирь...

— Какой ты быстрый, — перебил его отец, — тебя в Сибирь, а этот в бегах. Куда же мне податься? — старик осуждающе посмотрел на младшего сына. — Ты лучше слушай, что старшие тебе скажут! — отрезал он.

Солтамураду почудился в голосе отца невысказанный упрек. В самом деле, ведь вся эта история началась из-за его любви к Зезаг. Потому юноша был искренне готов идти на любые жертвы, только бы не путать других в это дело. Он даже скрыл, что похитители Зезаг ранили его в махкетинском лесу.

Зелимхан, словно поняв состояние брата, взглянул ему в глаза и мягко улыбнулся. Казалось, эта улыбка говорила: «Не волнуйся, все обойдется хорошо».

Гушмазуко о чем-то напряженно думал. Его мохнатые брови хмурились. Сыновья почтительно ждали его слов. Наконец он заговорил:

— Конечно, лучше всего было бы на этом кончить кровавые счета. Надо, чтобы веденские начальники поняли, что мы действовали справедливо. Семья Адода первой пролила кровь и нанесла нам тяжелое оскорбление. То, что мы сделали, определено нашим древним законом. Что касается помощника пристава, то он сам напал на вас... Пожалуй, я посоветуюсь по этому поводу с веденским кадием.

— Отец, все, что вы сегодня скажете кадию, завтра станет известно старшине, — с горькой улыбкой заметил Зелимхан. — Только в худшем для вас виде. Ведь вы же должны знать, что оба они — ягоды с одного куста — царские слуги.

— Что ты предлагаешь? — нахмурил брови отец.

— Вам, отец, и Солтамураду ничего не может грозить. В обоих случаях стрелял я. А я уйду в леса...

— Нет, — оборвал его Гушмазуко. — Все же я посоветуюсь с кадием. Он не позволит себе оглашать доверенное лично ему. Он в ответе перед аллахом.

Наивность старого Гушмазуко, надеявшегося, что веденское начальство признает справедливость действий его сына и откажется от преследования его, была очевидна для Зелимхана, но он не посмел возражать отцу.

* * *

Начальник Веденского округа, как мы знаем, имел свои счета с харачоевским абреком. (То, что он в свое время дал благословение Чернову, Дубов отнюдь не считал делом несправедливым!). Полковник не собирался оставлять Зелимхана в покое. Теперь, когда сын его для безопасности был отправлен в Грозный, он перешел к действиям, но действиям хитрым. Это он, Дубов, придумал коварную засаду для Зелимхана, зная, что сын Гушмазуко не удержится от искушения свести кровные счета с семьей Адода. При этом полковника не смущало, что он подводит под удар сына харачоевского старшины, который дал ему солидную взятку за то, чтобы он уничтожил весь род Бахоевых.

Зелимхана, к сожалению, захватить не удалось, но начальник округа все равно получил в свои руки важный козырь. Убив сына харачоевского старшины, Зелимхан, бесспорно, совершил тяжкое преступление, и у Дубова были сейчас вполне законные основания для самого безжалостного преследования его. Сопротивление, которое абрек оказал представителям закона, намеревавшимся арестовать его, еще усугубляло его вину.

Дубов давно принял решение, и теперь у него был веский повод. Узнав, что раненый помощник пристава скончался в лазарете, полковник вызвал к себе начальника крепостного гарнизона и приказал:

— С завтрашнего дня подготовьте солдат для воинского поста в ауле Харачой.

— Там же не у кого! Ведь в Харачое живет одна голытьба, — удивился начальник гарнизона.

— Пусть режут скот, пусть шкуру с людей снимут, а надо проучить этих дикарей. Понятно вам? — закричал Дубов.

— Понятно, господин полковник, есть снять шкуру с этих дикарей, — отчеканил начальник гарнизона.

На следующий же день Гушмазуко отправился к кадию. Несмотря на то, что нагрянувшие беды значительно расширили его кругозор и научили осторожности, он просто никак не связывал всего этого с религией. Кадий был в его глазах представителем высшей правды для мусульманина.

Оба-Хаджи встретил Гушмазуко довольно радушно.

— Да благословит всевышний ваш очаг и ваше спокойствие. Как поживаете? — приветствовал старый горец святого отца.

— Благодарим аллаха, жив и здоров. Как вы поживаете? — спросил в ответ кадий.

Дальше разговор вязался плохо. Гушмазуко не знал, с чего ему начать, а кадий ждал, что скажет ему посетитель.

— Как семья? Какие виды на урожай? — прервал наконец неловкое молчание кадий.

— Слава аллаху, всходы хороши. Если дожди будут, думаю, сумеем собрать кукурузу на прокорм семьи.

— Если ниспошлет аллах, — важно заметил кадий, молитвенно воздев очи.

— Вот с семьей у меня, кадий, большие неполадки...

— Да, да, знаю, очень нехорошо получилось, — перебил его Оба-Хаджи.

«Наверное, уже знает об убийстве сына старшины», — подумал старик и с минуту сидел молча.

— Вот я и пришел к вам за помощью, — сказал он наконец.

— Чем только могу... Все мы во власти аллаха, Гушмазуко.

— Знаю. Я доволен его волей, — начал старик, — но вот Элсановы силой забрали нашу невесту и первыми затеяли с нами ссору. Затем в драке убили нашего Ушурму. По их доносу всех нас пристав Чернов в тюрьму загнал... — Гушмазуко не смотрел на кадия.

— Все это я знаю, — махнул рукой Оба-Хаджи.

— Так вот... — старик помрачнел. — Еще двое из наших погибли в тюрьме...

— Царство им небесное, — спокойно проговорил кадий и, прошептав какую-то молитву, провозгласил: — Аминь!

— Аминь! — повторил за ним и Гушмазуко. — Да будет вами доволен аллах, — продолжал он. — Ну вот, от всех этих притеснений мой

старший сын Зелимхан встал на путь абрека, и для него, и для нас это несчастье... — Гушмазуко низко опустил голову. — Хотелось бы покончить дело миром... Надеемся на вашу священную помощь...

Об убийстве Зелимханом сына Адода старик смолчал.

— А я слышал, что Зелимхан убил помощника пристава, да говорят еще, что он же покончил и с сыном Адода, — хитро сощурился глаза, как бы между прочим, сказал кадий. — Это осложняет ваше положение.

— Почему? — выпрямился Гушмазуко. — Наших трое погибло, а их всего двое. Помощник же пристав, по нашим законам, — не в счет. Он же казенный человек.

— В том-то и грех. Самый большой грех! Главное дело — убийство помощника пристава, — сказал кадий, глядя в окно.

Наступило продолжительное молчание. Старику хотелось верить, что кадий поможет его семье. И все же ему казалось, что Оба-Хаджи что-то таит от него. Из головы не выходили слова сына: «Ведь они оба царские слуги».

— А что если Зелимхан явится с повинной к новому начальнику округа? — неожиданно произнес кадий, стараясь не смотреть на гостя. — Ведь все говорят, что господин Дубов хороший человек. Может, начальник помилует его и отпустит домой?

— Кого? — не понял Гушмазуко.

— Как кого? Зелимхана, конечно, — ответил кадий. Его пальцы, перебиравшие четки, замедлили свои движения. Он повернулся к старику.

Что-то в тоне святого отца насторожило Гушмазуко. Подумав немного, он спросил:

Ну, а вы, кадий, можете ручаться за это?

— За что?

— Что Зелимхана отпустят домой.

— Я только совет даю и призываю всевышнего к справедливости, — ответил Оба-Хаджи.

— Ваш совет — голос божий, кадий, — с чувством произнес Гушмазуко. — Мой сын убил царского чиновника, который приносил людям горе и беды.

— Но сын твой мог и не убивать его...

Кровь отхлынула от лица старика, но он сдержался.

— Если бы вы и другие уважаемые люди нашего народа защитили бедных, — сказал он спокойно, хотя в душе его закипал гнев.

— Терпение, Гушмазуко, терпение. Аллах всегда на стороне кротких...

— Сколько же можно терпеть?

— Столько, сколько аллах велел... Ведь всякая власть от бога, Гушмазуко, это надо помнить, — кадий молитвенно сложил ладони и с благочестивым умилением уставился в потолок.

Гордый и справедливый характер Гушмазуко и строгое соблюдение им горского этикета и закона предков снискали ему уважение многих людей. Суровый старик не терпел лжи, от кого бы она ни исходила.

— Но разве бог не велит, чтобы с людьми обходились по-божески? — спросил он вдруг у кадия.

— Да, но бог не дал всем одинаковых благ на земле, — возразил святоша уже с некоторым раздражением.

— Выходит, слабых можно обижать?..

— Ну, раз вы так много знаете, — перебил его кадий, — обходитесь и в этом деле без меня.

Гушмазуко удивленно воззрился на кадия, словно собираясь сказать: «Вот, оказывается, ты какой!»

— Ну чего, скажите, добились вы, убив двух человек? Ради чего пролили кровь невинных людей? — возгласил кадий.

«Невинных людей?» — возмутился Гушмазуко, но спорить не стал. И опять он вспомнил предостережения сына и понял бессмысленность своего прихода в дом кадия.

В этот момент со двора донесся топот копыт и голоса. А вскоре в комнату вошел пристав Бек Сараев.

— Да будет добрым ваш вечер, отец наш, — поздоровался пристав с кадием. — Как поживаете, как здоровье?

— Здравствуйте, господин пристав, слава аллаху, живем по его воле. Какими судьбами вы к нам?

— Да вот все дела да дела у меня в Хараное. Хотел посоветоваться с вами... А-а, у вас, оказывается, гость, — сказал пристав, только сейчас заметивший Гушмазуко. — Я, кажется, где-то встречался с вами, — он всматривался в лицо старика, прикидываясь, что не знает его.

— Да, да, господин пристав, конечно, вы его видели. Это же известный Гушмазуко, отец Зелимхана, — вмешался кадий.

— Ах, вот как! — еще более оживился пристав. — Здравствуйте, будем знакомы. Что у вас нового?

— Здравствуйте, — сухо ответил Гушмазуко, — живем вашей добротой.

Сараев косо посмотрел на старика, но ничего не сказал. С минуту все трое молчали.

— Кадий, — нарушил тишину Гушмазуко, — я, кажется, порядком засиделся. Извините, что побеспокоил вас...

— Ничего, Гушмазуко, аллах нам все простит...

— Значит, больше ничем не можете мне помочь? — спросил старик, вставая.

— Выходит, нет, — развел руками кадий.

— Вы о чем это? — повернулся пристав к Оба-Хаджи. — Может, я вам помешал?

— О нет, что вы! Тут Гушмазуко советовался по своему делу.

— Ну что ж, это очень хорошо. Кадия слышит аллах, кадий плохо не посоветует, — пристав внушительно глянул на старика, а затем повернулся к кадию, словно ожидая, что тот скажет свое слово.

Гушмазуко стоял, сгорбившись, понуро опустив голову, и упорно молчал. Вид у него был настороженный.

— Да вот я советую ему, а он не слушается...

— Какой же совет вы ему даете? — поинтересовался пристав с добродушной улыбкой.

— Чтобы Зелимхан явился к полковнику Дубову с повинной.

— Извините, кадий, но я спросил у вас, можете ли вы после этого обещать, что мой сын будет свободен. Вы мне не ответили, — старик направился к выходу.

Оба-Хаджи с приставом переглянулись.

— А почему бы нет? Полковник может помиловать его. Ведь наш новый начальник хороший человек, — промолвил Бек Сараев.

Гушмазуко заметил, как пристав подмигнул кадию, и содрогнулся от возмущения.

— Зелимхан не придет с покаянием, — сказал он тихо, но твердо. — Прощайте, кадий, и вы, господин пристав.

— Прощай, Гушмазуко.

— Что за люди? На что они надеются? — развел руками Бек Сараев, когда старик закрыл за собой дверь.

Кадий и пристав долго еще говорили об упрямстве «дикарей» и с аппетитом поедали кур, приготовленных по-чеченски. Хозяйка кадия старательно тушила их в молоке, обильно приправив репчатым луком, душистой богородской травой и черным перцем.

Старый Гушмазуко в эту ночь встретился с Зелимханом, скрывавшимся в лесу у Харачоя, и сказал ему:

— Сын мой, делай то, что подсказывает тебе твое сердце.

Рано утром, когда харачоевцы собирались на полевые работы, их неожиданно собрали на площади, где уже стоял взвод солдат. Люди шли в одиночку и толпами, приглушенным говором заполняя тесную площадку перед старинной мечетью аула. Время тянулось медленно для притихших в ожидании собравшихся. И вдруг тишину нарушила тревожная дробь военного барабана. Она продолжалась несколько минут, то ослабевая, то усиливаясь. Ряды солдат в тяжелых сапогах, сверкая на солнце стальными штыками, застыли, словно в ожидании какого-то приказа.

Убедившись, что барабанный бой ошеломил харачоевцев, офицер поднял руку и замер, скосив глаза на дом старшины. Когда оттуда вышел полковник, прозвучала команда:

— Смирно! Равнение направо!

Дубов, небрежно махнув рукой, крикнул:

— Вольно!

Вслед за полковником из дома вышли важные люди: начальник веденского гарнизона, Оба-Хаджи и Адод Элсанов. Старшина, здороваясь с офицерами, приветствовал их улыбкой как давних друзей, хотя иных из них видел сегодня впервые. Кадий здоровался сдержанно, коротким поклоном, подчеркивая этим свою близость к аллаху и бесконечное расстояние, отделяющее его от людей мирских.

Гушмазуко стоял молча позади толпы, среди крестьян, довольный тем, что нет сегодня в ауле Зелимхана. Неожиданно старик протиснулся вперед и, смущенно улыбаясь, попытался разговориться с молодым офицером.

— Господин офицер, теперь зачем ваш пришел к нам? — спросил он на ломаном русском языке.

— Я не знаю. А вам зачем это? — ответил молодой человек, не глядя в его сторону.

— А я знал вас. Вы нас тюрьма вели.

Поручик Грибов обернулся к старику и, пытаясь что-то вспомнить, спросил:

— Узнал, говоришь?

— Да, вы хорош человек, — сказал Гушмазуко, широко улыбнувшись.

В этот момент, волоча длинные ноги, рядом с ними появился Одноглазый, которому до всего было дело. Он кружил здесь в своей неизменной рыжей папахе, вроде и сам не зная для чего, щурил на солнце охмелевший единственный глаз и глупо улыбался, всячески стараясь привлечь к себе внимание начальства.

— Смотри-ка, наш Гушмазуко знакомого нашел, — заметил Одноглазый, заискивающе глядя на поручика.

— Уходи отсюда, подонок, — сквозь зубы процедил поручик.

Гушмазуко с немым укором посмотрел на Одноглазого и, сплюнув в его сторону, прекратил разговор.

Так никто и не сказал старику, зачем пришли в аул солдаты, но сердце его щемило от тяжелых предчувствий. Он оглянулся на своих соседей, стоявших молча, и ему показалось, что и в их сердцах, поселилась тревога; их взоры полны были тем же мучительным беспокойством и страхом, что и у него.

Да, сегодня многие харачоевцы были угрюмы. Но держались они с достоинством.

Полковник со своей свитой подошел к толпе, оглядел ее высокомерно и начал громко, угрожающе:

— Люди Харачоя! Я собрал вас сегодня для последнего предупреждения. Некоторые жители вашего аула — преступники и разбойники! Они совершают грабежи и насилия, лишают покоя мирных граждан края. Из-за них с сегодняшнего дня я вынужден держать здесь воинское подразделение. И если вы не будете оказывать активную помощь нашим солдатам в борьбе с абреками, я вынужден буду принять еще более жестокие меры против вас.

В ответ раздались покашливания, недовольные голоса. Гушмазуко вздрогнул. Он узнал голос Зелимхана и обернулся. Сын стоял в задних рядах, одетый в латаный крестьянский бешмет, в надвинутой на лоб папахе черного каракуля. Гушмазуко поймал на себе быстрый взгляд Зелимхана, казалось, предупреждающий его: «Молчи, не будь безрассудным, ничего не говори и не поднимай руку. Пусть говорит полковник. Пока это — его час».

Старый Гушмазуко ждал, что сейчас выйдет из толпы кто-нибудь из уважаемых аульчан и выкрикнет проклятие тому, кто собрался карать невинных женщин и детей. Но этого не произошло. Люди молчали. Вдруг кто-то из стариков нерешительно произнес:

— Мы слабые, беззащитные люди, повинuemся вашей воле...

Быть может, многие думали иначе, но и те кивали молча головами.

Гушмазуко, забыв осторожность, уже хотел было высказать свое возмущение таким оборотом дела, но какой-то молодой чеченец, стоявший позади него, дернул его за рукав и тихо зашептал:

— Старик, не сходи с ума! Нас всех из-за тебя могут перебить.

— ...Вы думаете, что я намерен и дальше терпеть ваши преступления! — прохаживаясь вдоль толпы, продолжал между тем полковник. — Любого, кто посмеет ослушаться воли старшины, я в бараний рог скручу!

Гушмазуко еще раз огляделся вокруг. Люди на площади смиренно склонили головы. Забыты были и гордость и честь горцев...

«Отцы и деды их, чтобы сохранить свое достоинство, отвергли даже посланника самого аллаха — имама Шамиля, — подумал Гушмазуко, — неужели никто не заткнет землей рот этому жестокому прислужнику белого царя? Что же тут происходит? Куда девалось чеченское мужество?..»

— Вы еще и не то увидите, — сказал ему тот же юноша, заметив недоумевающий взгляд Гушмазуко.

Старик не ответил ему. Только еще раз зло взгляделся в окружающие его лица, надеясь заметить хотя бы раненую гордость во взглядах своих односельчан. Но они стояли по-прежнему с опущенными головами, избегая смотреть друг другу в глаза.

— Эти солдаты будут жить у вас, — раздавался над площадью голос Дубова. — И вы обязаны уступить им лучшие комнаты, класть их в чистые постели, резать для них кур, баранов и другой скот... Вы будете исполнять все их желания, а им я даю право делать с вами все, что им вздумается...

Вдруг в первом ряду толпы, словно из-под земли, возник Зелимхан. Даже отец не сразу понял, что это он. Люди оцепенели. Всеми сразу овладело предчувствие, что сейчас произойдет что-то, невероятное.

Зелимхан остановился перед онемевшим полковником, будто собираясь сообщить ему важную весть.

«Вы будете исполнять все их желания... Резать для них кур, баранов и другой скот...» — все еще звучали в ушах у всех последние слова полковника, когда Зелимхан поднял сверкнувший на солнце револьвер.

Раздался выстрел...

Голова полковника внезапно упала на грудь, из раны на лбу хлестнула кровь. Несколько мгновений он еще стоял перед замершей толпой, потом медленно осел на землю, цепляясь руками за плечи адъютанта и подскочившего старшины.

Зелимхан исчез так же внезапно, как и появился. И только тогда солдаты пришли в себя, зашумели и, взяв винтовки наперевес, стали теснить толпу.

Но тут произошло нечто совсем дикое. Вместо того чтобы кинуться вслед за убийцей и попытаться схватить его, начальник веденского гарнизона, прибывший вместе с Дубовым, набросился на старшину с грубой бранью.

— Что стоишь, болван! — орал он. — Прикажи им немедленно поймать этого подлеца! — и тыкал плетью в сторону крестьян.

Адод стоял перед офицерами растерянный и глупо моргал редкими ресницами. Потом, словно очнувшись от оцепенения, он округлил глаза и яростно закричал на толпу:

— Держите его! Если он уйдет, вам не будет пощады!

Толпа загалдела, задвигалась, но солдаты держали крестьян в плотном кольце.

Воспользовавшись суматохой, вслед за Зелимханом покинули Харачой все его родственники во главе с Гушмазуко. Бици и Зезаг с детьми, спустившись вдоль реки Хулхулау, тоже скрылись в Дышни-Веденском лесу.

Оставив в Харачое взвод солдат под командой поручика Грибова, начальник веденского гарнизона забрал с собой труп полковника Дубова и вернулся в крепость. На следующий день в аул прибыл пристав — капитан Бек Сараев. Он клятвенно заверил начальника Терской области, что живым или мертвым добудет этого «важного государственного преступника Зелимхана».

Для поимки харачоевского абрека был сформирован специальный отряд из солдат и нескольких добровольцев, в основном из богатых чеченских семей. Этот отряд некоторое время буквально свирепствовал в долине реки Хулхулау.

Ворвавшись в Харачой, всадники прежде всего подожгли дома родственников Зелимхана. Особенно усердствовали при этом Адод Элсанов и сын махкетинского старшины Успа. В гудении пламени, грохоте падающих балок, блеянии овец и причитании женщин без конца можно было слышать свирепые приказания:

— Арестовать!..

— Сжечь дом!..

— Имущество и скот отправить в Ведено!..

— Надо бы поосторожнее, господин капитан, так ведь могут пострадать совсем невинные люди, никакого отношения не имеющие к Зелимхану, — пытался урезонить пристава поручик Грибов.

— Эх! Мало, видно, вам досталось, господин поручик, от полковника Дубова, царствие ему небесное! — осклабился Бек Сараев. — Прав был покойник: учить вас солдатской службе на Кавказе нужно!

— Извините, господин капитан, но я просто хотел обратить ваше внимание на то, что карательные операции такого масштаба можно проводить лишь с согласия наместника или начальника области.

— Согласие? Оно у меня есть. Но не стану же я беспокоить генерала, спрашивая разрешения поджечь тот или иной дом!

— Все же полагаю, что мы должны уважать законы!

— Не ваше дело учить меня! — взревел пристав. — Идите лучше помогите старшине Адоду, — и лицо его исказилось от злобы.

Грибов ушел, а Сараев в сопровождении своих головорезов продолжал обыскивать крестьянские дома, хотя и без того было ясно, что Зелимхана там нет. Выглядело это так: каратели, как звери, врываются в

дом, выгоняли из него, словно овец, стариков, женщин, больных — всех, кто там находился, и начинался обыкновенный грабеж.

— Эх! Право, жалко, что Зелимхан вместо полковника Дубова не прикончил этого разбойника Сараева, — вполголоса переговаривались крестьяне.

Покончив с харачоевцами, Бек Сараев со своим отрядом направился в окрестные хутора, и оттуда еще несколько дней слышалась ружейная трескотня и вопли людей.

— Скрылся, подлец! Но ничего, все равно найдем этого труса, — досадливо говорил Адод Элсанов, обращаясь к Успе.

— Никуда теперь Зелимхан от нас не денется. Конечно, найдем, — уверял его тот.

Не обнаружив след абрека и на хуторах, Сараев взялся за местные леса. Однако глубоко в чащу он проникать не решался, ведя поиски в основном вдоль дорог. Так каратели набрели на дом лесничего.

Пожилой лесничий был человеком вполне лояльным по отношению к властям и строго следил за тем, чтобы во вверенных ему лесах неукоснительно выполнялись все, даже несправедливые запреты, изданные начальством. Живя в глуши, он тем не менее слышал кое-что о подвигах знаменитого харачоевского абрека и сейчас в разговоре с приставом вспомнил даже, что один раз разговаривал с человеком, назвавшимся Зелимханом. Видел ли он его с тех пор? Нет, ни разу. Но совсем недавно ему повстречались в лесу две женщины, нагруженные скарбом, в сопровождении детей.

Отправив нескольких солдат в том направлении, куда, по словам лесничего, пошли женщины, Бек Сараев вошел в дом. Там хлопотала по хозяйству молодая красивая девушка — дочь лесника. Перепуганная неожиданным нашествием солдатни, она робко предложила приставу присесть, а сама скромно направилась к выходу. Но на Сараева, и без того пьяного, встреча с девушкой подействовала как последняя, уже лишняя чарка. Пристав стал удерживать скромницу, попытался поговорить с ней, глядя своими похотливыми, красными от вина глазами в ее перепуганные, большие и черные. Та на вопросы его отвечала сухо, стараясь держаться подальше от непрошеного гостя. Но Бек Сараев неожиданно схватил ее за руку и резко притянул к себе. Ударив пьяного насильника по лицу, девушка толкнула его в грудь и стремглав выбежала из дому.

Оскорбленный ее дерзостью, пристав бросился за ней. Отец схватил топор и встал на защиту дочери, но Сараев тут же пристрелил его.

— Этот человек признался, что разговаривал с Зелимханом. Он его важный сообщник! — заявил он солдатам, пряча в кобуру дымящийся револьвер.

В это время где-то в горах прокатился гром, слабо сверкнула молния, резкий порыв ветра пробежал по верхушкам деревьев. Собиралась гроза, и сараевцы уехали, оставив плачущую девушку у тела убитого отца.

* * *

После бесчинств карателей Харачой остался почти без мужчин. Улицы аула будто вымерли. Лишь изредка по пустынному переулку проковыляет дряхлый старик, промелькнет тенью женщина да пробежит, высунув язык, голодная собака.

Узнав о беде аула, Зелимхан ходил, как больной. Обидно было за людей, подвергшихся преследованиям лишь за то, что они в душе сочувствуют ему или состоят с ним в дальнем родстве. Но пострадали и те, кто вообще не имел к нему отношения. Зелимхан даже решил было отдаться в руки властям, чтобы прекратить эти издевательства над мирными людьми, но, вспомнив печальный опыт предшественников, понял, что так не поправить ничего...

Возвратившись в крепость, Бек Сараев составил на имя начальника Терской области донесение о происшедших в округе событиях, украсив свое писание кичливым бахвальством; он, мол, собственной рукой убил главного сподвижника разбойника Зелимхана Гушмазукаева, а многих взял под стражу. Свое донесение пристав отправил с нарочным во Владикавказ.

Арестованные Сараевым харачоевские старики, женщины и дети из-за нехватки мест в крепостной тюрьме содержались в конюшне. Тяжелый, сырой воздух и грязь делали жизнь этих людей невыносимой. Матери просили воды хотя бы для детей, но в ответ раздавались лишь угрозы и ругань.

В этих условиях люди находились до прибытия в Ведено нового начальника округа — полковника Гулаева Тархана Тудоевича. Объявив себя «народолюбцем», Гулаев освободил узников. Истощенные голодом старики, больные женщины и дети вернулись в разоренный аул лишь через месяц.

Вскоре после этого в Харачое появились и многие беженцы, в том числе и родственники Бахоевых. Пристав распорядился было арестовать их, но полковник Гулаев сказал:

— Оставьте их в покое, ведь это же приманка для Зелимхана.

— Это мудро! Очень мудро, ваше высокоблагородие, — сказал Сараев, хитро глядя в глаза своему новому начальнику.

— То-то, — ответил полковник, — век учись и все же дураком помрешь!

Гулаев встал, прошелся по кабинету, открыл окно и вновь вернулся на свое место. Бек Сараев, довольный взаимопониманием, установившимся с начальством, следил за каждым движением Гулаева.

— Что-нибудь еще есть? — спросил полковник.

— Есть, Тархан Тудоевич, — с готовностью отвечал пристав. — Наш лазутчик сообщает, что сегодня ночью Зелимхан появлялся в ауле Харачой и расспрашивал, где в крепости Ведено вы разместились.

— Зачем же это ему понадобился мой адрес? — иронически осведомился начальник округа.

— Заявил, что хочет написать вам письмо. Но я так думаю: не замыслил ли он против вас какое-нибудь злодейство?

Гулаев пожал плечами.

— Ладно, — сказал он, — главное, пусть Зелимхан думает, что мы им мало интересуемся. И никого из Бахоевых ни в коем случае не трогайте. Даже относитесь к ним подчеркнуто дружелюбно. Понятно?

— Понятно, ваше высокоблагородие.

Изучая обстановку, полковник выслушивал всех, но сам говорил мало, больше доносил начальнику области, рисуя всех веденцев подлецами и разбойниками.

Узнав о миролюбивых действиях Гулаева, Зелимхан пытался уговорить отца и брата вернуться в аул. Посылал он людей и к начальнику округа, чтобы они объяснили ему, что ни Гушмазуко, ни Солтамурад не принимали никакого участия в его преступлениях. Что же касается его самого, то он твердо знал: для него надолго разрушен мост к родному аулу и очагу.

Гушмазуко с Солтамурадом, тремя женщинами и детьми вернулись в родной аул. Харачой лежал среди гор, казалось, забытый богом. После захода солнца, когда на аул опускалась ночь, наступала такая тишина, что с другого конца долины за многие километры слышен был лай из соседнего аула и печальное уханье сов в буковых рощах. И все же все эти годы харачоевцы жили в постоянной тревоге. Непосильные налоги и частые аресты издегали всех. Стихийные сходки, возникавшие по пятницам на площади перед мечетью, бывали порою шумными, но люди расходились, как правило, ничего не придумав. За последнее время харачоевцы научились молчать, убедившись, что шумные разговоры часто приводят к беде.

Гнев Гушмазуко на односельчан немного поутих. Да и за что ему осуждать их? Всевластие начальства обрекло их на безволие. Трусость людей, которые, по сути, ничего не могли решать, была обратной стороной подлости тех, кто все мог потому, что торговал не только совестью, но телами своих дочерей, даже жен.

В далекой юности Гушмазуко знал Харачой, насколько он помнил, совсем другим: иными были люди, иными и сходки. Конечно, и тогда были подлецы, вроде старшины Адода, и трусливые веденские купцы, заигрывающие с крепостным начальством. Но тогда они бы и рта не посмели раскрыть. А вот теперь возглавляли всякое обсуждение одни они, собственно, и говорили, и решали, и калечили людей, лишая их последнего мужества.

В былые времена на сходе общины можно было услышать мудрый спор или притчу. Теперь у харачоевцев остались лишь похожие на скелеты тела, а души их мертвы и проданы страху. И потому нынешние сходки в Харачое — безвольная толпа, выслушивающая все очередные приказы пристава, оглашаемые его верным слугой — старшиной, и не способная возразить ничему.

С этими мыслями старик сидел подле сарая и ладил соху для завтрашней пахоты. А неподалеку от него Солтамурад чинил дышло для упряжки быков. За этим занятием застал их Зелимхан, незаметно пробравшийся в сад родного дома.

«Они не знают еще о грозящей беде, — подумал абрек, издали наблюдая этих бесконечно близких ему людей, — хлопчут себе спокойно

и не помышляют, что не сегодня — завтра возьмут их да отправят в Сибирь только за то, что никто до сих пор не выдал меня... Что сказать им? Что предложить? Пойти к начальнику округа и просить о пощаде? Но ведь не станет же полковник слушать отца абрека или его брата, не тронут его их слезы. Да и старик не пойдет к нему, нет! Он скорее в Сибирь пойдет, а унижаться перед царскими чиновниками не будет... Пойду-ка я к начальнику сам, — продолжал размышлять Зелимхан, — может, договорюсь с ним... А если нет? Пусть пеняет тогда на себя и не ждет от меня пощады».

Но напрасно думал Зелимхан, что Гушмазуко не ведает о планах генерала Михеева. До старика уже дошла весть о намерении начальника Терской области переселить близкие абреку семьи харачоевцев в холодные края России, обрекая их на вымирание. Потому и сидел Гушмазуко такой мрачный, а в его окруженных морщинами глазах таилась печаль. И он, Гушмазуко, с суровым одобрением встречавший до сих пор смелые, но справедливые действия старшего сына, заслышав о Сибири, впервые подумал: «Может быть, предложить Зелимхану сдаться властям, чтобы из-за него не лились слезы невинных людей?».

Гушмазуко прекрасно понимал, что их вернули в аул лишь как приманку для Зелимхана. Понимая это, старик всегда держал ухо востро, все помыслы его были направлены на одно: как выйти победителем в этом поединке хитрости и ловкости, какими путями перехитрить старшину Адода и полковника? Но теперь, как никогда, становилось ясно, что самая серьезная опасность нависла не только над Зелимханом и его семьей.

На ум старику приходило лишь одно: уехать подальше отсюда, в Иран или Турцию. Об этом он и сказал старшему сыну.

— В Турцию? — удивился Зелимхан. — Расстаться с родиной? Ни за что!

— Ну а что же делать? Другого выхода ведь нет, — сказал отец, и в его голосе прозвучала растерянность. — Из-за нас терзают весь аул. Собираются кое-кого из близких нам, а вас тем более сослать в Сибирь.

«Он и об этом знает», — подумал Зелимхан, а вслух сказал:

— Не знаю, как и быть. Я готов уйти хоть на край света, лишь бы из-за меня людям не чинили беды... И если бы я не боялся бога... — он не договорил.

— И что бы ты сделал тогда? — спросил отец.

— Я покончил бы с собой.

— Как тебе не стыдно? — грозно крикнул Гушмазуко — Это не похоже на тебя. Не этому учил меня, а потом тебя Бахо. Помнишь, он говорил: «Нельзя покорно сдаваться злым людям. Настоящий мужчина убивает того, кто мешает людям жить».

— Довольно убивать, Гуша, довольно! — вырвалось у Зелимхана, и в голосе его прозвучала нотка отвращения.

— погоди, — остановил его Гушмазуко, — дай досказать.

Временами Зелимханом овладевало чувство такого беспросветного мрака, что он оказывался недоступен для какого-либо здравого суждения, а потому Гушмазуко, всматриваясь в лицо сына, некоторое время сидел, не произнося ни звука.

Молчал и Солтамурад, но переживал он больше всех.

— В Турцию нужно уехать только на время, — нарушил наконец тишину старик, переводя взгляд с одного сына на другого. Оба сидели, опустив глаза и сжав губы. — Только на время, пока здесь нас не забудут. А там можно и вернуться...

— Если на время, то лучше уж поеду я один, — произнес Зелимхан. — Не будет меня, перестанут тревожить вас.

— Возможно, — задумался старик, — но и одному тебе для такой поездки нужны деньги...

— Деньги?

— Да, деньги, Зелимхан. Турция — чужая страна, там нас никто не ждет. Нужны деньги.

— Проклятые деньги... Где же их взять? — спросил Зелимхан, ни к кому не обращаясь.

— У богатых, — ответил отец. — Надо взять в плен богатого человека и получить за него выкуп.

— А где такой богатый, который готов открыть нам свои сундуки?

— Есть за Терекон овцевод Месяцев. Говорят, у него сундуки ломятся от золота.

— Кто это говорит?

— Наши овцеводы знают...

— Идти за Терек — дело нелегкое. Нужны верные люди, — хмуро отозвался Зелимхан.

— А я? А Солтамурад? — гордо поднял голову Гушмазуко и с вызовом посмотрел на сына.

— Двое-трое — это мало, — задумчиво произнес Зелимхан и добавил: — Притом, отец, я не хочу путать вас в эту историю.

— В какую историю?

— Да вообще в эти дела. Пора бы вам сидеть дома и молиться богу...
Гушмазуко вскочил, полный ярости.

— Молчать! — крикнул он на сына и оглядел стены комнаты, как бы призывая их в свидетели нанесенной ему обиды. Потом, повернувшись к Зелимхану, грозно добавил: — С каких это пор щенята смеют учить волка?

Вот так же вчера старик столкнулся и с Солтамурадом. Тот почувствовал себя в положении провинившегося мальчика, которому жестоко досталось от взрослых.

Зелимхан молчал, не смея возразить отцу, переживавшему жестокую обиду. Так оно и шло вот уже много лет: вспыльчивый старик требовал немедленной расправы с каждым, кто смел поднять палец против членов его семьи. Наедине со своими мыслями, в спокойную минуту, он искал выхода, думал о том, как вырваться из кровавой распри, но каждая новая обида вызывала у него неудержимый гнев, он взывал к чести Зелимхана, и тот, полный рыцарских представлений своих гордых предков, шел на очередной жестокий подвиг.

Не взглянув на сыновей, Гушмазуко молча вышел из комнаты и ушел в сад.

— Видишь, какой он у нас, — сказал Солтамурад, обращаясь к брату, — вот и вчера так было... Желая уберечь его, говорю, чтобы все скандалы он оставил нам, а он так рассвирепел, что чуть не побил меня.

— Ничего, успокоится, — ответил Зелимхан. — Ведь это понятно, он — глава семьи.

Вошла Бици. Из медного кувшина она налила в чугунный кумган воды и поставила его на печку, затем подхватила с пола большое деревянное блюдо с мукой и вынесла его в другую комнату. Вскоре она вернулась, взяла большой кусок жесткой копченой баранины, растянутый на палках и подвешенный к потолку над печкой, бросила его целиком в котел и, долив воды, поставила котел на плиту. Она только что пришла от своих родителей, где ей пришлось выслушать много советов и упреков. Все, что говорили ей там, было правдой: да, ей тяжело, путь, на который встал Зелимхан, не сулит ничего хорошего; да, он несет ей и семье только разорение и смерть. Ей нет еще и тридцати лет, а она уже выглядит старухой — поседела, на лбу и под глазами пролегли морщины. Она вконец извелась в этих мытарствах, больна, часто хватается за сердце, покашливает. Но ей некогда думать о своем сердце. В нем единственная цель — обеспечить, насколько это возможно, покой и уют для Зелимхана. И она умудрялась добиваться этого своим невозмутимым спокойствием,

способностью ни словом не обмолвиться о невосполнимых нуждах семьи. И, может быть, только эта сосредоточенная твердость Бици, ее неизменная вера в то, что ее муж еще вернется к мирной жизни, облегчали тягостное настроение Зелимхана.

— Зачем ушел Гуша? — спросила она. — Я ведь готовлю вкусный ужин для вас.

— Ты ведь знаешь его, — отозвался Солтамурад. — Если он рассердится, разве удержишь его?

— Вам не следовало бы перечить ему, — мягко сказала Бици, обращаясь больше к Зелимхану. — Он же ведь ваш отец.

Зелимхан не ответил, но подумал: «Вот именно. Стараясь не возражать ему, я делаю немало такого, что не следовало бы...»

Утро. На вершине Харачоевской горы, будто упирающейся в голубой свод небес, появились облака, постепенно светлея и обретая форму легчайших клубов пара. По местному поверью, это означает, что день будет хорошим, ясным. Он будет согрет нежным прикосновением солнечных лучей и напоен благоуханием горного воздуха. Но погода уже мало интересует харачоевцев, для них давно нет и не может быть ясного дня. Долина реки Хулхулау, некогда покрытая зелеными рощами, богатыми фруктовыми садами, застроенная каменными домами с плоскими крышами, теперь оскудела, словно после вражеского нашествия. И без того постоянно, веками раздираемая жестокими распрями аульчан из-за каждого клочка пахотной земли или из-за красивых невест, она изо дня в день подвергалась теперь надругательствам бездушных чиновников и солдатни, зачистивших сюда из-за абрека Зелимхана Гушмазукаева, хотя он — виновник всех этих бед — давно уже здесь и не живет.

Полковник Гулаев и специальный следователь производили дознания, составляли срочные донесения начальнику Терской области генералу Михееву. Обстоятельствами убийства полковника Дубова интересовался в Тифлисе сам наместник Кавказа. Интересовались этим дерзким делом и в Петербурге.

Одно предписание следовало за другим. Все они сводились к самому категорическому: «Изловить важного государственного преступника — Зелимхана Гушмазукаева и доложить об исполнении».

Полковник Гулаев, сам выходец из горцев, хорошо зная нравы и обычаи горцев, говорил хрипловато-гортанным басом:

— Зелимхан не мог уйти далеко. Он здесь.

— Где же, ваше высокоблагородие, вы считаете вероятнее всего найти этого разбойника? — допытывался уже известный нам командир карательного отряда по борьбе с Зелимханом капитан Бек Сараев. — Ведь вы, Тархан Тудоевич, великий знаток психологии этих людей!

— Вот здесь, у своих, надобно искать его, — ударял Гулаев тяжелым кулаком по карте в том месте, где берет начало Хулхулау. Удар этот ко всему должен был означать еще и твердость характера начальника Веденского округа.

И «важного государственного преступника» искали все в тех же мирных домах крестьян Харачоя и окрестных аулах. Применялись и психологические методы. Бек Сараев слал письма к Зелимхану, называя его трусом и подлецом. Звал абрека на поединок, задевая мужское самолюбие храброго харачоевца, однако сам на такой поединок не являлся, посылал вместо этого отряд солдат. Всему предпочитая самолично обследовать сельские базары, он обыскивал беззащитных женщин и убивал мирных крестьян за малейшее сопротивление. А чиновники крепости, пуще огня опасаясь встречи с абреком, во всем обвиняли харачоевцев. Именно здесь в потемках харачоевских лесов, чудился им обезглавленный труп «героического» пристава, павшего от острого кинжала Зелимхана.

Втайне вынашивая план переселения в Сибирь родных и близких Зелимхана, начальник округа приказал держать под неусыпным наблюдением всех харачоевцев, мало-мальски подозрительных по возможным связям с неуловимым абреком.

Беку Сараеву и его ищейкам снова нашлось много работы: сутками, не зная устали, разъезжали они по Харачою и окрестным селам, по любому неосторожному слову бросались искать след человека, который все больше обретал облик народного героя в устах местных крестьян.

Зелимхан по примеру своих предшественников — знаменитейших абреков Бей-Булата и Астемира — знал, что его будут искать в домах близких ему односельчан. А потому, чтобы не причинять людям неприятностей, он ушел далеко в горы. Здесь, в горах, в маленькой халупе пастуха Зоки абрек нашел надежный приют. Пастухи радушно встретили Зелимхана, тронутые его смелостью, называли его «своим заступником» и готовы были делиться с ним всем, что имеют сами.

Зелимхан запросто сживал у пастушеского костра, пристально всматриваясь в своих новых друзей, внимательно выслушивая их рассказы, благодарил их за гостеприимство и они гордились его уважением. Много ли надо горцу-пастуху, чтобы покорить его душу — просто дать почувствовать, что в нем видят человека.

Время от времени кто-нибудь из пастухов брал в руки дечиг-пондар^[9] и пел о трагедии юноши, восставшего против власть имущих из-за любви к свободе.

Бурей этого несправедливого века
Отравленные — мы поднялись,

И светлая дума и нас, не желая сдаваться,
Восстала против тюрем и цепей...

Пастухи пели Зелимхану песни и спрашивали его:

— А скоро ли придет такое время, Зелимхан, что и мы будем свободны?

— Придет! — уверял их абрек. — Обязательно придет такое время. Но для этого надо одного за другим убирать чиновников царя.

— Эх, Зелимхан, уже много раз люди пробовали так делать! — вздохнул старый пастух. — Одного убьешь, а царь находит другого, и злее, и хитрее первого.

— Надо убивать особенно вредных, — важно пояснил Зелимхан.

— А белый царь найдет еще вреднее.

— Все не захотят умирать, — сказал абрек и вдруг вспомнил свои давние споры в тюрьме с двумя русскими революционерами. Ведь он произнес тогда именно эту фразу. Зелимхану почему-то стало грустно, и он запел свою песню:

Холодна ты, о смерть, даже смерть храбреца,
Но я был властелином твоим до конца...

Он вдруг перестал петь и, не обращаясь ни к кому, сказал:

— Белый царь обижает всех, кроме богатых. Я был в Сибири и видел там много русских. Их всех сослал туда белый царь. Эти русские люди говорили мне, — продолжал абрек, — что царь плохой человек, что надо убирать его.

— Это так говорили русские? — удивился Зока.

— Да, русские, — ответил Зелимхан. — В Сибири много недовольных на царя.

— Как же это так? Своих... русских? — покачал старик головой. Но подумал немного и добавил: — Хотя какие они ему «свои». Наверно, такие же, как мы для Бека Сараева.

— Верно говоришь, Зока, — согласились пастухи. — Как говорят в народе: бедный богатому не брат.

Эти суровые и простодушные люди в каждый приезд Зелимхана на их стойбище резали для него лучшего барана и готовы были до утра слушать слова героя, вздыхая, как дети, и прося взять их в абреки.

— Собери нас, Зелимхан, мы все пойдем с тобой против этих злодеев, — говорил ему старый Зока.

А Зелимхан впервые начинал задумываться о том, что против зла можно бороться только всем миром. Что ждет его сейчас впереди? Лишь героическая смерть. Он мучительно ощутил, что между ним и миром разверзлась глубокая пропасть, через которую ему одному никогда не удастся перекинуть мост.

— Обязательно соберу вас всех, только надо подготовиться, выбрать время, — отговаривался абрек, смутно понимая, что именно в этом, быть может, и заключается суть борьбы с царскими чиновниками.

— Давно уже пришло время, Зелимхан, давно, — уверяли его пастухи. — Мы уже устали ждать.

В маленькой хижине пастуха обходились без лампы. Но при ярком пламени костра лица собравшихся были хорошо видны, и в глазах старого Зоки можно было прочесть все, что происходило в душах этих людей. В них пробуждалась надежда, что именно этот человек скоро соберет вокруг себя братьев по оружию и поведет их бороться за свободу. Поэтому они передавали из уст в уста слова своего гостя. Так росла молва о непобедимом абреке — заступнике обездоленных. А сам Зелимхан, понимая, что он отстаивает правое дело, черпал силы в этой вере народной, все яснее сознавая свой путь — путь бесстрашной борьбы и неминуемой гибели.

— Зока, — обратился однажды харачоевец к старому пастуху, — я хочу отныне поселиться с вами и жить с вами одним хозяйством.

— Ну что же, — улыбнулся старик, доставая из нагрудного кармана бешмета свои четки, — мы с радостью принимаем тебя.

— Знаю. Возьми вот эти деньги и купи мне двух овец и барана. Пусть они пасутся в вашей отаре. Я в долгу не останусь, буду чабанить с вами наравне.

— Что ты, Зелимхан, — обиделся пастух, — все наши овцы — твои овцы, можешь распоряжаться ими, как тебе угодно.

— Спасибо, Зока, но я хочу иметь свое, нажитое своим трудом, а потому прошу, возьми это, — и он настойчиво протянул своему новому другу горсть серебра.

— Ну что ж, — сказал старик, принимая деньги, — так и быть, купим то, что ты хочешь, но одну овцу, самую лучшую, я дарю тебе из

своей отары.

— Зачем? Не надо, Зока, ты и так трудно живешь.

— Нет, Зелимхан, это мое желание, — заявил старик. — Ты уважь его! Пусть моя овца будет у тебя, а не на столе у старшины или пристава.

— Зачем же тебе кормить этих дармоедов?

— А что же делать? Беззащитные мы, Зелимхан, — вздохнул Зока. — Старшине — дай, писарю — дай, мулле — тоже дай, а приходит стражник, так ведь тоже берет самого лучшего барана...

— Сами избаловали их, — нахмурился Зелимхан. — Не давайте и все.

— Не давать, говоришь?

— Да. А что?

— Тогда еще хуже будет, — покачал головой пастух.

— Почему?

— Вздохнуть не дадут. Старшина замучает налогами, а мулла ославит на всю округу безбожником.

— Я же говорю, приучили вы их, а теперь отвадить не можете, — проворчал Зелимхан. — Сами виноваты.

— Конечно, — Зока вздохнул. — Разве может быть виноват в чем-нибудь старшина или мулла... Богатый человек может почувствовать себя виноватым разве что под кинжалом. Не под твоим ли кинжалом, Зелимхан?

Абрек задумался. Через некоторое время в хижину вошел молодой пастух и сказал:

— Какой-то человек, Зелимхан, спрашивает тебя.

— Кто такой? — поднялся абрек, беря в руки винтовку.

— Говорит, что ты его знаешь. Назвался Саламбеком из Сагопши.

Услышав имя товарища по тюрьме и бегству, Зелимхан поспешно вышел во двор. Вслед за ним из тесной каморки, в которой пахло свежим мясом и овечьим сыром, вышли и остальные.

Тепло встретив Саламбека, все они поднялись на плоскую крышу домика Зоки. Голубоватый свет луны освещал склоны гор, кошары овец и узкую дорогу, взбирающуюся сюда вдоль берега бурной реки.

Сын Зоки подал ужин: отварную баранину, горячий чурек и холодный айран.

* * *

На рассвете, когда Зелимхан с Саламбеком покидали стойбище пастухов, бодрствовали одни лишь собаки, сторожившие отары овец.

Гостей провожал старый Зока, ехавший по делам в Дарго. Он просил своих новых друзей считать его очаг своим родным домом и не чураться его помощи.

— Когда понадобится, дайте только знать, и все мы тут же придем к вам на помощь, — говорил пастух, обращаясь к ним обоим.

— Я же сказал, Зока, что я как бы член твоей семьи, — отвечал харачоевец, повернувшись в седле к старику. — Пусть будет так, — кивнул головой Зока. — Я и к тебе обращаюсь, Саламбек.

— Баркалла, Зока. Очень рад, что у Зелимхана такие добрые здесь друзья.

— Мы и твои друзья. Ты наш гость, это обязывает нас быть особенно внимательными к тебе.

Старик замолчал, понимая, что товарищам, не видевшимся столь долгое время, есть о чем потолковать. Действительно, Саламбек тут же принялся рассказывать Зелимхану:

— Вчера, будучи проездом в Шали, я попытался разыскать Дику, но никто так и не смог сказать мне, где он и что с ним. Тебе не приходилось встречаться с ним после нашей последней встречи?

— Нет, — печально ответил Зелимхан, — Дика из-за своей беспечности снова угодил в тюрьму и пропал без вести.

— Что ты говоришь? — Это сообщение ошеломило Саламбека.

— Да. А Мусу предали его кровники вскоре после нашей разлуки, его убили стражники.

— Да благословит их аллах на том свете, — сказал старый Зока голосом, полным благочестивого сожаления.

— Аминь!

— Вот уж не мог подумать, что Дика беспечен, — воскликнул Саламбек.

— Не повезло им, — вздохнул Зелимхан. — Нельзя не верить людям, но чужое ухо, оказывается, всегда следует держать на подозрении. Особенно, если ты обидел людей, близких к начальству.

— Да, уж они затравят, как зверя, — Саламбек скрипнул зубами, — любые средства используют!

— Конечно, — подтвердил Зелимхан, — и меня ведь заставило уйти из родного дома то же самое.

— Всех сагопшинцев, кроме своих близких, старшина извел всякими повинностями да налогами, — сказал Саламбек. — Всем стало неведомо.

— Оказывается, все они на один лад, — вмешался Зока, — эти старшины, а я думал, что только у нас в Дарго такой.

— Их же один хозяин подбирает, — махнул плеткой Зелимхан, — по своей мерке!

Солнце поднялось уже высоко, когда друзья подъехали к аулу Дарго.

— Здесь мы разойдемся, Зока, — сказал Зелимхан. — Ты езжай домой, а мы с Саламбеком свернем налево.

— Что ты, разве так можно? Давай заедем к моим родным, я долго вас не задержу.

— Баркалла, Зока, — ответил абрек, пожимая руку старику, — но у меня есть просьба к тебе.

— Только скажи. Все сделаю.

— Мы с Саламбеком в Харачой не попадем, — сказал Зелимхан, и глаза его грозно заблестели. — Повидайся с Солтамурадом и скажи ему, что мы ждем его послезавтра в Ишхое. А крестьянам нашим пусть передаст, чтобы не падали духом. Если кого из них сошлют в Сибирь, я жестоко накажу веденских чиновников. Пусть начальство узнает о моей клятве: за каждую обиду, нанесенную им, полковник Гулаев заплатит мне дважды. А пока прощай!..

На этот раз пристав Сараев явился в Харачой совсем неожиданно. Он приехал в фэзтоне, и сопровождал его солидный конвой. Днем раньше в злополучный аул были присланы солдаты в количестве, значительно большем, чем обычно. Старшина Адод разместил их по дворам крестьян, которые посчитали, что солдаты просто присланы к ним на постой.

В это утро, когда Бек Сараев появился у мечети, на площади уже собралась довольно значительная толпа. Люди молча сбились в кучу и с тревогой ждали, что принесет им на этот раз визит пристава. Стараясь не слишком бросаться в глаза, пришел и старик Гушмазуко. Поглядывая на свиту пристава, он заметил поручика Грибова, к которому питал добрые чувства. Тот словно высматривал кого-то в толпе, и когда глаза их встретились, молодой офицер подал ему едва заметный знак: дескать, уноси ноги, старик, покуда цел! Гушмазуко понял и тут же незаметно скрылся.

Бек Сараев не заметил ни этого разговора глаз, ни исчезновения старого горца. Пристав расправил плечи, откашлялся и начал говорить:

— Харачоевцы! Вы боитесь этих грязных разбойников? — произнес он, поочередно упираясь мутными глазами в окружающие его лица.

Харачоевцы делали вид, что не понимают его слов.

— Ну конечно, вы боитесь их! — уже выкрикнул пристав, приходя в ярость.

— Мы не боимся их, господин пристав, — отозвался чей-то голос из толпы. — Люди, о которых вы говорите, не зависят ни от нас, ни от вас. Зачем же наказывать беззащитных крестьян, понятия не имеющих, где сейчас абреки!..

— Вот как! — Бек Сараев приподнялся на носках. — Где этот храбрец? Покажись!

На мгновение воцарилась тишина. И вдруг вперед вышел пожилой человек в рваной черкеске из рыжего домашнего сукна.

В толпе послышалось:

— Зока из Дарго!

— Это Зока говорит...

— Мы не из очень храбрых, господин пристав, — продолжал старый пастух, сурово насупив рыжие брови, — но и не такие мы трусы, чтобы отказываться от своих слов.

Зока стоял посреди толпы, высоко подняв голову. Все в его внешности было ладно и словно бы прочно скроено: широкие плечи, точеная, как у юноши, талия и тонкое, опаленное солнцем и ветрами лицо, и размашистая волчья повадка в движениях. Разговаривая, он смело глядел на пристава своими узкими глазами. Даже солдаты смотрели на крепкого старика с нескрываемым любопытством.

— Вот как! — зловеще произнес Бек Сараев и вопросительно глянул на старшину, а тот вкрадчиво шепнул ему на ухо:

— Это Зока, не здешний! Видно, приятель Зелимхана.

— Да, я знаю Зелимхана, — сказал старый пастух громко, так чтобы его слышали все. — И я пришел сказать харачоевцам и тебе, Бек Сараев, то, что слышал: абрек Зелимхан дал клятву за каждое злодеяние полковника Гулаева заплатить вдвойне.

— Эй, казаки! — взревел пристав. — Задержите этого старика. Зока, побледнев, продолжал глядеть на Сараева и даже не оглянулся на казаков, крепко схвативших его за руки.

— Вы будете слушаться меня, а не Зелимхана! — кричал между тем пристав. — Я вам покажу, как потакать абрекам и бунтовать против начальства! Сейчас сошлем немногих, а там, если не перестанете чинить безобразия, всех отправим в Сибирь, — он обернулся к старшине Адоду и добавил: — А ну, называй пофамильно всех, кому предстоит собираться, чтобы сегодня же навсегда покинуть Харачой.

Адод Элсанов выкрикнул одно имя, второе, третье, пятое:

— Гацаев, Куриев, Алибеков... — и солдаты тут же выгоняли людей из домов, где они за день до того стали «на постой».

— ...Бахоев! А где Гушмазуко? Он только что был здесь, я видел его! — вдруг отчаянно завопил старшина.

Но старого горца уже не было.

* * *

Все ждали какого-то взрыва, бунта, отчаянного сопротивления, и больше всех ждал этого сам пристав: слишком туго была натянута тетива терпения харачоевцев. Но люди тупо молчали. Молчали и те, что оставались здесь, и те, которым предстояло навсегда покинуть отчий край. Сама беспримерность этой ужасной несправедливости поразила их, оледенила их кровь и заставила онеметь языки.

Только солдаты, приставленные к арестованным, чувствовали себя спокойно, переговаривались и шутили между собой. Давно оторванные от родного края, семей и близких, они равнодушно выполняли приказ, не

задумываясь над тем, что где-то там, в глубинах России, их родные терпели те же несправедливости от царских чиновников. Привыкшие к беспрекословному подчинению, они еще не понимали, что эти сгоняемые с родных мест жители гор и ущелий — их братья. Но для того, чтобы это стало понятным, должны были пройти годы, хотя, теперь мы знаем, и не такие уж долгие.

Да, бунта не случилось, но он происходил в душах крестьян. Каждый из них в отдельности был готов сразиться и погибнуть, тут же удариться о камни и разбиться на куски. Но каждого удерживал страх неизвестности и, главное, боязнь за судьбу близких. А солдаты, стоя под ружьем, не слышали этого отчаянного биения гордых сердец. Быть может, иные из них даже удивлялись долготерпению мужчин, когда они, солдаты, выгоняли раздетых стариков, женщин и детей из родных домов с еще дымящимися очагами предков.

Соседи провожали переселенцев с угрюмым и молчаливым сочувствием, бессильные помочь им в чем-либо. Только многие мысленно спрашивали: «Где же ты, великий аллах? Почему не окинешь своим милостивым взором эти места земли твоей, наполненные горем? Эх, если бы знал об этом Зелимхан, он бы обязательно явился и освободил их, этих несчастных!..»

Всех высылаемых собрали на площади и погнали через село на дорогу, ведущую к крепости Ведено.

— Мама, куда это нас ведут? — спросила девочка у матери, понимая, что происходит что-то страшное.

— Не знаю, доченька, не знаю, — отвечала та. — Но ты только держись около меня, и все будет хорошо, — и свободной рукой мать подхватила тяжелый узел из слабых рук дочери.

— Скажите, люди, куда мы идем? — закричала рядом другая женщина.

— В Сибирь, в холодную Сибирь, вот куда нас ведут, — раздался в ответ чей-то голос.

— Не пойдем! Не пойдем мы в Сибирь! Пусть лучше здесь убьют, — завопили вдруг женщины и стали ложиться на землю. Мужчины, скрипя зубами, хранили тяжелое молчание. А женщины продолжали кричать. Казаки и солдаты, пытаясь их поднять, хлестали плетками, толкали прикладами и ногами. Те вставали на минуту, обливаясь слезами, и тут же вновь ложились, принимая к родной земле всем телом.

Не выдержав этого зрелища, толпа харачоевцев, до этого молча следовавшая за переселенцами, вдруг грозно надвинулась на конвоиров.

Раздались отдельные грозные выкрики:

— Довольно издеваться!..

— Не дадим своих людей на погибель!

— Если вы такие храбрые, ловите лучше Зелимхана!..

— Назад! Разойдитесь! — неистово орал пристав.

Он выскочил из своего фаэтона и ринулся в бушующую толпу.

И вдруг среди этого хаоса раздался голос старого пастуха:

— Встаньте, встаньте, люди! Не позорьте себя! Не пристало нам падать перед своими врагами, не давайте им повода радоваться нашим несчастьям. Встаньте, говорю вам!

— Ах так!.. К бунту призываешь, сволочь! — услышал над собой Зока чей-то угрожающий голос. Он обернулся и увидел пристава, замахнувшегося на него нагайкой.

На минуту воцарилась мертвая тишина. Сцена эта надолго осталась в памяти у всех присутствовавших.

— Осел грязный! — вскричал Зока, яростно глядя в багровое от злости лицо пристава. — Убирайся вон отсюда! — и он железной хваткой сгреб амуницию, в которую был затянут Бек Сараев. С треском лопнули ремни, и со всей этой амуницией в руках пастух отскочил в сторону. Еще мгновение, он выхватил из кобуры револьвер и остановился, грозный, готовый встретить пулей первого, кто к нему приблизится.

— Казаки, бунт!.. Это бунт! — кричал оказавшийся на земле пристав. — Держите этого негодяя!

Но солдаты были заняты тем, что оттесняли толпу разъяренных харачоевцев, изолируя ее от арестованных. Уловив этот момент, старый Зока метнулся в ущелье, по которому текла река, и скрылся в густых зарослях кустарника.

Только через час, утихомирив харачоевцев, конвоиры погнали переселенцев в Ведено.

* * *

Слух о событиях в Харачое быстро дошел до аула Ишхой, где Зелимхан, Саламбек и только что прибывший Солтамурад готовили отряд для набега на усадьбу Месяцева.

Услышав о случившемся, Зелимхан в страшном гневе собрался в Харачой.

— Раз такое дело, и я поеду с тобой, — заторопился Саламбек.

— Нет, — ответил абрек. — Ты лучше готовь нашу поездку на Терек. Узнай, как переправиться, какие там окольные дороги. Я скоро вернусь.

Взяв с собой двух новых товарищей, молодых абреков Аюба и Эси, Зелимхан отправился в путь. Он полагал, что ему удастся перехватить арестованных на пути из Ведено в Грозный и с помощью своих верных людей освободить несчастных от беды. Саламбека он не хотел брать, опасаясь, как бы тот из-за своей торопливой горячности не наделал лишнего. Но когда абрек прибыл в Ведено, харачоевцы сидели уже в грозненской тюрьме и готовились следовать по этапу в Иркутскую губернию.

Огорченный это неудачей, Зелимхан поскакал в Харачой, но не нашел там никого из близких, кроме старухи-матери. Бек Сараев освободил ее из-под стражи и оставил нарочно, чтобы сохранить гнездо, куда может залететь этот «неуловимый Зелимхан». А еще таилась у пристава жалкая мысль: в случае надобности купить себе жизнь у грозного абрека, сославшись на то, что он помиловал его старую мать.

От матери абрек узнал, что Бици с детьми своевременно скрылась у своих родителей Дударовых, а Зезаг увел ее отец, Хушулла. В этом заключалось единственное спасение для молодых женщин, по всей видимости, навсегда разлученных со своими мужьями.

Гушмазуко с Солтамурадом оба ушли в абреки. И так, эта трудная доля досталась не только молодым, но и старику. Глава почтенного рода Бахоевых вынужден был теперь заниматься непривычным для него делом: настороженно вслушиваться, не хрустнет ли ветка под ногой врага, шагать по заброшенным лесным тропам, питаться случайно добытой пищей, ночевать в горах под открытым небом, укладывая рядом с собой острый кинжал да заряженное ружье, скакать верхом, скрываться от погони.

Ко всему этому трудно будет привыкать старику, но гордый Гушмазуко не мог бросить сына, которому сам выбрал такой удел. Только жена его — старая Хурмат — никак не могла примириться с окончательным распадом своей семьи.

— Послушай, сынок, — сказала она Зелимхану, остановив его перед самым уходом, — все это я плохо понимаю. Но ты скажи, вернется ли еще в наш дом мирная жизнь?

— Значит, такой уж достался нам удел, мама, — печально ответил абрек. — Сами мы себе его не выбрали бы. Его навязали нашей семье богатые, жестокие и бессовестные люди. Поэтому не удерживай меня, а пожелай лучше мне успеха, — и он умолк.

Старая Хурмат стояла молча, подавленная тяжелыми мыслями. Но вдруг, будто пробудившись ото сна, она обняла сына и, слегка оттолкнув

его от себя, сказала:

— Иди, да поможет тебе сам великий аллах.

Простившись с матерью, Зелимхан отправился к Бици, с которой в последнее время виделся очень редко и то — поздно ночью или на рассвете, когда все живое было объято крепким сном. Но все мысли Бици по-прежнему неизменно были с мужем. Даже на расстоянии, даже в постоянном ожидании новой беды он самым фактом своего существования вызывал у нее чувство безопасности. Кроме того, оказавшись в кругу семьи, этот суровый мститель тут же превращался в нежного отца и мужа. Он подолгу советовался с женой о своих планах и мечтал вернуться к мирной жизни.

Но вернуться к мирной жизни было уже невыносимо, а потому на этот раз Зелимхан решил исподволь поговорить с Бици о временном переселении в Турцию. Он и сам не надеялся обрести счастливую долю в султанской Турции. Об этой стране и ее жестоких нравах много рассказывал ему в свое время покойный дед Бахо. По рассказам старика, турецкий султан был нисколько не лучше белого царя Севера. И все же, увидев сегодня полусожженные дома харачоевцев, развороченные плетни и пустые дворы, Зелимхан решил покинуть Чечню. Не из-за себя, даже не для безопасности своих близких, а просто, чтобы избавиться от этого кошмара жителей родного аула. И еще жила в нем надежда, что он перестанет быть абреком и займется пусть даже самым тяжелым, но мирным трудом. А там, когда пройдет некоторое время и в Чечне о нем все забудут, если даст аллах, можно будет вернуться и в отчий край.

— Ты помнишь, Гуша советовал нам уехать отсюда? — спросил Зелимхан, не глядя на жену.

— Это куда? — не поняла Бици.

— В Турцию.

— Помню, — ответила она нехотя.

— Ты не советовалась со своими родителями? Как они?

Бици задумчиво посмотрела на мужа:

— Разве родители согласятся отпустить своих детей на край света?

Зелимхан не стал продолжать разговор. Он нежно смотрел на жену, которая молча укладывала в его переметную сумку все необходимое в дальней дороге.

Бици мельком взглянула на мужа и после затянувшейся паузы произнесла:

— Родителям своим я сказала: «Я мать своих детей и обязана следовать за их отцом». Для меня главное — быть с тобой вместе. Но я не верю, что человек должен покидать родину. Лучше уж и я в абреки пойду, если возьмешь меня.

«Вот это женщина! Настоящая жена для горца», — подумал Зелимхан, а вслух произнес:

— Ладно, так и быть, — и добавил: — Вот вернусь из этой поездки и заберу тебя с детьми в горы.

— Вместе будет веселее, — ответила жена и вся засветилась в улыбке.

Через некоторое время, уже прощаясь, абрек спросил жену:

— Кто тебе сказал, что Гуша поехал в Ишхой?

— Точно не знаю... — ответила Бици. — Но был у нас один старик, да тот самый, который потом обезоружил пристава, так вот он говорил, что ты велел им обоим прибыть в Ишхой.

— Отца, правда, я не звал туда, — ответил на это Зелимхан, уже стоя в дверях. — Ну да теперь с Гушой ничего не поделаешь, пусть будет так.

* * *

Когда Зелимхан вернулся в Ишхой, все уже были в сборе. Здесь он увидел не только своего старого отца, но, к удивлению своему, и Зоку. Абрек был крайне озадачен этим, так как не хотел брать столь почтенных людей в нелегкий поход.

— Ну как, Зелимхан, не помешаю я в твоём деле? — спросил старый пастух. — По-моему, там, под Харачоём, я доказал, что могу оказаться для врага поопаснее, чем иной молодой.

Зелимхан, одобрительно усмехнувшись, молча кивнул головой. И все же, обращаясь к членам своего отряда, он нашел нужным предупредить:

— Доля абрека — нелегка. Я бы хотел, чтобы каждый из вас хорошенько подумал, прежде чем ступить на этот путь. Становясь абреком, человек закрывает себе навсегда доступ к свободе, к семье, к покою. Так что подумайте хорошенько.

— Да что тут думать, — перебил сына Гушмазуко. — За нас уже подумал полковник Гулаев и всех нас прогнал в абреки.

Зелимхан хотел было возразить отцу, но возразить было нечего. Очень не хотелось ему брать с собой Гушмазуко, но не смел он открыто сказать об этом старику. Два молодых абрека, присоединившихся к Зелимхану, смотрели на своего уже знаменитого вожака с великим

почтением, молча ожидали его приказаний. Он подошел к коню новоатагинского Аюба и, пальцем оттянув подпругу, посоветовал:

— Дорога наша не близкая и не легкая, ослабь заднюю подпругу, а то коня загубишь, — и, молча обойдя вокруг коня, добавил, ни к кому не обращаясь: — Со мной едут Саламбек, Аюб, Эси и Зока. Остальные останутся ждать нас здесь.

— Это как же можно так решать? — возмутился Гушмазуко. — Никто не поедет туда без меня. Да и Солтамураду пора показать себя в настоящем деле, — и старик первым вывел своего коня на дорогу, ведущую за Терек, туда, где в далеких и необъятных кизлярских степях лежало имение Архипа Месяцева.

* * *

Жизнь Месяцева постоянно протекала под знаком неразрешимого противоречия. Усадьба его была расположена одиноко среди пустынных степей, и это заключало в себе существенные неудобства. Прежде всего тут было нестерпимо скучно. Но это еще полбеды. Главное, все время приходилось думать, что не сегодня, так завтра налетят какие-нибудь разбойники и заберут все, что он накопил в результате тяжелого труда своих пастухов.

С другой стороны, скупой, как черт, овцевод с содроганием думал, что стоит ему оставить свои бесчисленные стада без личного придиричивого присмотра, и эти самые пастухи, как, впрочем, и другие слуги, обязательно тем или иным способом обсчитают его хоть на рубль. Эта мысль, как клещ, присосалась к жадной душе богача и терзала его больше, чем все разбойники, вместе взятые.

Чтобы как-нибудь разрешить это противоречие, Месяцев принял свои меры. Прежде всего он держал в доме достаточный запас оружия, чтобы в случае опасности вооружить своих слуг. Кроме того, он позволил себе редкую в этих местах роскошь, кстати, вполне доступную ему благодаря огромному богатству. Он установил телефонную связь с ближайшим пунктом, где располагалась воинская часть, и надеялся, если действительно нападут разбойники, тотчас вызвать хороший отряд солдат. А учитывая, что офицеры этой ближайшей части регулярно получали от него изрядную мзду, он мог рассчитывать на их расторопность.

В это утро солнце стояло уже высоко, когда Месяцев издали заметил приближение неизвестных всадников. Содрогаясь от страха, овцевод немедленно раздал ружья мужской половине прислуги, а себе сунул в каждый карман по заряженному револьверу. После этого он занял

выжидательную позицию у окна. Когда всадники подъехали ближе, Месяцев увидел в бинокль, что предводитель их в офицерских погонах. Помня разговоры, что под этой формой скрываются нередко и грабители, он на всякий случай приказал забаррикадировать все двери и окна в доме и ворота закрыть наглухо. И все же положение оставалось неясным, и потому один из слуг был отправлен на разведку.

Подбежав к воротам, слуга увидел впереди отряда офицера в мундире есаула Терского казачьего войска. Воспитанный в почтении к военным властям и зная, что хозяина нередко навещают офицеры, он без долгих раздумий отодвинул засовы.

— Ваше благородие, милости просим! — гаркнул он, приоткрывая створки ворот и замерев — руки по швам.

Когда всадники въехали во двор и спешили, собака Месяцева, заискивающе повизгивая, завертелась у ног гостей, что окончательно сбило с толку хозяина... Хотя ничего удивительного в этом не было: в дом достаточно часто наведывались офицеры, и сам же Месяцев не раз давал ей хорошего тумака, когда она поначалу пыталась куснуть за ногу какого-нибудь начальника. Тем не менее испуганный овцевод не решился впустить неизвестных и тихо, на цыпочках, удалился в глубь покоев.

— Эй, хозяин, откройте! — крикнул Саламбек, постучав в дверь.

— Кто вы такие, что вам надо? — дрожащим голосом спросил один из слуг.

— Что, солдат государя императора не видел? У господина есаула секретный разговор с вашим хозяином.

Слуги, держа ружья, как палки, в нерешительности толклись в сенях. А вдруг и правда отряд прибыл по заданию начальства? Тогда, если они будут сопротивляться, их посчитают бунтовщиками. Месяцев, не в силах произнести ни слова, держал в каждой руке по револьверу.

— Откройте, говорю вам! — снова крикнул Саламбек и сильным ударом ноги вышиб дверь.

— С каждой стороны дома поставить по часовому! — властным голосом распорядился Зелимхан. — Саламбек, за мной!

И оба они проследовали мимо растерявшихся слуг.

В углу первой же комнаты глазам двух абреков представилось жалкое зрелище. Овцевод стоял, растерянно моргая, и револьверы дрожали в его руках, как овечьи хвосты.

— Брось оружие! — крикнул на него Зелимхан.

Месяцев попытался прицелиться, но харачоевец ударом ноги мгновенно выбил у него револьверы, и они с грохотом упали на пол. Сам

Зелимхан даже не прикоснулся к оружию.

— Пройдем в кабинет. Разговор есть, — мрачно сказал абрек.

— Караул, помогите... — шептал Месяцев, покорно следуя за своими грозными гостями.

В кабинете Саламбек остановился в дверях, а Зелимхан уселся в кресло.

— Так вот, слушай меня, Архип Месяцев, — сказал он спокойно, но веско. — Аллах и я решили наказать тебя за твою жадность. Довольно тебе пить кровь бедных людей. За это ты должен заплатить дань. Отдай нам немедленно пятнадцать тысяч рублей.

Месяцев взвизгнул и бросился к окну, но грозный окрик Саламбека заставил его присесть на диван, стоявший тут же, под окнами.

— Да разве держат в доме такие деньги! — взмолился овцевод. — Они в городе, в банке!

— Хозяйка где? — спросил Зелимхан.

Месяцев медлил с ответом, поглядывая на телефон, висевший на стене, но чеченцы не поняли этого взгляда.

— Говори, где твоя жена? — повторил Зелимхан.

— Ее нет дома. Она в Шали, — ответил хозяин, лукавя, так как жена и другие члены его семьи были спрятаны в дальних покоях.

— Тогда пиши ей письмо, — сказал Зелимхан, — чтобы она привезла мне эти пятнадцать тысяч, если хочет, чтобы ты вернулся обратно домой. Ее будут ждать на опушке леса, там, где дорога из Шали в Ведено встречается с Хулхулау. И учти: если она устроит там засаду, ты умрешь. Срок — неделя.

— Не буду писать! — заупрямился было Месяцев.

— Пиши! Бедных грабишь, а тут дрожишь, — Саламбек приподнял овцевода с дивана и подтолкнул к столу. — Пиши, пиши! А не то найдем и ее, заберем вас обоих, а дом спалим.

И Месяцев сдался. Зелимхан взял из рук богача записку, прочитал ее и положил на видном месте.

— Если жена и вправду уехала, кто-нибудь из слуг отвезет ей записку. Понятно?

Месяцев только всхлипнул.

— Ну а теперь не теряйте время, — сказал Зелимхан, когда связанного овцевода вывели во двор. — Забирайте из конюшни пару хороших копей, и в дорогу.

— Помогите! — взмолился Месяцев, обращаясь к своим слугам, стоявшим, как истуканы.

— Да ты не ори, осел, — пнул его рукояткой плетки Саламбек. — Говорят же тебе, все это — по закону!

— Не поеду, не поеду!.. Помогите, братцы! — кричал овцевод, но слуги по-прежнему стояли молча.

«Должно быть, по делу увозят, — рассуждали они, — раз сам господин есаул приехал забирать. Значит, провинился наш хозяин, темных дел за ним хватает!»

* * *

А через два часа, когда совсем растерянная жена Месяцева наконец догадалась воспользоваться телефоном, по всей Терской области поднялась тревога. Летели телеграммы: «...ДЕРЗКИЙ НАЛЕТ ЗЕЛИМХАНА НА ИМЕНИЕ МЕСЯЦЕВА ТЧК СХВАТИТЬ... ПОДНЯТЬ ПО ТРЕВОГЕ... ПЕРЕРЕЗАТЬ ДОРОГУ...»

В Грозном, Хасав-Юрте, Шали, Ведено надрывались телефонные аппараты:

— Внимательно изучить возможные пути следования... Да, да. Они наверняка будут пробираться в харачоевские леса...

— ...Возможно, они обойдут стороной Бачи-Юрт и, сделав крюк, направятся на Беной... Да, там в лесу. Срочно предупредите старшину...

— Главное, держать под контролем дорогу Ведено—Харачой... Выслать хорошо вооруженный отряд. Кольцо должно сомкнуться. Постоянно докладывайте обстановку. На этот раз он никуда не уйдет...

* * *

А тем временем отряд Зелимхана скакал лесом, выбирая окольные тропы подальше от людных мест.

На ночь они остановились около Бачи-Юрта, чтобы дать отдых коням. Утром поехали дальше. Но, пробираясь через Джугуртинский лес, абреки неожиданно наткнулись на засаду, устроенную им беноевским старшиной Буцусом.

Сразу завязалась жаркая схватка. Утренний туман придавал ей что-то призрачное. Всадники, как тени, то появлялись, то словно растворялись. Слышался звон клинков, то там, то здесь грохал выстрел и раздавалось залиvistое ржание коней. Зелимхан, отбиваясь от наседавших на него стражников, видел, как храбро дрался старый Гушмазуко с двумя здоровенными беноевцами. Харачоевского абрека атаковали с трех сторон, и, отражая кинжалом удары казачьих шашек, он потерял из виду отца. Где-то рядом с молчаливым упорством бились Солтамурад и Зока; с

кинжалом в одной руке и револьвером в другой появился из тумана Саламбек и тут же исчез.

Покончив со своими противниками, Зелимхан хотел устремиться на помощь отцу, но вдруг совсем рядом услышал звериный рев Буцуса, который кинулся на него, как барс, свалил с коня и всей своей тушей придавил его к земле. Задыхаясь от злости, он приговаривал:

— У-ух, теперь не уйдешь от меня, Зелимхан. Теперь я отнесу твою голову полковнику и получу за нее мешок золота.

Сцепившись с Буцусом, Зелимхан скатился в лощину. Но и здесь абрек не мог вырваться из цепких рук старшины, на помощь которому подоспели двое стражников, желая взять его живым. Они пытались схватить абрека за руки, но, ловко увернувшись от них, он сбросил с себя Буцуса и, выхватив у него из ножен кинжал, всадил его в грудь врага. Тело Буцуса покатилося по откосу. Тем же кинжалом Зелимхан заколол одного из солдат, а другой бросился бежать. Абрек не стал догонять его, он устремился на поиски отца.

Когда Зелимхан выбрался из лощины, сражение уже закончилось. На тропе лежало несколько убитых. Стояла тишина.

— Во-о! Гуша-а! — закричал абрек.

Горы подхватили его голос, и в ответ жалобно прозвучало эхо. Но вот в наступившей тишине послышалось негромкое ржание отцовского коня. Зелимхан, не помня себя от волнения, побежал на этот печальный голос.

Конь стоял с опущенной мордой, перед ним лежало еще не остывшее тело отца, а в десяти шагах от него лежал и Солтамурад без признаков жизни.

Абрек побледнел. Сердце его билось с такой неистовой силой, что казалось, вот-вот разорвется грудь. Опустив голову, он всматривался в лицо отца — бесконечно любимого им человека. Теперь уже никогда не услышит он от него ни слова — ни сдержанно-нежного, ни сурового и требовательного. Ушел мудрый Бахо, отныне нет и Гушмазуко. Теперь он, Зелимхан, в ответе за честь древнего рода Бахоевых. И брата нет с ним рядом.

Смерть отца и брата глубоко потрясла Зелимхана. Он почувствовал, что им овладела безумная ярость. Немедленно отомстить за их кровь!

Недолго думая, Зелимхан вскочил на коня и поскакал вслед за врагами — теперь его кровниками. Но никого из них уже не было: одни убиты, другие бежали, как подлые трусы. Он стоял один посреди дороги в тоске и с неутолимой жадой мести. Повернув коня и не оглядываясь, подъехал Зелимхан с опущенной головой к мертвому отцу. Здесь к

Зелимхану подошли Саламбек, Зока и молодой атагинец Аюб, ведя за собой на аркане дрожащего от страха Месяцева. Раненный в бедро Зока сообщил Зелимхану, что тут же, неподалеку, лежит и убитый абрек Эси.

— Если будет угодно аллаху, и нам удастся погибнуть вот так же, в открытой схватке... — проникновенно сказал Зелимхан. — Возьми, Саламбек, уложи их на лошадей, — и сам, сойдя с коня, благоговейно поднял на плечи тело отца.

Весь остаток дня они ехали по гребню гор, которые возвышались над аулом Джугурти. К вечеру до Харачоя остался какой-нибудь час езды.

Когда было уже совсем темно, конь Саламбека, ехавшего впереди, внезапно вздрогнул и начал прятать ушами. Повернувшись к тропе, идущей со стороны Шали, абрек прислушался: ему почудился какой-то шум. Но кругом стояла тишина, только ветер по-прежнему шевелил листву деревьев.

Саламбек вновь тронул коня, прошептав товарищам, чтобы они следовали за ним как можно тише. Но сделав несколько шагов, снова остановился, прислушался и не успел подумать, как вдруг раздался выстрел. Горцы замерли, пытаясь рассмотреть что-нибудь в ночной темноте. До них донеслись приглушенные голоса и легкий трест сухих веток. Впереди на дороге зашевелились какие-то тени, потом раздался чей-то окрик:

— Эй, кто вы такие?

И сейчас же прозвучала команда:

— Огонь!

Раздался залп, затем второй, третий... И вновь наступила тишина.

Аюб, который все еще тащил на аркане Месяцева, и раненый Зока, ведущий в поводу коней с телами убитых, отступили в глубину леса. Зелимхан с Саламбеком залегли на опушке и стали отстреливаться. Перестрелка то усиливалась, то затихала. И так — около часа. А когда она наконец смолкла, Саламбек вышел на дорогу. Там не было ни души.

Острый взгляд горца различил во мраке очертания Харачоя.

С утра небо, затянутое темными тучами, озарялось вспышками молний. Где-то на севере грохотал гром. Постепенно раскаты его становились все сильнее и сильнее. Казалось, что вздрагивает земля. Дети в испуге жались к подолам своих матерей, в их широко раскрытых глазах притаился страх.

Но настоящий ливень с градом разразился только вечером. В доме Гушмазуко и его сыновей, где и без того было холодно и неуютно, потемнело еще больше. Здесь забыли про еду и покой, забыли про все на свете. Оттуда раздавался надрывный плач, и односельчане, проходя мимо этого дома, печально кивали головами.

Еще рано утром эти женские вопли со своего двора услышала соседка и зашла узнать, в чем дело. От маленькой дочери Зелимхана Муслимат она узнала, что ночью привезли три трупа.

— Кого? Кто они такие? — спросила женщина, схватившись за щеки.

— Дед, дядя и... — Муслимат разрыдалась пуще прежнего.

Женщина заглянула в окно. В полутемной комнате плохо было видно, но все же по седой бороде она узнала Гушмазуко, различила еще белую папаху Солтамурада, а черная каракулевая шапка третьего уж очень была похожа на зелимхановскую. Поэтому любопытная женщина, выбежав на улицу, тут же пустила по аулу слух, что все мужчины Бахоевых погибли. Слух этот разнесся по всем соседним аулам и хуторам с необыкновенной быстротой. В дом абреков направились все те, которые сочли своим долгом воздать обычное соболезнование по случаю смерти. Правда, шли они преимущественно ночью, чтобы не попадать на глаза начальству. Все боялись, что их заподозрят в сочувствии даже мертвому Зелимхану.

Обрадованный гибелью семьи Гушмазуко, своего страшного врага, Адод Элсанов тут же помчался в Ведено, чтобы сообщить о случившемся начальнику округа. Полковник Гулаев, вздохнув с чувством облегчения, великодушно распорядился не мешать тем, кто хоронит мертвых.

— Ну, а вдруг бунт, господин полковник? — засуетился Адод. — Они на все способны.

— Какой теперь бунт, дурак, — засмеялся полковник, махнув рукой, — Зелимхана-то нет!

— Когда слушаешь старшину Элсанова, невольно создается впечатление, что он так и хочет бунта, — вмешался Грибов, среди других

офицеров присутствовавший в комнате. Перевязанная рука молодого поручика висела на перевязи, и вид у него был независимый.

Полковник Гулаев окинул говорящего недоброжелательным, взглядом, а Бек Сараев подошел поближе и, саркастически улыбнувшись, произнес:

— Господин поручик получил от этого мерзавца Зелимхана подарок, — он кивнул на забинтованную руку. — И вот теперь гордится безмерно.

— Между прочим, среди порядочных людей не принято плохо говорить о покойниках. Особенно, если они погибли в бою, — ни к кому не обращаясь, заметил Грибов.

— Конечно, вы теперь герой! — комически раскланиваясь, воскликнул Бек Сараев и, обращаясь к Гулаеву, добавил:

— Господин поручик утверждает, что Зелимхан был убит именно его отрядом во время перестрелки под Харачоем.

— Но ведь перестрелка-то была ночная. Что там можно было рассмотреть в темноте, — пробасил полковник довольно, впрочем, добродушно.

— Я лично ничего не утверждаю! — холодно произнес Грибов и демонстративно вышел из комнаты.

Гулаев сокрушенно покачал головой и в сердцах сказал:

— Ох, и надоел мне этот петербургский либерал!

Через некоторое время, когда офицеры, потолковав о том о сем, постепенно разошлись, пристав наклонился к начальнику округа и сугубо доверительно проговорил:

— Тархан Тудоевич, извините, я не могу сказать ничего конкретного, но мне кажется, что поручик Грибов поддерживает какие-то связи с этими разбойниками.

— Я думаю, капитан, вы несколько преувеличиваете, — полковник откинулся на спинку кресла и постучал тупым концом карандаша о стол. — Но вы все же изложите мне свои соображения письменно.

— Слушаюсь! — козырнул пристав.

В этот момент к Гулаеву, мягко шагая по ковру, приблизился Адод Элсанов, также оставшийся в комнате. Подобострастно заглядывая в глаза начальнику, он сказал:

— А беноевцы говорили: они Зелимхана убили. Совсем не поручик, а они...

Гулаев опустил свою седую голову и взялся за виски.

— Главное, что я хотел бы знать точно, убит ли Зелимхан? — произнес он устало.

В комнате наступило молчание. — Ты скажи, — обратился пристав к старшине, первым нарушая молчание, — скажи, ты сам-то видел их мертвыми?

— Да, видел, — соврал Адод, опустив глаза.

Уловив неуверенность в голосе старшины, полковник сказал:

— Однако же не мешает лишний раз убедиться в этом, — и уже обращаясь к Сараеву: — Узнайте, в самом деле они там хоронят Зелимхана?

— Я спрашивал у беноевцев, ваше высокоблагородие, — соврал и пристав.

— Ну и что?

— Отвечают, что на их глазах от руки самого Буцуса погиб Зелимхан. Говорят, что никто из этой банды не уцелел, кроме Саламбека из Сагопши и еще двух неизвестных.

— Это хорошо, но на всякий случай проверьте еще раз, — полковник махнул рукой Адоду, — идите, старшина, — а когда тот был уже в дверях, хмурая брови, добавил: — Перепуганные бабы могут всякое сочинить, да и из Беноя могли просто прихвастнуть. Ты уж точно узнай сам, есть ли среди убитых Зелимхан.

* * *

Поздно вечером, вернувшись в Харачой, Адод специально проехал мимо дома Гушмазукаевых, из темных разбитых окон которого доносился надрывный плач женщин. Пуще всех плакала одна из них. Это была Зезаг — жена Солтамурада, у которой вчера только родился первенец. Она осталась теперь одна с маленьким-сыном, осталась на попечении Бици и старой матери Солтамурада; никто другой не примет ее, не приютит. Кому нужна жена абрека? Даже родной отец и тот охладел к ней после рождения сына, принадлежащего к этому проклятому роду.

Бици бродила по дому, не зная, к чему приложить руки, вся в слезах, растерянная, хотя и старалась не выдать свою слабость. А старая свекровь плакала молча — сердцем. Ее муж и сын погибли в дни уразы, девятого месяца лунного мусульманского календаря, в течение которого исповедующие ислам не имеют права ни пить, ни есть с рассвета до захода солнца. Ураза началась с появлением; луны 27 мая, а утром 12 июня произошло кровавое столкновение в Джугуртинском лесу, в котором погибли Гушмазуко с сыном Солтамурадом. Такое совпадение особенно тяжело подействовало на старую Хурмат, верившую, что в это время благочестивый мусульманин защищен от зла...

Уже за полночь. Серый свет ночи, как туман, колышется над землей. В ауле все спят. Лег и старшина Адод, убедив себя, что Зелимхан действительно убит, а то не плакали бы так в доме Гушмазукаевых. Да, в доме этом теперь тоже тихо и темно, как в могиле, только мокрые от дождя окна сереют, будто затянутые пленкой бычьего пузыря. От плача устали, отупели все: замолкла старая Хурмат, и Бици с дочерью, и Зезаг. Пора и перестать, ведь бывает же конец и слезам, бывает конец и воплям: хрипнет голос, выкипают слезы, лишь печаль оседает в сердце, как пепел...

Но Бици не спит. Забившись в угол, она устремила остановившийся взгляд на серые окна, а в мыслях у нее — Зелимхан... Верный друг ее юности, статный, красивый, с черными усами и добрыми темно-кариими глазами на матово-бледном лице. Ее единственная надежда и опора на земле. «Где он сейчас? Знает ли, в какой: печали оставил меня, видит ли слезы своих детей, мои слезы?..» Как бы ей хотелось поговорить с ним! Нет, он там, далеко в лесах. С помощью добрых людей предав останки отца и брата земле старого заброшенного дедовского кладбища, он ушел в горы, чтобы бороться. Ушел, не повидавшись как следует с ней, не показавшись в ауле, не успев даже принять скупых слов соболезнования...

* * *

А в эту же ночь в темном лесу, закутавшись в бурку, у костра сидит человек. Он молча смотрит на танцующие языки пламени. Мысли его далеко: ему видится пустой полуразрушенный дом с разбитыми стеклами и любимая, преданная ему женщина, оплакивающая свое одиночество и беды семьи. В это время в освещенный костром круг вступила человеческая фигура. Человек в бурке поднимает голову, а рука его непроизвольно тянется к винтовке.

— Это ты, Аюб? — спрашивает он.

— Я, Зелимхан, — хриплым голосом отвечает тот, присаживаясь на корточки у костра. — Приехали за Месяцевым с деньгами. Как быть?

— Сколько привезли?

— Пятнадцать тысяч.

— Теперь мне этого мало, — говорит Зелимхан, немного подумав. — Убили отца, брата, товарища... Скажи Месяцеву, что сирот у нас теперь много, а потому я меняю свое прежнее решение. Пусть скажет жене, чтобы прислала еще пять тысяч.

— Хорошо, — отвечает Аюб, поднимаясь, чтобы уйти. — Подожди немного, — Зелимхан кладет руку на плечо юноше, — Саламбеку

передай, что я велел вам сменить место. Переезжайте лучше всего к его приятелям в Бамутские хутора. В случае чего я буду в стойбище пастухов. Саламбек знает где. Там лежит раненый Зока...

Аюб исчезает во мраке. Через минуту до слуха Зелимхана доносится удаляющийся топот его коня. Костер горит, бросая вокруг фантастические пляшущие отсветы, а абрек думает свою думу:

«Говорят, Бек Сараев распорядился раскопать могилы захороненных, чтобы проверить: есть ли среди мертвых Зелимхан. Что же делать? Каким путем запретить им издеваться над покойниками? Угрозой?.. Вряд ли поможет... Надо дать им знать о себе!..»

Так случилось, что эту ночь Зелимхан провел один в глухом, безлюдном лесу. Он спал крепким богатырским сном, не ощущая ни сырости леса, ни отсутствия удобной постели.

Этот сон в лесу после всех потрясений минувшей недели вернул ему бодрость и силы.

Утром, проснувшись, абрек отправился в горы, прокладывая себе путь среди густого леса. Шел он легко, ступая мягко и неслышно, словно подкрадываясь к врагу. Молодые деревья покорно уступали ему дорогу — так ловко орудовал он кинжалом, прорубаясь сквозь чащу. То тут, то там, шумно хлопая крыльями, взлетала испуганная его появлением птица; еле слышный шорох выдавал порой присутствие зверя.

Лес окружал его со всех сторон. Совсем молодые деревья растут обычно очень часто, постарше — несколько реже, а старые — и вовсе редко. Здесь проявляется древний закон: и деревья вынуждены вступать в жестокую борьбу друг с другом за место под солнцем — главным источником жизни. Вырастают только сильнейшие.

В большом лесу очень трудно утвердиться молодому дереву, так же как юноше — среди взрослых опытных людей — соперников на земле; место ему уступают только отжившие свой век или сваленные бурей великаны. Вот тонкий стройный вяз стоит, будто уже одолев в борьбе всех своих соседей. На его высоком гладком стволе — ни единой веточки или листика, одна макушка зеленая. Все пошло в рост — любой ценой надо было пробиться к солнцу. И молодой вяз почти достиг этого. Однако старшие деревья, чьи кроны образуют свод, не очень-то гостеприимны, они никого не допускают выше себя. И этот стройный вяз, наверное, тоже ждет удел сверстников: вряд ли удастся ему пробиться сквозь могучую кровлю чинар, закрывшую небо.

Но вот лес кончился. Было еще рано, роса не сошла даже с деревьев, и на мягкой высокой траве оставались ярко-зеленые полосы от шагов Зелимхана, ведущие к маленькой речке. Абрек ловко перескочил через нее и, тревожно оглядевшись по сторонам, убедился, что вокруг нет ни души. Перед ним вилась одинокая тропа, ведущая в горы — к приюту пастухов. Зелимхан почувствовал себя легко и спокойно, словно он попал домой.

По этой тропе абрек стал взбираться на высокую лысую гору — Чермой-Лам. Слева от вершины под ногами у горца лежал плотный,

точно снежная лавина, туман, выбиваясь со дна глубокой впадины отдельными извилистыми струйками. Солнце прижимало туман к земле, а боковые отроги отрезали путь к отступлению. Кое-где из пелены тумана торчали поросшие лесом горные вершины да макушки одиноких гигантских чинар. А вдаль зеленела чеченская равнина и сумрачный дымный город Грозный, где вынашивались злые умыслы против Зелимхана.

Здесь, на недоступной вершине, природа представала в самом бедном своем облики. Даже щедрое лето не смогло одеть в приличный наряд этот бесплодный клочок земли — каменную гору. Только кое-где в трещинах, где снега и ливни оставили темные полосы, радовали глаз бледные маки да фиалки и карабкались карликовые дубки. Никакие ветры не могут вырвать корни этих растений из тесных щелей, и стужа бессильна умертвить их. Холодные камни и высота поднебесная стали их родиной. Земля оберегает и обиженных своих детей. Только нет здесь роскоши, все рождается тут в муках — уродливым, живет в голоде; крошечные цветы без запаха, чахлые; даже высокое небо здесь бесцветно. Но все же в этом убогом уголке природы есть то, что приводит человека в восторг — удивительно само упрямство, с которым отвоевывают себе Право на жизнь и дубки, и крошечные маки, и ромашки.

Здесь нет следов человека. Только изредка попадаются отпечатки копыт диких туров, возможно, единственных обитателей этих мест.

К востоку за Чермой-Ламом, словно ограда из кинжалов, выстроились острые вершины Макажоевских гор, такие же бесплодные и нагие.

Спускаясь вниз по тропинке, Зелимхан снова вступил в серый непроницаемый сумрак, в сырую тишину леса, где трава заглушала его шаги. Путь вниз ему преградила беснующаяся река Бас. Вырвавшись на простор из тесных ущелий, она все еще не может успокоиться от возбуждения борьбы с порогами и скалами, вставшими на ее пути. И она ревет, бросается из стороны в сторону, скачет через валуны, живая, трепещущая, ненасытная. Попробуй войти в ее гневные воды, и она тотчас захлестнет тебя холодной упругой волной.

На берегу реки Бас Зелимхан совершил омовение, исполнил обеденную молитву и присел, чтобы прочитать стихи из Корана. Вдруг на противоположном берегу сквозь редколесье он увидел, как по откосу мчалась во всю прыть темно-рыжая молодая косуля; казалось, она спасается от страшного невидимого зверя. Не различая пути, она

гигантским, полным изящества прыжком бросилась в реку и вздыбила гору пенистых волн.

Выбравшись на берег, косуля повернула свою красивую голову в сторону Зелимхана и мгновенно исчезла в гуще леса. «Кто мог так напугать ее? — подумал Зелимхан. — Волк или человек?» Он ждал минуту, другую, десять минут. Но никто так и не появился.

* * *

У низкой двери хижины, искусно сложенной из глины и дробленого щебня, харачоевца неожиданно встретил Аюб новоатагинский.

— Как получилось, что ты уже здесь? — удивился абрек. — Что-нибудь случилось?

— Нет, — лукаво улыбаясь, ответил Аюб, — просто, когда я передал Саламбеку твое поручение, он приказал мне немедленно следовать за тобой и помочь тебе, если где-нибудь на пути тебя подстерегает враг... Я даже обогнал тебя и шел впереди.

— И что же ты не подошел ко мне?

— Я не хотел тревожить твой покой, — скромно ответил юноша, — мне казалось, что тебе приятно быть одному.

Растроганный тактом и почтением молодого абрека, Зелимхан обнял Аюба за плечи.

— Теперь я понимаю, кого испугалась косуля, — улыбнулся он.

Аюб открыл дверь, сколоченную из трех досок, аккуратно оструганных топором, и предложил Зелимхану войти.

В углу комнаты, под низким маленьким окном, на толстом войлоке сидел Зока и, шумно отдуваясь, пил горячий бараний бульон.

— Зелимхан! Да будет твой приход с миром! Рад видеть тебя, — старик поднялся, раскрывая объятия.

— Сиди, ради аллаха сиди, Зока, — бросился к нему харачоевец.

— Да ты не волнуйся, я вполне здоров. Садись вот здесь, — пастух указал гостю место рядом с собой. — Вот уж сразу видно, что ты не скуп, коль к еде пришел. Возьми, — он пододвинул к нему большое глиняное блюдо с дымящимся мясом и чеченскими галушками.

— Баркалла, Зока, — сказал Зелимхан, взяв с блюда маленький кусочек баранины. — Ну, как твое здоровье, как рана? Я уже соскучился по тебе, хоть мы и недавно расстались.

— Как недавно? — удивился Зока. — Больше двух недель я скучал по тебе. А рана моя заживает, так что можно отправляться за Терек, — он

вдруг умолк, помрачнел и грустно добавил: — Только вот Гушмазуко не будет с нами!..

— Видно, на то воля аллаха, — со сдержанной печалью ответил Зелимхан. — Но такой смерти можно позавидовать: они пали не даром, каждый из них дважды отомстил за себя.

— Да, — задумчиво произнес старик, — будут помнить беноевцы, как нападать на абреков, — затем он обернулся к Зелимхану и озабоченно спросил: — Ты чем-то встревожен? Возьми, покушай, — и крикнул сыну: — Яраги! Поддай Зелимхану горячего бульона.

— Баркалла, Зока, я не голоден, — сказал харачоевец и, обращаясь к Аюбу, спросил: — До вас с Саламбеком никакие тревожные вести не доходили?

— Нет, а что? — Аюб поднял глаза на своего обожаемого вожака.

Вошел Яраги в коротком латаном бешмете из темной бумазеи. Он поставил перед Зелимханом чашку с бульоном и тут же вышел.

— Да вот, говорят, будто Бек Сараев собирается откапывать наших покойников. Хочет меня среди них поискать, — сказал Зелимхан.

— Что это ты говоришь? — воскликнул старый пастух, опуская чашку с недопитым бульоном. — Неужто они бога не боятся?

— Когда им что нужно, они и бога обходят стороной, Зока, — вставил Зелимхан. — Уж это я знаю хорошо.

— Да это же не видано — откапывать покойников, — вмешался Аюб. — Надо им в этом помешать.

— Как? — спросил харачоевец. — Вчера ночью я хотел сам лично пойти к полковнику и доказать ему, что я жив... Но не удалось.

— Напиши ему бумагу, — сказал Зока, — да напиши обязательно, что по нашим законам — это большой грех, что будет плохо, если он такое разрешит Сараеву.

— Верно говоришь, — согласился Зелимхан. — Аюб, возьми бумагу и карандаш, напишем полковнику.

Аюб достал из своей дорожной сумки папку с чистой бумагой, пузырек с синими чернилами и деревянную ручку с обломанным концом. Он почистил кончик пера о штаны и уселся поудобнее, пристроив папку с чистым листом бумаги на колене.

— Пиши, — сказал Зелимхан. — «Эй, полковник, эту бумагу посылает вам харачоевский Зелимхан, которого вы записали в мертвые».

Аюб прикусил нижнюю губу и, склонив красивую голову набок, начал писать.

— Пиши ему, — продолжал харачоевец, — что я остался жить, чтобы посылать под землю тех, кто нарушает законы, кто обижает бедных и мешает людям спокойно жить. И если позволит полковник трогать мертвых, которые спокойно лежат в земле, если не перестанет издеваться над невинными, то и сам он отправится туда, под землю.

Перестав писать, Аюб молча поднял голову и спросил:

— А надо ли так, Зелимхан?

— Конечно, надо! Пиши, пиши, — усмехнулся абрек и гневным голосом продолжал диктовать: — «Если вы, полковник, не хотите быть мертвым, верните арестованных вами людей в их дома, к семьям и смотрите на них милостивыми глазами. Да еще прикажите своим войскам, если уж они такие храбрые, пусть преследуют меня и оставят в покое женщин и детей».

Зелимхан опустил голову и, немного подумав, сказал:

— Добавь еще: «Хорошенько почитайте эту бумагу, господин полковник, и подумайте. Я найду вас в любом месте, куда бы вы ни спрятались. Это пишет абрек Зелимхан».

Закончив диктовать письмо, харачоевец молча обернулся к старику, словно желая спросить: «Ну как?»

— Правильно написал ты полковнику, — сказал старик. — Только добавь еще, что он грязная свинья.

— Нет, этого не надо писать, — возразил Зелимхан, немного подумав. — Этот полковник из горцев-осетин, он, наверное, не ест свинину.

— Ну, тогда напиши, что он дурной осел, — не унимался сердитый старик. — Кто же, как не осел, может придумать трогать мертвых?

Отправив Аюба с письмом в Шали с тем, чтобы оттуда его доставили в Ведено, к полковнику Гулаеву, Зелимхан собрался было пойти пасти овец, но тут неожиданно явился Саламбек с выкупом, который он получил за Месяцева.

Три абрека, старый и двое молодых, уселись в тесной каморке пастуха. Перед ними лежал мешок с деньгами.

— Что ж, значит, в Турцию поедете? — спросил Зока, пристально глядя в глаза Зелимхану.

Саламбек сидел, мрачно потупившись. Зелимхан, несмотря на свою молодость, был главным, и все зависело от его слова. Наступило короткое молчание.

— Нет, — сказал наконец харачоевец, — в Турцию мы не поедем. Там нас никто не ждет. Лучше уж, если придется, умрем у себя на

родине... А с деньгами поступим так: пусть каждый из нас возьмет понемногу на нужды своей семьи, остальное же раздадим сиротам и тем, чьи дома разрушили веденские начальники.

Саламбек с наслаждением сбросил с плеч серую поношенную черкеску, стянул пыльные мяхси и лег у ног спящего Зоки. Закинув за голову большие жилистые руки, он лежал на покрытом войлоком полу и молча глядел на черный от копоти низкий потолок. Дверь приоткрылась, и в комнату вошел Яраги. Он поставил около постели отца кумган с холодной родниковой водой, тихо спросил у гостя, не нужно ли ему чего, и вышел.

Несмотря на сильную усталость, Саламбек долго не мог заснуть. Он слышал, как старик время от времени переворачивался с боку на бок, громко вздыхал во сне. На минуту Саламбек задремал, но вздрогнул и тут же проснулся. Не то стон, не то вопль жены звучал в его ушах. Приподнявшись с постели, он прислушался. Было тихо. Свежий ветер, дувший с гор, проникал в комнатку через разбитое окно и щели ветхой двери.

«Показалось», — подумал он, зевнул и, томимый сном, снова лег на войлок. Но абрек знал: ничто ему не почудилось, ему просто вспомнилось.

...Саламбек никогда не надеялся на милость начальника Терской области генерала Михеева или белого царя. Он знал, что этот генерал хочет жестоко наказать его. Но все же после разговора с женой Фатимой, которая приходила к нему два дня назад в Бамутский лес по просьбе стариков-сагопшинцев, абрек серьезно задумался.

Фатима передала ему тогда, что прислали ее старики, а их, дескать, вызвал генерал и приказал им выдать его, Саламбека, властям. В противном случае, сказал им генерал, он от села Сагопши не оставит камня на камне, а всех жителей его сошлет в Сибирь. На размышления было дано пять дней.

— Подумай сама, ну как я могу, словно глупый баран, покорно отправиться на убой? — объяснял абрек жене.

— Нет, не говори так, они не убьют тебя, они сжалятся над нашими детьми, надо мною, — уверяла Фатима со слезами на глазах. — Сошлют тебя в Сибирь, а я с детьми поеду за тобой.

— Конечно, не убьют! — горько усмехнулся Саламбек. Его большие брови тревожно задвигались. — Просто повесят на веревке, и дело с концом!

Фатима не могла поверить в такую жестокость генерала. «За что, ну за что, — думала женщина, — он, генерал, будет вешать Саламбека — отца ее маленьких детей?»

— Нет, — сказала она вслух, — генерал дал слово старикам, что не позволит судьям повесить тебя.

— Генерал?.. — Саламбек покачал своей рыжей головой. — Ты плохо знаешь этих генералов.

— Как может генерал нарушить свое слово? — возражала Фатима и смотрела на мужа умоляющими глазами. — Нет, Саламбек, людям надо верить.

— Людям — да, — вздохнул сагопшинец, — но не генералу Михееву...

— Нет, этого не может быть, нет! — со стоном воскликнула тогда жена...

Саламбек поднял голову. Ему казалось, что он еще слышит этот стон, но это стонал Зока. На людях пастух обычно никак не обнаруживал, что рана еще причиняет ему страдания. Сейчас же он думал, что его никто не слышит.

Саламбек опять лег, но сон теперь совсем его покинул. Вдруг пришло твердое решение сейчас же поехать в Сагопши и подчиниться воле односельчан. «Но что скажет Зелимхан? — подумал сагопшинец. — Ведь он же будет возражать, не позволит мне отдаться в руки врагов... Нет, лучше не говорить ему об этом! Скажу просто, что мне нужно поехать к семье».

* * *

Поздно вечером, проводив Саламбека, Зелимхан отправился в Эгиш-аул, куда тайно переселилась его семья. Выйдя из леса, он поднялся на невысокий бугор и при свете луны заметил две осторожные тени, двигавшиеся по краю оврага. Это были волки.

«Куда они? Видно, тоже к аулу, на добычу», — подумал Зелимхан. Волки подошли ближе и замерли, то ли удивленные, то ли испуганные неожиданной встречей с человеком. Они долго стояли так, неподвижные, как изваяния, слегка посеребренные светом луны. Самец — худой, высокий, со впалыми боками, и самка — пониже ростом, с большими, светящимися в темноте глазами. Казалось, они не знают, куда им податься. Через некоторое время к ним присоединились еще две пары. Потом все они начали выть. Сначала протяжно, на низких нотах, а потом все сильнее и выше.

Хотя Зелимхан с детства привык к этому душераздирающему вою, все же каждый раз он вызывал в нем смертную тоску и тревогу. «Волки воют оттого, что голодны, — думал он, — значит, и для них времена эти не легкие...»

Харачоевец решил было перестрелять волков, но пожалел патроны, а главное — не хотел он нарушать тишину ночи.

Затем, почему-то перестав выть, волки внезапно повернули назад и бесшумно направились к лесу, унося на щетинистых спинах отсветы лунного серебра...

Зелимхан снова тронулся в путь. На душе у него было беспокойно. Станным ему казался неожиданный вечерний отъезд Саламбека. Еще за какие-нибудь два часа до отъезда сагопшинец ни словом не обмолвился о своем намерении, будто у него и в мыслях не было этого... Да и вся природа сейчас вокруг Зелимхана словно взывала к настороженности. Стояла такая тишина, что казалось, и земля, и деревья, и редкие звезды на небе прислушивались к его шагам и мыслям.

Абрек вошел в спящий аул, над которым висел удушливый, тяжелый запах. Его приносил ветер от трупов собак и других домашних животных, недавно павших от мора и сваленных тут же, за аулом.

Зелимхан тихо постучал в закрытые ставни домика, стоявшего в густом лесу. Через некоторое время он повторил стук. Вышла Бици в темной одежде. Пропустив мужа вперед, она тоже вошла в комнату и плотно закрыла за собой дверь.

В маленьком окошке, прорубленном в стене, которая разделяла помещение на две комнаты, горела коптилка, освещающая обе комнаты сразу, но так тускло, что харачоевец едва мог различить черты лица своей жены. Он снял с себя оружие и усталый, будто пришел с поля после трудной работы, тяжело опустился на деревянные нары, покрытые ветхими матами из камыша.

— Где нана^[10]? — спросил он прежде всего.

— Она не послушалась меня и легла в саду, — отвечала жена виноватым голосом. — Только странно мне, как она не услышала, что ты пришел!

— Зачем ты разрешила ей лечь на улице?

— Не слушается она. Все поджидала тебя, вот и осталась спать там.

— На дворе прохладно, а она и без того больна, — в тоне Зелимхана были забота и нежность.

— Да разве ее убедишь в чем-нибудь... Она бы и в горы пошла за тобой, да вот, к счастью, не знает туда дорогу.

Зелимхан молчал.

— Все здесь спрашивают, верно ли, что тебя похоронили вместе с Гушой, — сказала Бици, разжигая огонь в печке.

— А ты что отвечаешь?

— Говорю всем, что да, верно.

— Не надо, — сказал Зелимхан мрачно. — Говори всем, что я живой и на свободе.

— Зачем? — удивилась жена. — Может быть, нас хоть ненадолго оставят в покое.

— Нет, не будет покоя ни вам, ни мне. И мертвым теперь покоя нет! Веденские начальники собираются раскопать могилы наших погибших, чтобы узнать, есть ли я среди них.

— О аллах! — только и могла вымолвить Бици. Она поставила перед мужем блюдо с едой.

Абрек с аппетитом поел ароматного отварного мяса с галушками и запил все это двумя глотками еще горячей чорпы. Потом, помрачнев, спросил:

— А дети ели?

— Только что накормила и уложила их спать, — ответила Бици. — Муги все спрашивает: где дада, почему он так долго не приходит домой?

Зелимхан не ответил. Он встал, подошел к спящему сыну и, пряча под усами улыбку, положил голову на подушку, где покоилась головка ребенка. Он смотрел на сына с нежностью, чутко прислушиваясь, не раздастся ли за окном какой-нибудь подозрительный шум. Потом послал Бици за матерью.

Маленький Муги проснулся и, ухватившись за борт отцовского бешмета, прижался к его груди. Приласкав его, отец тихо сказал:

— Когда же ты вырастешь и станешь помогать отцу?

— Я уже большой, дада, дай мне только вот это ружье, — тараща сонные глаза, мальчик ухватился за рукоять револьвера, торчащего из-за пояса отца.

— Дам, обязательно дам его тебе, — отвечал Зелимхан, а сам подумал: «Не дай аллах, чтобы ты, получив оружие, пошел по моим следам».

Вошла мать. Зелимхан, быстро вскочив, тепло обнял ее и усадил справа от себя.

— Ну как, мама, поживаешь? Есть еще силы? — спросил он старуху, стараясь подбодрить ее.

— Слава аллаху! — отвечала мать. — Не смею, сын мой, противиться его воле. Он вознаградил меня терпением.

Старая Хурмат говорила все это очень спокойно, хотя душа ее надрывалась от боли. Так могут держаться лишь сильные духом люди.

— Все молюсь, — продолжала она, — чтобы аллах помог тебе в трудную минуту. Я верю, мои молитвы дойдут до него и он поможет тебе.

— Баркалла, мама, обязательно дойдут и помогут. Ты видишь, что пока мне сопутствуют одни лишь удачи, — отвечал ей сын.

Бици все возилась у печки, украдкой поглядывая на мужа, и взгляд ее был полон нежности и любви. Ее обычно печальное лицо, на котором уже давно не высыхали слезы, сейчас светилось улыбкой радости. Но это счастье ее было так мимолетно, так много боли и страдания ожидало ее впереди.

— Благодари аллаха, Зелимхан, он милостив, — поучала мать сына.

— Я и так стараюсь, мама, — отвечал он.

— Да продлит он тебе жизнь, хотя бы ради вот этих маленьких, — и старуха погладила спящих девочек.

— Ну вот, а теперь я пойду и усну спокойно, — поднялась она. — Отдохните и вы.

Выйдя из дома, Хурмат не ложилась. Она сидела во дворе, прислушиваясь к ночным шорохам, и встретила сына тут же, на пороге дома.

— Ты уходишь? — спросила она, словно собираясь этим вопросом остановить его, удержать.

— Да, мама.

— Неужто не удастся хоть немного пожить спокойно?

— Нет, мама, мне этого не дано.

— Чего же ты хочешь добиться еще?

— Правды.

— Сын мой, ее же нет нигде, — сказала мать.

— А я найду, — ответил сын.

Старуха задумалась, потом спросила:

— Но ведь ты же один, разве может один человек идти против целого света?

Некоторое время они стояли молча.

— Я не могу иначе, мама, — сказал наконец Зелимхан. — Все люди делятся на две части: одни — это богатые и сильные, другие — слабые и бедные. Богатые и сильные грабят и обижают слабых и бедных. А я не

граблю, я только отбираю у богатых награбленное ими и возвращаю это богатство его хозяевам — беднякам.

Мать стояла молча, стараясь заглянуть ему в глаза.

— Может быть, тебе стоит написать письмо белому царю? — сказала она вдруг.

Сын только пожал плечами.

В этот момент из дома вышла Бици. Зелимхан обнял мать и взглядом простился с женой.

— Я ухожу, — сказал он, — но всем необходимо уехать отсюда. Когда в крепости получат мое письмо и узнают, что я жив, они обрушат на вас, как на самых моих близких, всю свою ярость. Теперь в безопасности вы сможете жить лишь в лесу. Перебирайтесь туда завтра же.

— Хорошо, — покорно сказала Бици, хотя слезы стояли в ее глазах. Но мать только покачала головой.

— Никуда я отсюда не уйду. Стара я, чтобы жить в лесу, — проговорила она тихо.

А Зелимхан уже не мог слышать ее слов: бесшумной походкой он шагнул к лесу, и луна, уже спустившаяся к самому горизонту, обдавала его серебром, как тех волков, что он встретил в начале ночи.

Получив письмо Зелимхана, Гулаев рассвирепел. Он начал с того, что приказал вновь арестовать семью абрека. Но Бици и Зезаг с детьми скрылись в Даргинском лесу. В крепость доставили мать знаменитого харачоевца. Ее всячески пытали, требуя назвать им местонахождение сына. Но старуха не промолвила ни слова, и ее отпустили, так как не было смысла держать ее под стражей.

Затем полковник дал нагоняй приставу Сараеву, а старшину Харачоя Адода отстранил от должности за обман. В своем донесении генералу Михееву, где он опровергал свое же собственное сообщение о гибели Зелимхана, он так и писал: «Снял с должности и наказал старшину за ложное донесение». Но продержав Адода месяц в опале, он вновь назначил его старшиной, получив от него через Сараева крупную сумму денег и два десятка баранов.

— Никакой пощады этим азиатам! — кричал азиат в русском офицерском мундире — полковник Гулаев. — Я хорошо знаю этих мерзавцев. Плетку и пулю — вот все, что им следует дать.

И опять начал ссылать и казнить невинных людей как «сподвижников Зелимхана». А в своих донесениях к генералу он писал: «Все грабежи и убийства во вверенном мне крае совершает разбойник Зелимхан». Просил генерала расширить его чрезвычайные полномочия в округе.

«Эх, полковник, вспомните, куда ушел Дубов! — писал Зелимхан в своем новом письме к Гулаеву. — Не мучайте людей, а не то придется вам платить за их слезы своей кровью».

То, что Зелимхан до сих пор жив, начальник Веденского округа рассматривал как особую вину чеченцев.

— Надули меня, подлецы, но я заставлю вас плакать, — грозился Гулаев. Он арестовал десяток семей, которые хоть как-то были связаны с Зелимханом, и всех сослал в Иркутскую губернию. Затем посадил в тюрьму дышни-веденского абрека Мехки, который уже давно вернулся к мирной жизни.

Зелимхан в специально написанном письме уверял полковника, что Мехки не причастен к его делам, он никогда не совершал ничего, что имело бы хоть какое-то отношение к делам харачоевца, никогда не советовался и не встречался с ним. И все же начальник округа велел

повесить Мехки-абрека, предав его военно-полевому суду «за участие с Зелимханом в убийстве дорожного десятника Турченко», которого Мехки действительно убил много лет назад за присвоение зарплаты рабочих, но один на один, без чьей-либо помощи.

* * *

В марте 1909 года приказом генерала Михеева по Терской области был создан специальный карательный отряд для «спешного искоренения зелимхановщины в Чечне».

Назначенный командиром этого отряда подполковник Вербицкий в инструкции, составленной им для своих головорезов, требовал «стрелять в висок или в бровь разбойника». Затем Вербицкий обратился с личным письмом к Зелимхану.

«Ты, Зелимхан, — писал он абреку, — имя твое известно всей России, но слава твоя скверная. Ты убил много людей, но из-за куста, прячась в камнях, как ядовитая змея, которая боится, что человек раздавит ей голову каблуком своего сапога. А теперь ты просишь пощады, как паршивая собака. Ответ тебе один: твоя смерть. Но я знаю, что весь чеченский народ смотрит на тебя как на мужчину, и я, подполковник Вербицкий, предоставлю тебе случай смыть с себя пятно бесчестия. И если ты действительно носишь штаны, а не женские шаровары, ты должен принять мой вызов.

Назначь время, место и укажи по совести, если она у тебя еще есть, число твоих товарищей, и я явлюсь туда с таким же числом своих людей, чтобы сразиться с тобой. Даю тебе слово русского офицера, что свято исполню предложенные тобой условия. Но если ты не выйдешь на открытый бой, я все равно тебя найду, и тогда уже пощады не жди и бейся до конца, чтобы не быть повешенным.

Докажи же, Зелимхан, — заканчивая письмо, писал Вербицкий, — что ты мужчина из доблестного чеченского племени, а не трусливая баба. Напиши мне, подполковнику Вербицкому, в город Владикавказ».

Зелимхан, когда ему прочитали письмо Вербицкого, долго раздумывал, не зная, как поступить. Он просто не верил в такую возможность свести счеты с царским подполковником, который был уже известен своими злодеяниями против горцев. И все же знаменитый абрек ответил Вербицкому и согласился на поединок, но один на один. Назначил время и место — на открытом поле около Ведено.

Пришел Зелимхан на веденское поле один, точно в назначенное время, никого там не обнаружил. Он решил, что подполковник просто

обманул его, но вдруг из леса показались солдаты. Они шли цепью, с ружьями наперевес, готовые дать залп. Самого Вербицкого не было видно.

— Эх ты, негодяй, — вырвалось у Зелимхана, — а еще давал слово русского офицера!

Абрек отлично знал эту местность. Он мгновенно прилег и, скрываясь за низким кустарником, дополз до извилистого оврага, который вывел его в лес. Солдаты же долго не могли понять, куда делся горец, только что стоявший перед ними как мишень...

* * *

Войти в крепость Ведено в ночное время теперь было невозможно. Выходить за стены крепости также стало небезопасно для чиновников. Хмурые отроги гор и близкий лес грозили смертью каждому неосторожному: оттуда мог грянуть неожиданный выстрел, могли вихрем налететь абреки и, зааркавив пленного, так же быстро умчаться обратно в горы. Да и в самой крепости все выглядело мирным лишь до вечерней зари. С наступлением сумерек ворота крепости наглухо запирались, а хозяева спускали цепных собак, У ворот и на башнях удваивались караулы, и долгое протяжное «слу-у-ша-ай!» всю ночь несло со стен. Дежурный взвод солдат так и не ложился спать, готовый к боевой тревоге.

Офицеры, привыкшие к веселой и беззаботной жизни в своих имениях, тяготились скукой армейской жизни в крепости. Поэтому на самом крутом и высоком берегу реки Хулхулау на территории крепости с давних пор был разбит парк и открыт ресторан. В парке под чинарами были построены беседки и расставлены скамейки. Скамейки стояли и у самого берега, чтобы можно было отсюда любоваться природой.

Ниже крепостной стены обрыв был утыкан железными кольями и обнесен колючей проволокой. Противоположный берег реки тоже был высок, а за ним открывался очаровательный пейзаж: альпийские луга вперемежку с лесом, увенчанные на горизонте высокими шапками гор.

Полковник Гулаев обычно выходил сюда отдохнуть. Он садился на самую крайнюю скамью и смотрел на зеркально чистые воды Хулхулау, на дальние леса и горы, над которыми ему еще предстояло укрепить свою власть...

Вот и сегодня этот вершитель судеб тысяч чеченцев, с сознанием своей власти над здешними людьми, пришел сюда. Пришел, чтобы после сытного завтрака немного погулять, прежде чем идти в душный кабинет

своего управления. Он сидел на той же крайней скамье у самого берега и думал о вчерашней неудачной вылазке Вербицкого против Зелимхана.

В нескольких шагах от полковника в почтительной позе, опершись о спинку скамейки, стоял адъютант. Иной раз своими разговорами он развлекал начальника.

— Мне рассказывали, ваше высокоблагородие, что версию о гибели Зелимхана сочинила какая-то баба из Харачоя, — сказал адъютант, заметив, что Гулаев явно скучает.

Полковник пожал плечами и продолжал молча курить.

— Немало способствовали распространению слуха и беноевцы, желая похвастаться, — адъютант деликатно пытался всячески уменьшить вину Адоды Элсанова, от которого ему тоже кое-что перепало.

— Да, опозорились мы с этим Зелимханом, — произнес наконец полковник, ни к кому не обращаясь. Затем, обернувшись к адъютанту, добавил: — А беноевцы мастера врать, это им недолго... — и он выпустил изо рта сине-голубую струйку дыма.

— Оказывается, когда беноевцы начали искать в лесу своего Буцуса, один из них увидел на месте боя труп человека, очень похожего на Зелимхана...

— Но как мог старшина Адод уверять нас, что видел Зелимхана мертвым собственными глазами! — перебил адъютанта полковник, возмущаясь так, словно впервые услышал об этой истории.

— Кто его знает? — пожал адъютант плечами. — Может, он просто поверил беноевцам.

— Тьфу, — сердито сплюнул Гулаев, — нашел кому верить. А скандал какой получился! До сих пор не могу объясниться с генералом по этому дурацкому случаю.

Внезапно раздался выстрел. Полковник быстро поднял голову и спросил:

— Что это? Не с нами ли играют эти шутки? — и, улыбнувшись, обернулся на выстрел.

Раздался второй выстрел, и пуля угодила полковнику в висок.

Адъютант заметался, не зная, что предпринять. Он в испуге схватил голову уже мертвого Гулаева и стал разглядывать рану. Потом опрометью бросился искать врага, хотя это было явно бесполезно.

Как потом выяснилось, Зелимхан ползком, прячась за деревья, подкрался к самому краю противоположного берега Хулхулау и выстрелил в полковника на расстоянии четырехсот шагов.

— И как тебе удалось попасть точно в висок с такого расстояния? — спрашивали абрека люди, мало верившие в такое чудо.

— Да ведь приказал же Вербицкий стрелять именно в висок, — шутил Зелимхан.

Итак, Зелимхан мог подвести черту: он сдержал все три клятвы, данные когда-то в грозненской тюрьме отцу: отобрал невесту Солтамурада и обесчестил старшину аула Махкеты, насильно выдавшего ее за своего сына, так что спесивый Говда вскоре после этого умер, не перенеся позора. Зелимхан убил сына харачоевского старшины Адода, отомстив Элсановым за кровь Бахоевых, пролитую при похищении Зезаг. Мало того, он смертью покарал полковника Дубова за все несправедливости, которые тот чинил против его семьи и близких. Правда, трусливый Чернов спасся от него бегством, но в представлении абрека для врага это был позор более страшный, чем физическое уничтожение. И, наконец, он убил Гулаева за издевательства над невинными людьми и тем самым прославился как защитник бедных и обездоленных.

И все же Зелимхан не достиг ни покоя, ни счастья, а главное — не приобрел желанной свободы. Наоборот, чем дальше, тем больше харачоевец чувствовал себя глубоко несчастным и завидовал убогим нищим, которые могли спокойно бродить по дорогам, просить милостыню. А тем, кто говорил ему, что он свободен, как вольный ветер, с горечью отвечал: «Пока нет веревки на шее...»

За каждой удачей абрека следовало какое-нибудь несчастье для его близких. А ведь он хотел покоя, который обеспечивается безопасностью семейного счастья и правом мирно трудиться. В этих тяжких раздумьях Зелимхан вспомнил совет матери написать императору, но внес в него существенную поправку: абрек обратился с письмом к председателю Государственной думы. Он подробно писал о причинах, побудивших его сделаться абреком. Жаловался, что на царской службе много нечестных людей, что они не дают спокойно жить слабым и бедным. «Я знаю, вернуться к мирной жизни мне теперь невозможно, — писал он с болью на душе. — Пощады и милости я тоже не жду ни от кого. Но для меня было бы большим нравственным удовлетворением, господин председатель, если бы народные представители поняли, что я не родился абреком, не родились абреками также мой отец, брат и другие товарищи».

Абрек просил, если не найдут возможным сделать его письмо предметом обсуждения народных представителей, отдать его в какой-нибудь печатный орган для обнародования.

Нет, письмо Зелимхана не стало предметом обсуждения народных представителей, не было оно и опубликовано в газете. Но зато вслед за Вербицким сам генерал Михеев разразился в печати оскорбительными упреками в адрес харачоевца.

«Мне известно и без указаний Зелимхана, — писал генерал, — что на царскую службу иногда попадают люди нехорошие, с порочными и противными духу закона наклонностями... Пусть Зелимхан знает, — продолжал он, — что я, как представитель закона и порядка в области, считаю его, Зелимхана, самым крупным нарушителем закона, виновным перед богом и царем, а потому заслуживающим самую тяжелую кару».

Так ответил Зелимхану Михеев за народных представителей.

* * *

Зелимхан пришел навестить больную мать. Она лежала в доме дальних родственников Гушмазуко, где временно ютилась семья абрека.

Бици не было дома. Она ушла на реку, чтобы искупать детей и заодно собрать в лесу сухого валежника.

Зелимхан молча сидел у постели матери, не желая своими рассказами расстраивать ее.

Сегодня Хурмат стало еще хуже. За эти последние два дня она выпила лишь несколько глотков куриного бульона да чашку холодной воды, настоянной грушами. Сейчас, к вечеру, дыхание больной стало прерывистым и хриплым. Во всем доме стояла гулкая тишина, лишь изредка нарушаемая криком петуха во дворе, звавшего, как казалось Зелимхану, недоброго гостя.

— Скажи, не ответил ли тебе царь на письмо? — спросила мать.

Зелимхан сделал вид, что не слышал вопроса, и поспешил перевести разговор на другое.

— Нет, сынок, расскажи лучше, что царь ответил на твою бумагу? — перебила его Хурмат. Ее худая морщинистая рука с трудом дотянулась до его колена.

— До царя мое письмо, видно, не дошло, мама, — сказал он, — Мне ответил генерал Михеев.

— Ну и что? Расскажи...

— Хорошего мало, — ответил Зелимхан уклончиво, не желая расстраивать больную. — Говорит, что во всем виноват я сам. Их не тревожат наши беды. Наоборот: то, что плохо для нас, хорошо для них.

— Это я знаю, — мать подняла на него усталые глаза. — Скажи, собираются ли они помиловать тебя?

— Да, собираются, — иронически улыбнулся Зелимхан. — Только в том случае, если я соглашусь лечь под их топор.

— На то уж воля аллаха, — сказала Хурмат, немного подумав. — Он справедлив и не позволит им незаслуженно казнить тебя. Ведь ты вынужден был стать абреком.

Зелимхан молчал, подавленный тяжелыми мыслями. Ему не хотелось расстраивать больную мать. Да, он верил в аллаха и его предписания, но знал и другое: генерал Михеев в случае добровольной явки Зелимхана не станет советоваться с аллахом, вешать, ему или не вешать абрека.

— На то воля аллаха, сын мой, — повторила старуха после длительного молчания. — С его помощью ты должен искать пути примирения с властью.

— Какими же путями, мама? Я уже сказал вам, как на мою бумагу ответил генерал.

— Что бы генерал ни говорил, все равно надо искать мира, сын, мой, — перебила его старая женщина и глубоко вздохнула. — Подумай, ведь сколько было в Чечне абреков до тебя и никто из них не умер своею смертью. Недаром чеченцы говорят: «Никогда в мире не было села абреков». — Она вспомнила об убитом муже и, горестно вздыхая, добавила: — Ты должен понять, что всякая власть от аллаха.

Зелимхан знал этот догмат веры. Но раз аллах — справедливый судья, то и власть, поставленная им, должна быть справедливой.

— Власть белого царя несправедлива, — ответил Зелимхан, — а потому она не от аллаха.

— Нет, сынок, все равно от аллаха, — настаивала мать. — А за несправедливые дела аллах накажет белого царя.

Зелимхан долго сидел молча. Какие мысли бродили в его голове и хмурили его брови? Что это было — обида на свою безрадостную, разбитую жизнь или, быть может, сожаление, что действительно нет на свете села абреков, где они могли бы трудиться в безопасности? Но вот, словно очнувшись ото сна, он поднял голову и посмотрел на мать. Зелимхан увидел ее закатившиеся глаза.

Кровь отхлынула от лица этого мужественного человека, холодный озноб прошиб все его тело, он с трудом глотнул воздух.

— Мама... Мама! — крикнул он, как кричал в детстве, когда ему становилось страшно. Но мать уже не слышала сына.

— Я син вал корья ниль хаким, — тихо, протяжно произнес абрек слова отходной молитвы. Его тяжелая, жилистая рука опустилась на

холодеющий лоб Хурмат, и неловкие пальцы осторожно и нежно закрыли глаза скончавшейся матери.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

В сиянии взошедшей луны поблекли звезды, до этого ярко горевшие на иссиня-черном небе. У шумливой речки Баса, на самом краю пропасти, еле заметная среди камней, стояла знакомая нам хижина. На плоской крыше ее, поджав под себя босые ноги, на расстеленном старом тулупе после вечерней молитвы сидел старик Зока. Он сидел неподвижно. Рядом с ним стоял глиняный кувшин, в свете луны мерцающий темно-красной глазурью, а позади старика лежали высохшие, как кора, ичиги из бычьей сыромятной кожи.

Зока молчал. Молчали горы.

Старый пастух пристально всматривался в черные тени хорошо ему знакомых гор. Занятый своими мыслями, он и не заметил, как сумерки перешли в ночь. Тишина... Все живое будто уснуло. Только где-то далеко стрекотали кузнечики, их звонкий стрекот звучал тихо, как песня, напеваемая вполголоса. Зоркие глаза Зоки различали на фоне неба четкие контуры высоких башен — обиталища его далеких предков.

Со здоровьем теперь все было хорошо: рана зарубцевалась, прошли боли. Но не о себе тревожился сейчас старик. «Уж слишком много кровников у него, — думал он о Зелимхане. — А ведь сколько раз я говорил ему: не надо убивать чеченцев... А он в ответ все твердит: «Эти «свои» хуже чужих, Зока, они очень опасные люди. Мы им доверяемся, а они бьют нас в спину...» Пожалуй, прав Зелимхан, — продолжал размышлять старик. — Опасны эти люди...»

Конечно, он, Зока, тогда под Харачоем на глазах у многих людей обезоружил капитана Сараева, но его участие в сражении с беноевцами осталось неизвестным. Также никому не может прийти в голову, что старый пастух, мирно живущий в глуши горных долин, постоянно поддерживает связь со знаменитым абреком...

Размышления Зоки прервал топот копыт. Конь тяжело ступал по камням, взбираясь на кручу: кто-то поднимался по тропе, ведущей к дому.

Сердито залаяла собака. Зока поднялся. Он торопливо спустился с крыши и, прикрикнув на собаку, направился к воротам.

Старик уже собрался было сказать: «Зелимхан, да будет с миром твой приход», но его опередил чужой голос:

— Салам алейкум, хозяин, не примете ли вы дальнего гостя?

— Ва алейкум салам, — отвечал хозяин, — мы рады любому гостю. Заходите.

Гость спешил и, передавая узду хозяину, поздоровался с ним за руку. Из дома выбежал сын Зоки, он взял у отца повод коня и тоже приветствовал гостя.

Идя впереди, Зона открыл дверь и предложил гостю войти в дом. В комнате напротив двери горел камин. Над огнем на цепи висел чугунный котел. Ароматный запах свежей вареной баранины щекотал ноздри. Пар, поднимаясь над котлом, вместе с дымом уходил в дымоход. Справа, под окном, были разостланы войлочные подстилки, на которых лежали две подушки из замусоленного ситца, набитые свалявшейся шерстью; слева в углу на низкой ступеньке стояли большое деревянное блюдо, сито, глиняный кувшин с водой и чашки. Над камином на деревянных гвоздях висели куски вяленой баранины.

Справившись о здоровье гостя и его домашних, Зока спросил:

— По своей ли воле вы в наших краях?

— Назначили меня сюда, в соседнее село, писарем, — ответил гость, стараясь придать себе важную осанку.

— Писарем, говорите? — удивился старик, подвигая гостю подушку, чтобы тот уселся поудобнее.

— Да. А что?

Зока ответил не сразу.

— Писарь здесь очень важный человек, — сказал он серьезно. — Работа для него всегда найдется: одному прошение, другому письмо написать, да и всякую бумагу, что придет сюда, ему же читать приходится.

— А я вот отказался от этой должности и возвращаюсь назад, — гость оперся локтем о подушку и выжидательно посмотрел на хозяина: что, мол, он про это думает...

— Это как же, почему не согласились? — удивился Зока и потянулся за четками.

— Тут от скуки с ума сойти можно. Нет, не по мне служба в этих местах.

— Да, в наших краях невесело живет, — пастух, не глядя на гостя, слегка встряхнул свои четки. — Но работа эта выгодная, если, конечно, приноровиться к нашим людям.

— Это как же понять?

— А очень просто: не обижать их и уступать им в спорных случаях.

— А как быть с начальством? — спросил гость, прикидываясь непонимающим.

— С начальством?

— Да.

— А начальство наши люди не признают в таких случаях, — улыбнулся старик. — Они обходят его.

— О нет, я так не могу, — важно сказал гость и подмигнул Зоке своим единственным глазом.

— Ну тогда вы правильно поступили, что не согласились быть писарем в этих краях, а то это могло плохо кончиться. — Старик выдержал паузу и добавил: — Здесь у нас был такой печальный случай...

— Какой? Расскажите.

— Очень печальный случай, — ответил Зока и, взяв длинные щипцы, поправил огонь в камине. — Убили его.

— Кого?

— Писаря.

— За что?

— А кто его знает. Только помню, — продолжал пастух, — когда по этому случаю приехало сюда начальство, то и труп того писаря не могли найти.

— Так и не нашли? — приподнялся гость с подушки.

— Нет, нашли, только без головы. А когда спросили: «Где его голова?» — то ответили люди, что он и был безголовым. «Как же это так, сейчас же найдите мне его голову!» — потребовал тогда пристав. «Где же ее искать, господин пристав? — ответили горцы. — Была бы у него голова, он бы и не приехал сюда».

Юмор старого пастуха не понравился Одноглазому. Хорошенькое это дело — оставить писаря без головы, хоть маленький, а начальник! В его представлении снять кому-нибудь голову было во власти именно начальников, перед которыми он неизменно раболепствовал до омерзения. Правда, омерзение испытывали другие, сам же Одноглазый его никогда не чувствовал и не знал, что это такое. Он бывал счастлив от малейшего поручения сильных и богатых, это было для него главной услугой. Еще издали он первым здоровался с любым начальником и, как трусливая собачонка, виляя задом, повторял приветствие погромче, если ему не отвечали. Когда же начальство допускало его до доверительного разговора, он даже наглед от радости.

Но сейчас Одноглазый всячески старался расположить к себе хозяина, хотя тот и не был начальником, и в его тоне зазвучали нотки

задушевности.

— Вот с Зелимханом они бы не посмели так поступить, — произнес он многозначительно. — Этот абрек и начальство в покое не оставляет, — потом помолчал с минуту и добавил: — Но вот мы, чеченцы, плохо поддерживаем героя.

Зока молчал. Он уже давно понял, что за человек перед ним, но тут вдруг вспомнил, что Зелимхан однажды упоминал о каком-то Одноглазом — известном воришке и доносчике. Пастух видел, что сейчас от него требуется особая осторожность.

— Да, говорят люди, есть такой абрек, — сказал он равнодушно.

— Как! Разве вы не знаете Зелимхана? — не на шутку удивился гость.

— Нет.

— И никогда не видели его?

— Ни разу. Слышать о нем слышал...

Было заметно, что это заявление старика серьезно озадачило Одноглазого. «И надо же, — подумал он, — приехать в такую даль и все впустую». А вслух сказал:

— Это тот самый харачоевский Зелимхан, который убил двух царских полковников, взял в плен Месяцева, обесчестил гордого старшину Говду. Его все знают. Говорят, он теперь обитает где-то в этих местах... Он немного мне родственник, — бросил Одноглазый как бы между прочим.

— О Зелимхане я, конечно, слышал, — холодно отвечал хозяин, — но разговоры о том, что он живет в наших местах, для меня новость. Думаю, что это просто ошибка, этого не может быть: здесь, в горах, каждый человек наперечет, и я все тут знаю.

Одноглазый сидел растерянный, не зная, продолжать ли разговор. Вдруг, словно осененный новой идеей, он спросил:

— А в этих краях есть старик по имени Зока?

— А как же, есть, конечно, — ответил пастух, — Зока — распространенное имя в горах. — Он улыбнулся в усы, но в глазах его не было ни искорки смеха. Заметив это, гость насторожился, единственный глаз его беспокойно забегал. Некоторое время гость сидел мрачный, будто проглотил кость, хотя хозяин проявлял по отношению к нему всю вежливость, которая требовалась горским этикетом.

Вошел юноша в коротком стеганом бешмете. Это был сын Зоки. Он принес гостю горячий жижиг-галныш с чесночным настоем.

Тихий летний ветерок шелестел в густых кронах чинар. В ярких лучах солнца порхали бабочки, воздух был напоен запахом нагретых трав и цветов. Вокруг стояла тишина. Зелимхан, в голове которого теснились тяжелые думы, не замечал царившего в природе спокойствия. Он, который был уверен, что физическим истреблением носителей зла можно уничтожить все зло на земле, впервые задумался над тем: так ли уж верен этот путь?

Внутренний голос говорил ему, что он подошел вплотную к какому-то мрачному прозрению. Вот-вот упадет завеса, и его глазам вновь откроется вся громада зла, царившего в мире, и его подвиги, его дерзкая храбрость окажутся бессильными.

Только теперь он начал понимать, какая невероятная тяжесть ложится на плечи того, кто пытается преобразить эту угрюмую и беспросветную жизнь людей. Он задумался над тем, что ведь и деды его сошли в могилу, так и не одолев и частицы существующего зла, вынужденные изворачиваться и даже воровать, чтобы не оставлять в голоде и нищете своих детей. Кто сможет все это изменить? Он один? Но под силу ли это одному человеку? Он вспомнил свои первые беседы с Зокой и другими пастухами, которые просили, чтобы он повел их за собой. Но куда ему вести их, если он сам не знает другого пути, кроме убийства?..

А рядом с этими большими мыслями внимание его занимали и сомнения мелкие, порожденные веками сложившимися предрассудками.

...Зелимхан с женщинами в лесу! Что скажут люди, услышав об этом? На мгновение его обожгло стыдом от этой мысли. Капли пота выступили у него на лбу, и, поднявшись, абрек вытер бронзовое от загара лицо полой старой черкески. Но лицо это все еще сохраняло суровое выражение, и в глазах горел упрямый огонь. Он выругал себя за то, что взялся абречить с женщинами и детьми, но тут же задумался: «А куда же им деться без меня? Раз уж взялся бороться до победы — надо все выдержать!»

Зелимхан огляделся вокруг, и в этом взгляде появилась тревога, как у раненого волка, спасающегося от нового удара. Его взгляд ухватил все детали этого странного обиталища абрека: дремучий лес, посередине луг, покрытый пожелтевшим ковылем, на котором играют его дети.словно

впервые здесь, вдали от людских глаз, почувствовав свободу, они резвились, с криками бегая вокруг Бици и Зезаг, которые сутились над котлом у очага. И гнев абрека постепенно угасал, сменяясь теплым чувством нежности.

Вот и сбылась мечта Бици — быть постоянно с мужем. Она жила с ним в лесу, без крова и уюта, но для нее здесь было все: и кров, и уют. От этой новой жизни она распрямилась, помолодела, почувствовала такой прилив сил, что могла трудиться целыми днями, не зная усталости. Она посвятила себя мужу и детям: хлопотала по кочевому хозяйству абрека, приобрела для детей корову, ходила в лес собирать ягоды и сухие дрова, латала потрепанную одежду и находила во всем этом радость. Жизнь мужа, полная романтики и опасных приключений, опрокинула все привычные представления о быте женщины. Бици спокойно слушала рассказы Зелимхана об опасностях, и ее собственная жизнь уже казалась ей чем-то иным, не тем, чем нужно дорожить, наоборот, ее можно легко отдать, раз ее муж без малейшего трепета каждодневно рискует жизнью.

Сложнее было самочувствие Зезаг. Она всегда терялась при разговоре с Зелимханом. Этот человек, о котором шла такая грозная слава, пугал ее, и в то же время ей было радостно, что именно он, с его беспокойной и опасной жизнью, такой ей близкий и родной. Она знала, что ей, красивой и молодой женщине, нет более надежной опоры и защиты на земле. Она жила с этой неизменной верой, считая себя обязанной почитать его как святыню хотя бы потому, что встал он на опасный путь абрека из-за ее любви к Солтамураду.

Прошли годы, много тяжелого увидела Зезаг за это время и еще больше пережила, но юношеская любовь к Солтамураду никогда не остывала в ней. Она прочно хранила это чувство в своем сердце как глубокую и нежную тайну, никогда ни с кем не делясь своими переживаниями. Совсем недолгой оказалась ее жизнь с Солтамурадом, но у нее остался сын, и ему отдавала молодая женщина всю свою неистраченную нежность.

Между тем Зелимхан подошел к сыну и затеял с ним игру в прятки. Счастливый вниманием отца, Муги играл с азартом. Он стоял с закрытыми глазами, ожидая, пока отец спрячется.

— Дада, ты уже спрятался? — кричал он, приоткрывая глаза.

А Зелимхан, перебегая с места на место, пел, подражая удоду: «Хут-хут, хут-хут», и снова прятался.

Эта детская радость доставляла такие светлые минуты абреку, каких уже давно он не испытывал. Он забыл обо всем на свете и даже не

заметил появившегося на поляне Зоку.

— Вот кого, оказывается, ты готовишь в свой отряд, — весело окликнул его старик, сбрасывая с плеч тяжелую ношу.

— А-а, да будет с миром твой приход, Зока. Прости, я вспомнил свое детство...

— Это ничего, — отозвался Зока, — но объясни, зачем ты просил принести ружья? Для них, что ли? — он указал на детей.

— Нет. Имеются у меня другие помощники, которых надо научить защищаться, — улыбнулся абрек, — а этим еще рано доверять оружие.

— Кто они такие, твои помощники? — Зока поглядел вокруг.

— Бици! Зезаг! — позвал Зелимхан женщин, хлопотавших у костра.
— Идите сюда обе!

Подошедшие женщины почтительно приветствовали старого пастуха, справились о здоровье его и его близких. Затем Зелимхан торжественно вручил берданку своего отца Бици, а ружье Солтамурада — Зезаг.

— Возьмите, — сказал грозный харачоевец. — Не годится, когда жены абреков умеют только доить коров да месить чурек. Пора вам научиться метко стрелять, ловко защищаться кинжалом, хорошо ездить верхом.

Взяв ружье, Зезаг скромно отошла в сторону, а Бици с веселой улыбкой спросила:

— Ты нас сейчас будешь учить стрелять из них?

— Это потом, а пока дайте нам поесть, — махнул рукой Зелимхан.

Они уселись под старой грушей у самого берега реки. Несмотря на жаркий день, старик был в стеганом байковом бешмете, надетом поверх ситцевой рубашки. Он положил свою черную мохнатую папаху на колени, устраиваясь поудобнее на теплой земле.

— Вчера хотел было со всем своим табором заехать к тебе, — сказал Зелимхан, кивком головы показав на женщин и детей, собравшихся у костра.

— Ну и что? Почему же не заехал?

— Да так, не хотел тревожить тебя. Я и без того уже много виноват перед твоим домом...

— Зачем так говоришь? — перебил его старик с явной обидой в голосе. — Я ведь не для того дружу с тобой, чтобы отвернуться в черный день.

— Баркалла, Зока, я это знаю. Но вот все время казню себя за хлопоты, которые причиняю людям.

— Какие же это хлопоты, Зелимхан? Валлайги, ^[11] мой дом — всегда твой дом. Так ведь мы с тобой договорились?

— Так, конечно, но...

— И никаких «но», — снова перебил его старик, — будешь со мной об этом говорить — обижусь. Понял?

— Понял, — ответил Зелимхан, принимая из рук Зезаг глиняную чашку, наполненную жирным мясом.

— Вот так, — сказал старик после небольшой паузы. — А что не приехал ко мне вчера, так, пожалуй, это к лучшему. Вчера у меня был довольно странный гость. Твой знакомый.

— Кто же это? — спросил абрек, ставя блюдо с мясом перед стариком.

— Да тот самый Одноглазый, о котором ты мне рассказывал.

— Да что ты говоришь?! Одноглазый навещал тебя?

— Да.

— И что же ему понадобилось?

— Рассказывал, будто его назначили писарем в соседний аул, а он отказался и, возвращаясь в Ведено, заглянул по пути ко мне.

— Обо мне, разумеется, спрашивал?

— А как же. Очень хвалил тебя, говорил даже, что ты ему родственник, — чуть заметно усмехнувшись, сказал старик. — Упрекал нас, мол, плохо поддерживаем тебя.

— Понимаю, — сказал Зелимхан, немного подумав. — Никакой, конечно, он мне не родственник, но дело не в том. Видно, веденское начальство пронюхало, что я где-то в этих горах, вот они и послали этого подлеца проверить, а по возможности и выяснить, за кем установить слежку, чтобы выйти на мой след.

— Я тоже догадывался, что здесь нечисто... — сказал старик, выбирая не слишком жирный кусок мяса. — А потому я сказал ему, что хоть и слышал об абреке Зелимхане, но никогда не видел его.

— Вот оно как! — вздохнул харачоевец. Он ел медленно и мало, подкладывая все лучшие куски гостю.

— Кстати, скажи мне, — поинтересовался Зока, — он действительно такой грамотей, что может работать писарем?

— К сожалению, может, — ответил Зелимхан. — Да ты, наверное, знал веденского купца Кюри?

— Знал, конечно.

— Так это его сын Багал, по прозвищу Одноглазый. При жизни отца он успел выучить русскую грамоту, а после его смерти, промотав все свое

состояние, стал служить тому, у кого есть чин, а главное — деньги, — абрек сокрушенно покачал головой. — Эх, и многих же заставил поплакать его грязный язык!

Когда с едой было покопчено, оба мужчины некоторое время молчали. Каждый думал о своем. На лице старика застыло выражение сосредоточенности, его глубоко сидящие глаза слегка сузились и подернулись грустью. Он что-то хотел сказать, но Зелимхан опередил его:

— Вот ты говоришь, собери побольше людей, организуй отряд, — он посмотрел на старика, — а вдруг в наш отряд проникнет вот такой, как этот Одноглазый?

— Ну и что? — не понял Зока.

— Да он всех нас тут же и продаст, — ответил абрек, глядя на старого пастуха с тревогой, словно это предательство уже свершилось. — И пропадешь ни за грош...

— Плохие люди везде бывают, — вздохнул старик. — Надо только вовремя разгадать их замыслы.

— Нет, Зока, человека можно проверить только делом, а словам я не верю, — Зелимхан смотрел куда-то в сторону. — Вот, например, пришел ко мне недавно один и говорит: «Возьми меня, Зелимхан, в абреки». Я спрашиваю его: «С чего это ты вдруг решил на такое дело?» «Ненавижу, — говорит, — царских чиновников, все они сволочи да взяточники». «Неужто, — спрашиваю, — все сволочи?» «Все», — отвечает. «Ладно, — говорю ему, — вот и я знаю одну такую сволочь — шалинского пристава. Убей его и приходи тогда ко мне...»

— Ну и пришел?

— Нет, — Зелимхан пожал плечами и горько усмехнулся. — Да он и не собирался в абреки, подослали его или сам додумался моей головой купить благоволение начальства.

Оба умолкли, словно прислушиваясь к пению лесных птиц.

— Вот переправлю их в горы Галашек, — снова заговорил Зелимхан, кивнув в сторону женщин, — а сам буду кочевать. Ни одна собака не поспеет за мною, — он сделал небольшую паузу и продолжал: — А впрочем, завтра должен заехать к тебе Аюб, так передай ему, чтобы послал хабар^[12] нашим, пусть все соберутся в пятницу вечером в Чиллан-ирзе.

— Вот это дело! — сразу повеселел старик.

— Есть у меня один план, — сказал харачоевец. — Еще скажи Аюбу, чтобы он от моего имени написал письмо Вербицкому: «Жди меня, баба-атаман Вербицкий, в Кизляре». Пусть так и напишет: «баба-атаман».

Зока не стал расспрашивать о подробностях предстоящей затеи Зелимхана. Старик знал, что тот скуп на слова, когда речь идет о деле, которое еще не сделано, а потому просто сказал:

— Хорошо. Все будем в сборе.

В эту минуту где-то совсем рядом раздался выстрел. Оба вскочили и метнулись в сторону, где лежало их оружие.

— Тьфу ты, черт! — выругался Зелимхан, увидев Бици, которая с ружьем в руках направлялась к бревну, чтобы проверить, попала ли она в цель. Муги вертелся рядом с матерью и, тыкая пальцем в бревно, пытался что-то доказать ей.

— Не ругай ты их, — попросил старик, — ты ведь сам дал им ружья, вот они и торопятся научиться стрелять. Идем, лучше поможем им.

Зелимхан поставил цель в ста шагах и сказал:

— А ну, Зезаг, покажи-ка нам, как ты угостишь пулей царского офицера.

Смущенная молодая женщина стояла, не зная, что ей делать. Тогда абрек взял ружье и показал ей, как надо прицеливаться. Потом, отойдя в сторону, скомандовал:

— Стреляй!

Зезаг выстрелила один, другой, третий раз, но все мимо цели. Не в пример ей, Бици стреляла хорошо.

— Напрасно тратишь патроны, — крикнул Зелимхану Зока. — Оставь Зезаг в покое, она не хочет стрелять.

— Нет, — упрямо процедил абрек, — ей надо обязательно научиться стрелять. Давай-ка еще раз! — приказал он. Но и на этот раз результат был неутешительным.

Издали наблюдая за происходящим, Зока запустил руку в карман латаных брюк и, вытащив оттуда красный кисет, извлек из него щепотку крепкого табака и листок печатной бумаги. Потом неторопливо скрутил папиросу и, ударив кресалом о кремь, закурил. Старик с наслаждением затягивался и медленно выпускал дым через ноздри.

Зелимхан все возился с Зезаг.

— А ну, прицелься без заряда, — сказал он, начиная сердиться. Внимательно присмотревшись к движениям Зезаг, абрек вытащил из кармана носовой платок и аккуратно завязал левый глаз невестки.

— Стреляй теперь, — проговорил он, не отходя далеко.

Из трех две пули Зезаг уложила в цель.

— Целься правым глазом, а левый закрывай, когда стреляешь, — сказал абрек. — Молодец!

— И надо же, — удивился Зока, покачав седой головой. — И надо же, — повторил он после небольшой паузы, — обучать женщин стрельбе. Такое только ты мог придумать.

— А разве это помешает им? — спросил харачоевец.

— Наоборот, — улыбнулся старик, — это очень хорошо. Я знаю, что в случае надобности они будут драться, как разъяренные волчицы.

Безымянное скопление домишек, затерявшихся в горах Галашек, все еще было погружено в сон, когда по крутой, ведущей туда тропинке медленно двигалось семейство Зелимхана. Звезды, изредка перемигиваясь, постепенно гасли на светлеющем небе. Утренний ветерок шелестел листьями.

Кони, на которых были навьючены скромные пожитки семьи абрека, шумно отфыркиваясь, с трудом преодолевали крутой подъем. Поверх вещей на одном из коней восседал Мути, на другом — Энисат с маленьким Лом-Али, сыном Зезаг. Остальные шли пешком.

Светало. Внешне Зелимхан держался спокойно, но в душе у него все бушевало от ярости. Из рассказов односельчан он узнал о новом налете отряда Вербицкого на аул Харачой, где каратели уничтожили посевы, угнали скот, а дома всех Бахоевых сожгли вновь.

Это сообщение больше всех огорчило Бици.

— Где же мы теперь будем жить, когда вернемся в Харачой?— растерянно спрашивала она.

Зелимхан горько улыбнулся наивности своей жены и сказал:

— Туда еще надо вернуться, моя дорогая.

* * *

Сырое пасмурное утро заглянуло в окна богатого особняка генерала Михеева. Но не от того настроение начальника Терской области было пасмурным. Вчера вечером генерал получил весьма неприятное письмо от наместника Кавказа. Поэтому встал сегодня Михеев хмурый, как туча, и, придя в свой рабочий кабинет, долго ходил из угла в угол медленными тяжелыми шагами. Затем подошел к большому окну, выходившему во двор, и остановился, заложив руки за спину.

Тяжелая завеса моросящего дождя закрывала горы, которые лишь угадывались на горизонте. Деревья стояли мокрые и жалкие, потерявшие всю свою красу за знойные летние месяцы. Несмотря на то, что был еще конец августа, листья пожелтели, и когда налетал ветер, многие из них срывались с веток и, покружившись в воздухе, ложились на землю.

Генерал любил осень. Листопад и оскудение лесов обычно вселяли в него новые надежды: абреки потеряют в лесах прочно скрытое от чужих глаз убежище, и ловить их будет значительно легче. А потому с тех пор,

как он стал начальником Терской области, скучный осенний период Михеев считал для себя лучшим временем года.

Картина, открывшаяся сейчас перед глазами начальника области, была уныла и неприглядна. У ворот на высоком столбе висел большой четырехугольник фонаря, маятником болтаясь на ветру. Неподалеку от него была расположена коновязь, вокруг которой кучами валялся конский навоз. Со вчерашнего дня птицы успели растащить его по всему двору.

— Мерзость какая! — в сердцах проворчал генерал и еще долго думал и о нерадивых дворниках, и о своих неприятностях по службе, и о скуке однообразных дней, и обо всем этом тревожном крае...

Потом он резко повернулся и подошел к письменному столу, брезгливо нажав пальцем на кнопку звонка.

Вошел дежурный офицер.

— Прикажете сейчас же убрать двор! — сказал генерал, повысив голос.

— Есть убрать двор, ваше превосходительство! — отчеканил уже немолодой офицер, вытянувшись в струнку.

— Вы что-то еще хотите мне сказать? — спросил Михеев, заметив, что офицер топчется на месте.

— Так точно, господин генерал.

— Говорите.

— Приехал начальник Веденского округа. Он просит принять его.

— Как, полковник Моргания? — удивился Михеев. — В такую рань?

— Так точно. Полковник Моргания.

«Зачем это он?.. Что там у них еще могло случиться?» — с тревогой подумал генерал, но тут же вспомнил, что сам приглашал полковника, и на душе у него сразу полегчало.

— Пусть войдет, — произнес Михеев зевая и устало опустился в мягкое кожаное кресло.

— Доброе утро, Спиридон Петрович, — с легким грузинским акцентом приветствовал Михеева тучный офицер, входя в кабинет.

— Здравствуйте, Арчил Таймазович, — приветливо откликнулся генерал и, поднявшись, пошел навстречу полковнику. — Ну, присаживайтесь, дорогой, — он указал на мягкое кресло, стоявшее около массивного письменного стола.

Немного помедлив, глядя на хозяина ласковыми восточными глазами, полковник сел.

— Когда прибыли? — спросил генерал, усаживаясь за стол.

— Сегодня ночью, ваше превосходительство, — ответил Моргания.

— Ну как, отдохнули с дороги?

— Спасибо.

— А я, признаться, очень плохо спал. Все неприятности, батенька, одни неприятности! — искренне жаловался Михеев.

— Не надо позволять себе так тревожиться, Спиридон Петрович, — сказал полковник тоном старого доброго врача. — Все равно кривых не исправить. Поберегите здоровье.

Генерал откашлялся, вытер платком губы и сказал:

— Не могу, милый друг, это уже привычка у меня, — он сделал паузу и продолжал: — Вижу, как все здесь сложно, трудно и запутано, но интересы государя-императора требуют конструктивного решения.

— Служить его императорскому величеству — счастье для всех нас, — полковник склонился в почтительном поклоне. И после небольшой паузы добавил: — Однако я напрасно заехал сюда.

— Это куда? — не понял генерал.

— Да в Чечню, — ответил тот. — Мне предлагали хорошее место в центре России.

— Что это вы, батенька, разве там спокойнее? — оборвал его генерал. — Оттуда только и сообщают о больших беспорядках, которые подогревают эти, как их, всякого рода социалисты.

Полковник молчал, словно сожалея, что сказал такое.

Генерал Михеев высоко ценил нового начальника Веденского округа. Юрист, окончивший университет, человек с тонким политическим нюхом, Морганя хорошо умел разобратся в местных условиях. В нем удачно сочетались ловкость, сила воли и готовность, не раздумывая, пустить в ход любые средства для достижения цели. Потому генерал с легким сердцем решил послать полковника в Ведено, в первую очередь для борьбы с Зелимханом.

— Ну, рассказывайте, что там у вас нового? Где сейчас скрывается наш главный разбойник?

— Нового? Да как вам сказать, Спиридон Петрович, особенно нового — ничего, — полковник еще не уловил, какого доклада ждет от него начальство.

Заметив уклончивость ответа, генерал махнул рукой:

— Рассказывайте все начистоту, Арчил Таймазович. Я уже давно привык ко всяким худым вестям. — Он вздохнул и добавил: — А добрые вести в этих краях редкость.

— Что касается Зелимхана, то он за последнее время нигде активно себя не проявляет, — начал полковник.

— Куда же еще больше, — перебил его Михеев. — Хватит и того, что он уже наделал.

— Да, — глубоко вздохнул полковник, — ужасно жалко Тархана Тудоевича.

— Хороший был человек, — покивал лысой головой генерал.

— Отличный человек, — подтвердил Моргания и, попросив разрешения, закурил. — Сообщают, Спиридон Петрович, что Зелимхан с семьей перебрался сюда, поближе к вам.

— Как к нам? Куда же это? — насторожился Михеев.

— Говорят, что сейчас он скрывается где-то в горах недалеко от Галашек. Но вряд ли задержится там надолго. Дело в том, что наши лазутчики узнали о его намерении в ближайшее время во главе крупной шайки напасть на город Кизляр.

— Ого! Вот что он задумал! А с какой целью? — генерал устремил на собеседника усталые, полные тревоги глаза.

— С какой целью? Разумеется, чтобы пограбить. Какие же другие цели могут быть у абрека?

— Это вы верно говорите, — согласился Михеев и, тяжело поднявшись, снова подошел к окну. Двор был уже чисто выметен. Дождь прекратился, и из-за гор показалось бледное солнце. Генерал медленно обернулся к полковнику и сказал:

— Арчил Таймазович, вчера я получил строжайшее предписание от его высокопревосходительства. Генерал предлагает нам в ближайшее время покончить с этими разбойниками, в противном случае грозитя доложить о нашей бездеятельности императору, — он снова вернулся к письменному столу, все так же тяжело опустился в кресло и, выдвинув средний ящик, взглянул на конверт с пятью сургучными печатями. В нем лежало пресловутое письмо наместника Кавказа, в котором сообщалось, что власть его, Михеева, в пределах Терской области пока что чисто номинальная, что было, прямо скажем, в высшей степени оскорбительно для самолюбивого Михеева.

Генерал закрыл ящик стола и спросил:

— Скажите мне, каковы ваши ближайшие планы против Зелимхана?

— Мои?

— Да, ваши.

— В пределах вверенного мне Веденского округа, — отвечал полковник, оглядывая свои холеные белые руки, — я не позволю разбойничать ни Зелимхану, ни его сподвижникам. Но, как вы успели заметить, абрек этот за последнее время расширил район своих

«подвигов» и в основном действует вне пределов моей компетенции. Примером тому может служить город Кизляр, расположенный далеко от моего округа. Я почтительно советую вашему превосходительству срочно уведомить подполковника Вербицкого о готовящемся налете абрека Зелимхана на Кизляр. Что еще? — Моргания сделал небольшую паузу. — Обещаю со своей стороны, насколько это будет возможно, помочь Вербицкому.

— Хорошо, — сказал генерал, — я сделаю то, что вы предлагаете. — Он тут же вызвал своего помощника по военным делам и велел ему тотчас дать Вербицкому зашифрованную телеграмму о готовящемся налете банды во главе с абреком Зелимханом на Кизляр. — Вот так, — сказал генерал, проводив глазами своего помощника. — Но, признаюсь, Арчил Таймазович, Кизляр меня не слишком тревожит, вряд ли Зелимхан полезет к Вербицкому.

— Видите ли, Спиридон Петрович, — заметил полковник, — абрек Зелимхан всегда появляется там, где мы его совсем не ждем, — Моргания многозначительно поглядел в глаза генералу и бросил окурок в серебряную пепельницу, стоявшую на краю стола.

— Если это так, — серьезно сказал Михеев, — надо только радоваться глупости Зелимхана. Вербицкий достаточно опытный и смелый офицер, и ему предоставляется прекрасная возможность захватить наконец этого знаменитого абрека. — Генерал достал из портсигара, лежащего на столе, папиросу, прикурил ее и продолжал: — Ладно, не будем гадать. Хорошо, что вы сообщили мне об этом, — он сильно затянулся и умолк, отгоняя от себя табачный дым. — Вот что, Арчил Таймазович, я хотел посоветоваться с вами еще по одному вопросу.

— Слушаю вас, Спиридон Петрович, — с готовностью откликнулся полковник.

Михеев придвинул к себе черную папку, лежавшую на краю стола, и начал:

— Сегодня я вызвал к себе всех старшин Назрановского округа, где вы долгое время служили, и мне нужен ваш опыт и знание тамошних людей. Начальник округа также будет здесь, но, как вы знаете, он там человек новый.

— Рад служить вам, — сказал Моргания.

— Так вот, — продолжал генерал, слегка ударив по столу своим тяжелым кулаком, — некоторое время тому назад по настоянию сагопшинских стариков явился с повинной их абрек Саламбек. Я, разумеется, собирался его повесить. Но неожиданно ко мне обратились

старшины некоторых аулов с просьбой ходатайствовать перед его императорским величеством о помиловании этого негодяя. Конечно, я не могу пойти на это. И вот сегодня я хочу поставить перед ними дилемму: или они выдадут мне этого Саламбека, или же я их самих сошлю в Сибирь.

— Я думаю, что расчет верный, Спиридон Петрович, — задумчиво отозвался полковник, — разумеется, они выдадут Саламбека.

— Конечно, — генерал улыбнулся, плотоядно блеснув золотыми зубами, словно был уже осуществлен его план. — Только страхом этих людей можно держать в узде, — и потушил папиросу о край массивной серебряной пепельницы.

— Что страх и голод единственные аргументы для горцев, это уже давно известно, — сказал полковник, подумав немного. — Но меня удивляет поведение старшин. До сих пор огромное большинство этих людей было верной опорой государственной власти в аулах. С чего это вдруг они поступают как защитники абрека и осмеливаются противостоять вам?

— Не исключаю, что ими могут двигать разные соображения, — генерал наклонился к Моргании. — Но в первую очередь ими владеет тот же страх. Просто ваш харачоевский Зелимхан широко оповестил жителей Назрановского округа, что будет жестоко мстить всем, кто допустит казнь этого разбойника Саламбека.

— Ну, тогда мне все понятно, — сказал полковник, опустив глаза. — А, кстати, ваше превосходительство, вы не могли бы припомнить, старшины каких аулов проявили в этом деле строптивость?

— Как же, разумеется, помню. Это старшины из сел Экажево, Нилхой, Галашки...

— Это ведь туда перебрался Зелимхан.

— Да, вы мне говорили...

— В связи с этим, Спиридон Петрович, у меня родилась одна мысль.

— Говорите.

— Было бы полезно послать в Галашки своего человека. Скажем, писарем. У меня есть подходящий на примете...

— Не возражаю, — кивнул головой Михеев. — Договоритесь об этом с начальником округа.

— Прекрасно! — улыбнулся Моргания. — Это будет для меня верный способ держать под контролем действия Зелимхана.

В эту минуту вошел дежурный офицер и доложил генералу, что старшины и другие вызванные им чиновники уже в сборе.

* * *

Генерал Михеев в сопровождении своих помощников, как военных, так и гражданских, а также начальника Назрановского округа князя Андрекова и полковника Моргании по широкой лестнице спустился на первый этаж и вошел в зал заседаний. Там все они разместились за длинным столом, покрытым зеленым сукном. Старшины, до этого жавшиеся по стенам, следуя приглашению генерала, робко присели на стулья. Михеев холодно оглядел собравшихся из-под густых бесцветных бровей.

Через высокие окна в зал проникали бледные лучи солнца, освещая седые бороды старшин, играя на серебре газырей и кинжалов.

Михеев с самого начала придал разговору угрожающий характер. Тон, каким он обращался к старшинам, был уничтожающе презрительным. Он не говорил, а отчитывал.

— Все вы заодно с этими разбойниками. Вы не можете жить без грабежей, у вас это в крови, — генерал ударил ладонью по столу. — Два дня вам сроку для выдачи властям разбойника Саламбека, или все вы отправитесь в Сибирь, — он вытер платком лоб, зло оглядел зал и крикнул: — Где старшина из Галашек?

— Мурцал из Галашек здесь, ваше превосходительство, — раздался голос.

Вперед вышел плечистый хмурый горец и остановился, разглядывая начальника области с каким-то наивным простодушием.

— Я есть Мурцал, генерал, — сказал он.

— А-а, это вы даете у себя приют разбойникам? — обрушился на него Михеев.

— Я никогда не откажу в пище и ночлеге доброму человеку, — спокойно ответил старшина.

— Значит, всякий разбойник для вас добрый человек?

— Не разбойник, а абрек, генерал, — невозмутимым голосом поправил генерала горец.

— Ах вот как! Арестовать его, — распорядился Михеев.

По залу прошел шум.

— И кто его тянул за язык? Лучше бы молчал, — прошептал старшина из Барсуков своему соседу.

— Верно говоришь, — ответил тот, трусливо оглядываясь вокруг.

Подскочивший полицейский пристав отобрал у Мурцала кинжал и медаль с цепочкой — знак старшинского отличия — и тут же увел его.

— Что за дерзость! — процедил сквозь зубы генерал и тяжело откинулся в кресле. — Теперь я хочу знать, когда будет передан властям этот самый Саламбек? — Михеев переводил уничтожающий взгляд с одного лица на другое. — Где старшина из Сагопши?

Со стула вскочил толстый человек с лоснящимся лицом. Его потные пальцы нервно теребили четки.

— Ва... ваше превосходительство, — заговорил он срывающимся голосом, закатывая полные ужаса глаза. — Сегодня ночью Саламбек ушел назад, в лес...

В зале воцарилась зловещая тишина.

День клонился к вечеру, когда в Чиллан-ирзе появился Зелимхан со своим неизменным Аюбом.

В лесу стояла тишина, нарушаемая лишь пением птиц. Они, словно соревнуясь между собой, разливались на все голоса. Особенно неистовствовали воробьи, которые чирикали так, что не могло быть сомнения: в этом большом хоре у них нет соперников.

Зелимхан любил природу. Для него, оторванного от общества, от семьи, она была самым близким другом, постоянным собеседником, утешителем. Природа приносила ему радость во всяком своем облики: не только солнечной и нарядной, но и в дождь, в зной, когда полыхали зарницы, и хмурой осенью, и холодной зимой. Ничего, что он так часто остается без крова, природа всегда дает ему приют и покой. Вот и сейчас он стоит, спешившись, держа под уздцы коня, и словно бы молится зачарованный ее прелестью. Но надо торопиться. Немного времени сейчас дано ему для молитв.

— Я пойду, — вздохнув, говорит абрек, — а ты встречай их по одному и направляй ко мне, — и он уходит в лес.

На поляне остались кони и Аюб.

Молодой, лет двадцати семи, статный, с лицом по-девичьи красивым, Аюб — вроде личного секретаря Зелимхана. Он пишет все дипломатические ноты и письма харачоевского абрека. Сейчас он тоже выполняет важное задание.

В течение всего вечера на заветную поляну по одному прибывают всадники. Аюб встречает каждого, предлагает спешиться и посылает налево — в густой лес. Там вновь прибывшего ждет Зелимхан, которому тот приносит клятву верности делу. Затем Зелимхан дает новому сподвижнику условное имя, заставляет укутать лицо башлыком и отправляет назад, к Аюбу, который на этот раз посылает человека направо — в лощину.

Так Зелимхан формировал свой отряд. Делалось это для того, чтобы в случае плена или ранения, оставшись на поле битвы, никто не мог бы выдать своих товарищей.

По-прежнему оставаясь осторожным и недоверчивым, знаменитый абрек затеял это крупное и опасное дело главным образом для того, чтобы проверить на нем людей, плечом к плечу с которыми, быть может, ему

предстояло сражаться до конца своих дней, — их храбрость, выносливость и преданность его идеалам.

Когда все были в сборе, Зелимхан с Аюбом пришли к ним в лощину. Кроме новых, здесь были и старые боевые товарищи — Зока и Саламбек, который пока что так и не договорился со старшинами своего аула. Был здесь и дальний родственник Зелимхана — Шахид Борщиков из Шали. Потеряв всех мужчин своей семьи, харачоевский абрек сильно рассчитывал теперь на людей, близких ему по крови, и радовался, когда кто-нибудь из них выражал желание присоединиться к нему.

Стояла тишина. Зелимхан огляделся вокруг и сосчитал людей. Их было шестьдесят человек. У всех были ружья, кинжалы, а у многих шашки.

Еще там, в лесу, знакомясь с людьми, Зелимхан приметил одного молчаливого низкорослого крестьянина. Увидев его сейчас здесь с конем, харачоевец подозвал его к себе и спросил:

— Как тебя звать?

— Дуда, — назвал тот свое условное имя.

— Из какого аула?

— Из Эгиш-аула.

«Хорошо запомнил все, — подумал Зелимхан. — Надеюсь, не растеряется. Видно, упорный...» Тут взгляд абрека упал на невзрачного коня крестьянина, и он решил еще расспросить новичка.

— Почему ты решил отправиться с нами в этот дальний поход? Ты же не доедешь на таком коне.

— И этот-то не мой, — улыбнулся Дуда, глядя по лбу рыжую кобылу.

— А чей же?

— Товарищ дал на время. А насчет того, почему с вами... Поверь, не от веселой жизни, — отвечал крестьянин и, помолчав немного, добавил: — Земли у нас нет. Вот что меня гонит...

— А куда же вы дели свой надел? — удивился Саламбек, стоявший рядом с Зелимханом. — Продали, да?

— Нет, — ответил Дуда. — Была у нас небольшая делянка в лесу, еще дед наш очистил ее от кочек и кустов. Но ее отобрал у нас лесничий, сказав, что нельзя пользоваться землей в государственном лесу. Жаловались приставу, начальнику округа, но все они заодно. Вот мы и остались без земли.

«Земля, — с грустью думал Зелимхан. — Куда ни пойдешь, всюду только и говорят о земле. И в Харачое, и в Шали, и в Галашках — везде тоскуют по ней, все ищут ее. Кому-то ее досталось слишком много, а

кому — ни одного вершка». Потом в голове у него промелькнула озорная мысль.

— Так ты собираешься привезти себе землю из-за Терека? Да еще на таком коне? — спросил абрек.

— Нет, — улыбнулся Дуда.

— А что же тогда?

— Говорят, там живет атаман Вербицкий, — серьезно сказал крестьянин. — У меня с ним особые счета.

— Какие?

Дуда помрачнел.

— Вербицкий сжег мой дом и оставил мою семью без крова. Если поможет аллах и вы, хочу взять его в плен.

За это время вокруг собеседников собралось довольно много народу. Особенно хотелось новеньким послушать прославленного абрека.

— Нет, — вмешался в разговор один из них, — Вербицкий убил моего брата. Если даст аллах, да и вы поможете, в плен его возьму я и заставлю работать на детей своего брата.

— Ладно, не спорьте, — сказал им Зелимхан. — Все вместе возьмем его в плен. И у меня есть к Вербицкому свои счета.

Все умолкли, ожидая, что он скажет еще что-нибудь, но абрек не добавил ни слова. Оглядев лощину и увидев, что все готовы в путь, Зелимхан решил, что больше нельзя тратить время на разговоры.

— Аюб, — окликнул он своего помощника, — ты поедешь во главе первой группы через Герзель, Аксай, по землям кумыков и подойдешь к Кизляру с юго-востока. Саламбек поедет следом за тобой со второй группой. Я, — он окинул товарищей взглядом, словно хотел обнять их, — я поеду с третьей группой через Гудермес и Азамат-Юрт, по казачьим землям. Встретимся все в Гарна-эрзе, на окраине города. Понятно?

— Понятно, — ответил ему хор голосов.

— В пути не курить, винтовку держать наизготовку, не разговаривать, прислушиваться к каждому шороху. Понятно?

— Все понятно.

— Итак, в дорогу! Берегите друг друга!

Зелимхан попрощался за руку с Саламбеком и Аюбом. Раздался глухой топот копыт, и кони, блеснув крупами в лунном свете, тремя группами понеслись к Тереку.

* * *

Путь до низовьев Терека все три отряда проделали стремительным маршем, хотя им пришлось мчаться по темным лесным тропам и густому кустарнику. В районе камышовых зарослей абреки переправились на левый берег реки и на окраине Кизляра расположились на короткий отдых. Утомленные бешеной скачкой, люди дремали; в полусне томились и дозорные, расставленные харачоевцем. Сам Зелимхан бодрствовал, зоркими глазами всматриваясь в темноту. Он поджидал Саламбека, посланного с двумя товарищами на разведку в город.

Вернувшись, Саламбек предложил напасть на Кизляр сейчас же, пока не рассвело.

— Нет, — ответил Зелимхан. — Будет шум, стрельба, а при таком бледном свете луны не отличить, где солдаты, где мирные жители. Зачем нам напрасные жертвы!

— Но ведь без этого не бывает, — возразил Саламбек.

— Можно и без этого, — твердо ответил вожак, — нам нужны лишь ключи от банка. Вернем убытки, которые причинил нашим аулам Вербицкий, ну а если найдем, то заберем и его самого.

На убийство отвечать убийством, на грабеж — грабежом. Такова была несложная идейная программа Зелимхана, полагавшего, что этим самым он восстанавливает справедливость. И никто из его сподвижников не видел в этом ничего неправильного. Все они молча нашивали на свои бешметы погоны Кизлярско-Гребенского полка. Зелимхан же с Саламбеком и Аюбом украсили себя офицерскими погонами.

В десять часов утра конным строем отряд направился в центр города, оставив на въездах в Кизляр небольшие сторожевые группы.

«Ну, Вербицкий, теперь посмотрим, кто из нас баба, — размышлял Зелимхан, ехавший впереди отряда. — Да позволит мне аллах увидеть тебя сегодня, уж твоей крови я не пожалею».

Отряд остановился у парадного подъезда банка. Зелимхан с тремя товарищами спешил и направился в здание. Часовой потребовал предъявить пропуска, но Зока заставил его замолчать.

Служащие банка еще готовились к приему клиентов, когда на них неожиданно обрушилась команда:

— Руки вверх, ни с места.

Чиновники застыли в самых нелепых позах: у одного в пальцах поднятой руки торчала канцелярская ручка, у другого на цепочке, свисавшей с указательного пальца, покачивались карманные часы, у третьего пальто болталось сбоку, надетое на одну руку...

Вглядываясь в эти странные фигуры, Зелимхан заметил, как казначей под шумок бросил в угол ключи от сейфа. Абрек предложил ему немедленно отдать их, если тот хочет остаться живым.

— Вам и вашим служащим мы вреда не причиним, — сказал он, — и ничего отсюда не возьмем, кроме денег царской казны.

Казначей покорно отдал ключи.

Три ружейных ствола действовали на чиновников столь магически, что они продолжали стоять с поднятыми руками, пока товарищи Зелимхана набивали хурджины деньгами и выносили их на улицу. Когда эта операция была закончена, харачоевец вежливо спросил одного из служащих, не знает ли тот, на какой улице размещается штаб Вербицкого. Дрожащим голосом чиновник назвал улицу и даже объяснил, как туда добраться.

— Благодарю вас, — раскланялся с ним абрек.

Зелимхан оставил трех человек в помещении с тем, чтобы они продолжали держать под прицелом служащих, Шахида Борщикова поставил у входа в банк — ему он приказал никого не впускать туда, а сам присоединился к основному отряду. Спокойно они проехали по улицам, ничем не привлекая внимания прохожих.

К штабу харачоевский абрек подъехал один. Отряд в полной боевой готовности остановился за углом соседнего дома. У входа в штаб стоял часовой, который воспринял появление казачьего есаула на великолепном коне как нечто вполне естественное.

— Мне надо срочно поговорить с полковником Вербицким, — важно сказал ему Зелимхан. — Надеюсь, он здесь?

— Господина Вербицкого нет в городе, ваше благородие, — козырнув, ответил часовой.

Абрек круто повернул коня и шагом вернулся к своему отряду. Теперь оставалось только прихватить товарищей, стерегущих банк и его обитателей. Когда это было сделано, абреки, стреляя в воздух, поскакали вон из города.

Несколько подразделений местного гарнизона, чтобы отрезать им пути отступления, быстро заняли мост через Терек, но Зелимхан переправил своих людей вплавь и, не потеряв ни одного убитым или раненым, скрылся в землях кумыков.

* * *

А в это самое время подполковник Вербицкий в офицерском клубе Грозного азартно резался в железку и всячески издевался над Зелимханом

и его письмом.

— Так я ему и поверю! Подумаешь, нашелся храбрец, который сам явится ко мне в Кизляр. Бред какой!

— Кто его знает, господин подполковник, — сказал пожилой есаул, бросая на стол бубнового короля. — Это ведь отчаянный разбойник!

— Нет, милостивый государь, — Вербицкий поднял на есаула свои зеленоватые глаза, — рыцарские времена давно прошли. Пусть только попробует сунуться! — и он метнул на зеленое сукно трефового туза.

...Как потом утверждали, телеграмма генерала Михеева прибыла в Кизляр через полчаса после налета.

Семья Зелимхана приютилась в горах Галашек, в заброшенной башне. Здесь поселился и Эльберд, знакомый Зелимхана из аула Нилхой. Он велел Бици и Зезаг, если кто будет интересоваться ими, говорить, что они чеченцы из Урус-Мартана, скрывающиеся здесь от кровной мести. «Такое здесь бывает нередко, — успокоил он себя. — Каждый поверит, а выдавать кровников кто же решится?»

За все эти тяжелые годы почему-то именно здесь Бици впала в отчаяние. «И зачем это Зелимхан забросил меня с детьми в такую даль от родных мест? — спрашивала она, оставаясь одна. — Там, в Харачоевских горах, я знала всех, каждый камень был знаком мне, каждое дерево было мне защитой. А здесь я не знаю ни людей, ни дорог. Не знаю даже, куда идти в случае опасности, и опереться не на кого...»

Бици была в положении уже на седьмом месяце, и работать ей было тяжело. Зезаг каждый день уходит пасти коров и лошадей. А дети, какие они помощники? Пойдут иной раз в лес за валежником, а набредут там на ягоды и часами не возвращаются домой. Вот и сейчас сидела она одна, дошивая новую черкеску для Зелимхана, когда послышались чьи-то приближающиеся шаги.

Перед ней стоял мужчина в поношенном платье и всматривался в нее единственным сверкающим глазом. Уж очень он показался ей похожим на Багала из Ведено, но, видно, раздобыл за это время на чужих хлебах — лицо сытое, гладкое...

— Бици, вы что — не узнаете меня? — спросил он, неуверенно улыбаясь.

— Багал, неужто это вы? — дрогнувшим голосом произнесла женщина, не зная, как относиться к этому неожиданному визиту. Человек он, конечно, неважный, по все же свой, из родных мест.

— Это я, Бици, да будет добрым ваш день, — приветствовал ее Багал.

— Пусть будет с миром и ваш приход. Почему вы так удивленно оглядываете наши места?

— Да так, — пожал плечами гость.

— А я подумала, что вам не нравится здесь. Или, может быть, кто-нибудь гонится за вами?

— Кто за мной может гнаться! — отвечал Одноглазый с наигранным вздохом. — Хотя, честно говоря, появляться у вас и не совсем безопасно, — и он бросил на нее многозначительный взгляд.

— Неужто мы такие страшные? — улыбнулась Бици.

— Не вы, а те, которые не дают вам покоя, — отвечал Одноглазый. — Ведь стоит узнать начальству, что кто-нибудь общается с вами, и человека сразу берут на подозрение.

— Ой, извините, за разговорами я забыла о гостеприимстве, — Бици вынесла для гостя стульчик на трех ножках и предложила присесть.

Но Одноглазый не сел. Так, будто бы из чистого любопытства, он подошел к оврагу, заглянул в него, вернулся назад, оглядел башню и сказал:

— У вас здесь очень красиво.

Наблюдая за ним, Бици вдруг почувствовала, что ею овладевает тревога: не поднимается ли кто еще вслед за ним? На тропинке как будто было все тихо, и она облегченно вздохнула.

Одноглазый своим профессиональным чутьем уловил тревогу хозяйки, но не подал вида и спокойно присел на стульчик.

— А вы-то как попали в наши края? — спросила Бици только затем, чтобы поддержать разговор.

— Ваши края? — подняв бровь, недоумевая, переспросил Багал.

— Я имею в виду эти горы, — грустно сказала женщина.

— Служить прислали меня сюда, в Галашки, — ответил Одноглазый.

— Служить? Кем?

— Писарем, — важно сказал гость, наливаясь самодовольством. — Сам пожелал в эти края, — он оглянулся по сторонам. — Нравится мне здесь, — потом снял папаху и попросил хозяйку принести холодной воды.

«Почему этого пьяницу назначили сюда писарем?» — подумала Бици. Она не поверила, что он сам захотел поехать в такую даль. Нет, что-то плохое означал приход этого неприятного человека. Да и правда ли, что его назначают писарем?..

— С семьей приехали сюда или один? — спросила она, протягивая Багалу глиняную кружку с родниковой водой.

— Со всем своим скарбом, — отвечал Одноглазый, выплескивая из кружки остаток воды. — Надоело мне смотреть на шумные гулянки офицеров в крепости. Побуду здесь, отдохну немного.

— А мы вот собираемся обратно в Харачой, — сказала Бици подчеркнуто равнодушно, как о чем-то несущественном и давно решенном.

Одноглазый сразу вдруг нахмурился. Приоткрыв рот, он уставился на женщину.

— В самом деле собираетесь обратно?

— Да. Разве здесь лучше? — вздохнула Бици, внимательно глядя на гостя, а тот сидел, опустив плечи, и думал: «Вот идиоты, и надо же — прислали меня сюда работать, не потрудившись проверить, где Зелимхан собирается жить». Вроде бы между прочим он спросил:

— Где Зелимхан? Он что, в отъезде?

— Да, в отъезде.

— Далеко уехал?

— Разве он сообщает мне об этом, — отвечала Бици. — На мой вопрос «куда?» он с давних пор отвечает: «Не женского ума дело знать дороги мужчин», — женщина вздохнула и добавила: — Вот так и живем, не ведая, где он и что с ним.

— Да разве это хорошо? — выпалил Багал. — Жена, по-моему, должна знать, где отец ее детей. В этом худого нет.

— Говорят, что достаточно, если отец знает, где его семья, — улыбнулась Бици и не спеша принялась готовить еду для гостя.

«Все она врет, — подумал Одноглазый. — Никуда они не собираются переезжать, и именно здесь новое жилище Зелимхана!»

* * *

На следующую ночь после налета, выйдя из лесов, которые в этих местах тянутся вдоль Терека на многие километры, отряд абреков двинулся по Кумыкской равнине. Вдруг перед ним замаячило множество костров. При их мерцающем свете были видны человеческие фигуры.

— Это какая-то воинская часть, Зелимхан, — крикнул Саламбек, осаживая коня. — Они хотят отрезать нам отступление.

— Надо послать дозорных, — предложил Зока.

Харачоевец приказал отряду остановиться.

— Другого пути у нас сейчас нет. Надо пробиться! — повернулся Зока к вожаку:

— Обойдем их, — сказал Зелимхан, немного подумав. — Зачем нам бой с целой частью, когда его можно избежать, — и он резко повернул коня влево, приказав всем следовать за ним.

— Там нам не проехать, — предупредил его Зока.

— Почему? — спросил харачоевец, не замедляя хода.

— Перед нами непроходимые болота.

— Вот потому-то я и выбрал этот путь. Можете не сомневаться, на всех других направлениях нас ждет засада.

— Надо знать, Зока, всегда лучше трудная дорога, но мирная, — сказал Дуда, скакавший позади старика.

Пастух промолчал.

Впереди на десять верст разливалась гнилая, покрытая плесенью жижа. Кое-где на кочках рос чахлый кустарник да редкие хилые прутья ивы. Кони, тяжело дыша, с трудом вытаскивали ноги из топи, храпели. Многие абреки спешились и шли пешком, ведя лошадей на поводу.

Судорожно забила, проваливаясь в топь, кобыла Дуды. Товарищи попытались общими усилиями вытащить ее, но ничего не получилось. Тогда из своих ремней они связали пояс и волоком вытащили лошадь. Но сесть на нее было невозможно, поэтому Саламбек посадил Дуду позади себя.

Так абреки обошли воинские части, высланные начальником Хасав-Юртовского округа подполковником Магомедом Кадыровым, чтобы задержать «разбойника Зелимхана и его шайку». Утром отряд снова был в Чиллан-ирзе, откуда начался поход. Здесь харачоевец поровну разделил между всеми участниками рейда деньги, взятые ими из Кизлярского банка, и, распустив людей, вместе с Саламбеком, Аюбом и Зокой отправился на стойбище старого пастуха.

* * *

Начальник Назрановского округа князь Андреков с двухтысячной армией предпринял поход против двух женщин и детей, скрывавшихся в горах Галашек.

«Мой святой долг, — писал князь перед походом одному из своих приятелей, — во что бы то ни стало, хотя бы и ценой жизни, уничтожить этого подлого разбойника — Зелимхана».

Из Владикавказа через горный хребет Шанко-хож в горы Галашек направилась рота Апшеронского полка, через Ассиновское ущелье — сотня Дагестанского конного и сотня Кизлярско-Гребенского полков, сотня милиции и пулеметная рота. Из Грозного и Ведено через Бамут проследовали туда по две роты ширванцев и самурцев, из Тифлиса через Тионетский уезд был двинут батальон гренадеров, а из Телава — эскадрон драгун. Апшеронцам придали взвод саперов, чтобы взрывать укрепления, непокорные аулы и мосты, по которым мог бы уйти абрек.

А Бици и Зезаг не подозревали, что над ними собираются такие черные тучи. Две женщины с детьми жили себе в башне на склоне

Эрштойской горы, с высоты которой в ясный день хорошо обозревались все окрестности и была видна каждая тропинка.

Ночью Бици услышала далекие выкрики и ржание коней. Она разбудила Зезаг и Муги, который был теперь в этом доме за мужчину.

— Слышите? Где-то близко от нас шумят чужие люди, — сказала она. — Я давно слышу их голоса.

— Мама, ты не тревожься, это, наверное, пастухи перегоняют скот, — попытался успокоить ее Муги.

В это время до них донесся чей-то недобрый свист.

— Это не пастухи, — сказала мать и, взяв ружье, вышла на улицу. За нею последовал и Муги с ружьем Зезаг. Поплелась за ними и сама Зезаг, еще не совсем очнувшаяся ото сна.

Бици пристально всматривалась в темноту, прислушивалась: шумела река, выл ветер, и больше ничего.

— Может быть, мама, тебе просто показалось? — Муги взял мать за руку.

— Голоса и ржание коней — это, конечно, могло мне послышаться. Но свист ведь слышали мы все.

— Да, мама...

Вдруг где-то на откосе зашуршал щебень. Муги насторожился: в ночной темноте зашевелилась чья-то крадущаяся тень.

— Кто там? — крикнул Муги. Человек не ответил.

Раздался выстрел, потом второй. Это стрелял двенадцатилетний сын Зелимхана.

Гулкое эхо заметалось над горами и заглохло вдали. Неизвестный скрылся, и снова наступила таинственная и настороженная тишина, нарушаемая лишь шумом реки и воем осеннего ветра.

Когда абреки миновали Эгиш-аул, Зелимхан придержал коня и, обращаясь к Зоке, сказал:

— Мы с Аюбом заглянем в Харачой, а вы с Саламбеком ждите нас на стойбище. Попытаемся разузнать, что делается в ауле, да сразу приедем. — Свернув налево, харачоевец с Аюбом стали взбираться в гору. Ехали они по правому берегу реки Хулхулау, а когда пробирались через лес, вдруг услышали веселые голоса и смех людей. Подъехав поближе, они придержали коней: в стороне от тропы, на лужайке, в тени старого бука сидели городского вида люди и пили вино, а двое помоложе суетились перед ними.

Где-то в горах прокатился гром, слабо сверкнула молния, слегка пожелтевшие листья задрожали, и резкий порыв ветра встревожил лес.

— Не пора ли нам собираться? — забеспокоился молодой человек в военном мундире, стоявший позади почтенного чиновника, который, как видно, выполнял роль тамады. — Здесь в горах дождь вдруг начинается...

— Ерунда, господин поручик, — ответил тот, пьяным неверным движением высоко поднимая стакан с красным вином. — Мы не сахарные, не растаем. Тут чудеса похлеще творятся. Слышали? Говорят, абрек Зелимхан снова обдурил этого хвастуна Вербицкого.

— Каким образом? — поинтересовался сидевший напротив пожилой человек.

— Что, каким образом? — не понял тамада. — Как я узнал? Помните, я заходил по дороге сюда к начальнику округа?..

— Помним.

— Так вот, на столе у него я видел депешу, в которой сообщается, что Зелимхан со своим отрядом вчера среди бела дня ворвался в Кизляр и увез из банка крупную сумму денег. При этом, оказывается, абрек предварительно сообщал письмом к Вербицкому, что он нападет на Кизляр.

— Вот это ловко! — воскликнул поручик. — Неужто и это сойдет господину Вербицкому?

— Не думаю, — отвечал рассказчик. — Но если даже начальство решит простить такое подполковнику, все равно это позор всему войску терскому. Подумать только, какой вызов бросает властям этот разбойник! Ай, какой срам! — покачал он пьяной головой.

Наблюдая из лесу за этими людьми, Зелимхан внимательно прислушивался к их разговору. Рядом с ним стоял Аюб, который ловил каждое слово и по-детски радовался за своего жожака. Затем абреки отъехали в глубь леса. Здесь, передав коня и винтовку Аюбу, харачоевец сказал:

— Жди меня, я на минуту подойду к этим людям. Узнаю, кто они такие.

Выйдя из лесу, Зелимхан направился к веселой компании и остановился неподалеку от них в позе робкого крестьянина.

— Салам алейкум, — произнес абрек.

Навстречу ему поднялся мужчина лет тридцати пяти, с маленькими черными глазами и такой же черной шевелюрой над низким лбом.

— Ва алейкум салам, — вежливо ответил он. — Проходите сюда, к коври, будете нашим гостем, — и протянул Зелимхану свою маленькую потную руку.

— Баркалла, — отвечал харачоевец. — А я так просто, думаю: что за люди? Может, им нужна моя помощь...

— Баркалла. Вот возьмите, — человек с маленькими глазами протянул гостю рог с вином, — выпейте за наше знакомство.

— Да будет вами доволен бог, такое не пью, — отказался абрек.

— Я Данильбек Шараев из Грозного, адвокат. Может, слышали? Возьмите.

— Баркалла, — абрек заслонил лицо рукою, — а вот что вы адвокат, это мне очень кстати.

— Пожалуйста, приезжайте в Грозный, любое дело разрешу, — отвечал Данильбек. — А вы-то сами откуда?

— Из Эгиш-аула я, ходил по делу в крепость.

— Какое же у вас дело?

— Лесничий отобрал у меня делянку, а другой земли не имею под посев. Вот и хожу от одного начальника к другому, да толку никакого нет.

— Не возвращают, значит? — вмешался в разговор подошедший к ним поручик, пристально вглядываясь в лице Зелимхана.

— Да, не возвращают, — подтвердил харачоевец, спокойно выдерживая взгляд офицера. — Вот поеду к адвокату, он напишет мне хорошую бумагу к самому сардалу в Грузию. Может, тогда отдадут.

— Обязательно напишу, приезжайте, — пообещал пьяный Данильбек.

— Скажите, а как вас зовут? — поинтересовался поручик.

— Дуда, — не задумываясь, ответил абрек. — А вы что, разве знаете меня?

— Нет, — сказал поручик. — Но вы очень похожи на человека, которого я знал.

— На кого? Интересно... — улыбнулся абрек.

Поручик с минуту стоял молча, словно не решаясь назвать имя, затем выпалил:

— На абрека Зелимхана. Я когда-то этапировал его в тюрьму.

— Вот еще нашелся, тоже мне, Зелимхан, — засмеялся Данильбек, хлопая абрека по плечу.

Зелимхан стоял молча, с улыбкой глядя то на поручика, то на адвоката.

— Идемте, хотя бы шашлыка нашего отведайте, — пригласил абрека офицер.

— Спасибо, — абрек протянул ему руку на прощание, — я очень тороплюсь. Ну а вы, Данильбек, — повернулся он к адвокату, — ждите меня в Грозном, к вам приедет абрек Зелимхан, — и, сдержанно улыбаясь, направился к лесу.

— Уверяю вас, Данильбек, что он и есть тот самый абрек Зелимхан из Харачоя, — сказал поручик на ухо адвокату, и на лице его застыла растерянная улыбка.

— Господа! — крикнул пьяный Шараев, поворачиваясь к сидевшим на ковре товарищам. — Грибов тут знакомого нашел!..

Поручик схватил его за руку и шепотом предупредил:

— Ты что это шуметь надумал? Меня, например как офицера, начальство с удовольствием отдаст под трибунал за то, что я не арестовал Зелимхана, хотя весьма сомнительно, что при такой попытке кто-нибудь из нас остался бы в живых! Так что лучше помолчи, если не хочешь накликать беду.

Изрядно пьяные и увлеченные своим разговором, господа на ковре не обратили внимания на реплику адвоката.

* * *

В хижине старого пастуха сегодня было шумно. Зелимхан с товарищами сидел за оживленной беседой. Саламбек, который в минуты опасности всегда был резок и храбр до дерзости, теперь почему-то размяк, говорил вяло и снова собирался отдаться в руки властей. Вожак упрекал его за это.

— Ты сам просишь себе веревку на шею, — горячился Зелимхан.

— Но ведь генерал дал слово...

— Что ты заладил: генерал да генерал, — перебил его харачоевец. — Генералу Михееву ничего не стоит изменить своему слову, тем более, что дал он его не тебе, а твоим посредникам, которые готовы на все, лишь бы угодить тому же генералу.

— Это верно, Саламбек, подумай еще раз, — вмешался Зока.

— Я понимаю все это, Зока, но что делать — глубоко вздохнул сагопшинец, — они ведь замучили моих односельчан...

— Можно подумать, что Михеев станет гладить их по головке после того, как повесит тебя!

— Конечно, нет, — возразил Саламбек, — но на душе будет легче, что все это делается уже не из-за меня.

— Вот уж, право, не знаю, что бессердечнее, — снова отозвался Зелимхан, — пойти добровольно к палачу и сунуть голову в петлю или же, оставаясь на воле, заступаться за незащитных? — харачоевец встал и молча принялся расхаживать по тесной комнате, раздумывая, как удержать товарища от неразумного шага.

Встал и Саламбек. Не глядя ни на кого, он вышел во двор.

— Иди за ним, — сказал вожак, обращаясь к Аюбу. — Посмотри, что он собирается делать. Не пойму никак, что с ним происходит. Будто подменили человека...

Новоатагинец вышел, но тотчас вернулся и сообщил, что Саламбек седлает коня.

Товарищи проводили его молча.

Вскоре после отъезда Саламбека явился Дуда и принес хабар, который обрушился на Зелимхана как гром: в Эгиш-ауле все говорили о начавшемся походе начальника Назрановского округа князя Андрекова и горы Галашек. Не говоря ни слова, харачоевец опоясался кинжалом и шашкой, взял в руку винтовку и направился к выходу.

— Нет, одного тебя мы не пустим, — сказал ему старый пастух, и все трое — Аюб, Дуда и Зока — последовали за своим вожаком.

* * *

Возвратившись в Сагопши, Саламбек на другой же день отправился во Владикавказ и сдался властям. Генерал Михеев не принял сагопшинца и передал его дело судебным органам.

Дело Саламбека слушалось в открытом судебном процессе, по мысли терского начальства, для устрашения горцев.

Председатель суда, восседавший на высоком кресле, не сомневался в своем праве приговаривать к смерти этих «дикарей», но, хотя он мог чувствовать себя в полной безопасности, душа его была полна животного страха перед каждым подсудимым. Саламбек на суде держался внешне спокойно, на все вопросы отвечал односложно. К судьям он не испытывал сейчас никакой ненависти, хотя и чувствовал, что жизнь и смерть его теперь находятся в их равнодушных руках.

На вопрос председательствующего:

— Какие у вас имеются ходатайства к суду?

Саламбек ответил:

— Никаких.

— Как это никаких?! Разве вам нечего попросить у суда? — удивился адвокат, вставая с места.

— Нет, — ответил абрек, ни на кого не глядя.

С самого начала судебного процесса в душе Саламбека что-то перевернулось. Физически необычайно сильный и храбрый, сегодня он чувствовал себя абсолютно бессильным перед тем, что совершалось над ним в этом зале. Это было нечто независимое и даже далекое от него. Зато все мысли его сконцентрировались на близком и понятном: среди публики в зале суда он увидел Бешира — бывшего старшину аула Сагопши, который в свое время явился виновником всех его бед, сделавших его абреком. Почему он, Саламбек, до сих пор не отомстил ему, не наказал его смертью по простым и ясным законам человеческой гордости?

Только сегодня, здесь, в зале суда, под надменными взглядами судей он понял, что никогда уже не сможет покарать своего смертельного врага, и пожалел, что сдался властям, не послушав Зелимхана. В том, что месть до сих пор не свершилась, был повинен сагопшинский кадий, который настойчиво уговаривал Саламбека простить Беширу его вину. Дескать, такова воля аллаха, и он велит простым смертным прощать врагам грехи их.

Еще месяц назад Саламбек сказал кадию:

— Такое всепрощение я оставляю аллаху. Как же это я могу простить человеку, который осквернил мой очаг и мое мужское достоинство?

— Что ты мелешь, еретик! — замахал руками кадий. — Объявляю тебя гяуром и врагом Магомета!

И вот Бешир сидит здесь, исподлобья поглядывает на Саламбека. Он, конечно, злорадствует, надеется, что сагопшинский абрек больше никогда

не увидит свободы, что скоро не станет человека, который в любую минуту мог войти в его дом и свести с ним свои счета.

Но где-то в глубине души у Саламбека еще таилась надежда, что такой солидный человек, как генерал, не может изменить своему слову. С юных лет горец привык верить, что на слово мужчины можно положиться. По его представлению, все записанное на бумаге может быть истолковано по-разному, но слово мужчины, тем более генерала, неизменно и твердо, как дамасский булат. А если так, Саламбек еще будет на воле, и тогда негодяй Бешир, а не он, честный горец, понесет справедливое наказание.

Смерти как таковой Саламбек не боялся. Все равно когда-нибудь предстоит умереть. Но, конечно, одно дело — смерть в бою, другое — на виселице...

Тем временем председатель суда теребил в руках листок бумаги, лежавший перед ним. Там было написано: «Повесить его и только». Судья жирно подчеркнул слово «повесить» и поставил в конце восклицательный знак.

Утром Зезаг вместе с Муги отправилась пасти коров и лошадей. После ночной тревоги молодая женщина побоялась идти одна и взяла с собой мальчика. Но вскоре оба они прибежали домой и рассказали Бици, что в горах много солдат.

— Ой, беда! Ой, беда! Что мы будем делать без Зелимхана? — в страхе металась по комнате Зезаг, нелепо размахивая руками.

— Да вы не беспокойтесь, я не пущу сюда ни одного солдата, — уверял женщин Муги, держа в руках ружье Зезаг. Бици тоже взяла свое ружье. «Но как быть с детьми, куда их спрятать? — соображала она растерянно. — Хорошо, если я погибну, а если они? Зели никогда не простит меня!.. Тогда он с ума сойдет. Нет, так нельзя!» — и она попыталась отнять у Муги ружье.

— Так нельзя! — крикнула она, не слыша своего голоса.

В эту минуту, едва переводя дыхание, прибежал Эльберд из Нилхоя.

— Бици, Зезаг, не бойтесь! — взволнованно заговорил он. — В обиду я нас не дам. Соберите быстро все нужное, надо сейчас же уехать отсюда.

— Куда ехать, ведь кругом солдаты? — закричала Зезаг.

— Перестань! — прикрикнула на нее Бици.

«Да, уехать, уехать скорее, чтобы спасти детей», — мысленно твердила Бици, торопливо укладывая в хурджины необходимые вещи.

— Кто же мог донести властям, что вы здесь? — спросил Эльберд, помогая Бици собираться.

— Не знаю. Был здесь этот, Одноглазый...

— Какой Одноглазый?

— Как какой? Новый писарь из Галашек. Все это он...

— Скорее давайте вещи, я выхожу с детьми, — перебила ее Зезаг, хватая узел.

С помощью Эльберда они отъехали километров на десять от башни и скрылись в узкой лощине среди гор.

— Не бойтесь теперь, — успокоил их горец. — Пока побудьте здесь, а я отправлюсь навстречу Зелимхану. Он, вероятно, уже знает об этом походе и спешит вам на помощь.

— Хорошо, — ответила Бици, — он обычно пробирается сюда вдоль Ассы, по правому берегу.

Вечером солдаты подошли к башне, которую покинула семья Зелимхана, разожгли костры и остановились на отдых. Они пели песни, часовые громко перекликались на постах.

Из горного ущелья, где укрылась семья абрека, были видны эти костры. Они мерцали так далеко, что Бици почти успокоилась. Каков же был ее ужас, когда утром она обнаружила, что ущелье их со всех сторон окружено солдатами.

Несчастные поспешили укрыться среди камней, но отовсюду были нацелены на них черные стволы винтовок.

— Не бойтесь, мои дорогие, — успокаивала Бици плачущих детей, держа ружье наизготовку. — Вот-вот появится ваш отец, и освободит вас.

Муги лежал рядом с матерью, тоже с ружьем в руках, готовый выстрелить в первого, кто приблизится к ним.

Зезаг суетилась, подтаскивая камни, чтобы сделать недоступным для вражеских пуль их последнее убежище. Муслимат и Элисат, плача, помогали ей.

Враги между тем пока не открывали огонь. Им было приказано взять пленников живыми. Но чтобы напугать их и заставить сдаться без сопротивления, они скатили в ущелье большой камень.

— Мама! — крикнула Муслимат. — Они хотят убить нас. Скажи им, пусть не бросают камни!

Но мать грозно молчала. «Нет, не попрошу пощады, не унижусь перед врагами. Пусть убивают, — мысленно твердила она, — умру без страха, как подобает жене абрека!» — и она взвела курок. Однако вспомнив, что рядом с ней дети и ее выстрел может тотчас вызвать ответный огонь, она опустила ружье.

В это время скатился еще один камень. Он, подпрыгивая, пролетел совсем рядом с Муги.

— О мама! Они убили Муги! — закричала Муслимат.

— Муги?

Бици вздрогнула: «Если я не сохраню жизнь Муги и Лом-Али — единственного племянника Зелимхана, то погибло все...» — пронеслось у нее в голове.

— Эй, Бици, сдавайтесь, все равно не уйдете от нас! — раздался позади чей-то голос.

Она обернулась и онемела: спустившись по склону ущелья, к ним приближался офицер с мучительно знакомым лицом... Да это был пристав Чернов, непосредственный виновник первых несчастий, обрушившихся

на семью Бахо, человек, убить которого Зелимхан поклялся своему отцу. Вдруг Бици показалось, что Чернов убегает от нее.

— Стой! Стой, проклятый! — крикнула она и, рванувшись вперед, выстрелила в Чернова. Женщина вытянула голову, стараясь увидеть, упал ли он. Но тут что-то обожгло ее плечо, и она потеряла сознание.

Очнулась Бици на земле, среди солдат. Высокий сухощавый офицер в синем мундире наклонился над ней. Она не знала, что это князь Андреков. До сознания ее дошло, что он что-то говорит ей:

— Не бойтесь, вам ничего не грозит. Только скажите нам, где Зелимхан?

Бици молчала, руки не повиновались ей. Глаза ее тщетно хотели проникнуть сквозь плотную стену окруживших ее солдат, чтобы убедиться, что дети живы, а Чернов мертв.

— Не знаю я Зелимхана, — произнесла она, пытаясь подняться.

— Как это не знаете? — возмутился офицер. — Он же ваш муж.

— Да, муж, но я не знаю, где он.

— Последний раз спрашиваю, где Зелимхан? — уже угрожающе крикнул князь Андреков.

— Скажите ему еще раз, — обратилась Бици к переводчику, — что я не знаю, где Зелимхан, — и взглянула на князя с ненавистью и отвращением.

— Нет, знаешь, и все расскажешь! Все! — он зло пнул ее ногой. Будто очнувшись от этого удара, опираясь на руку, Бици присела.

Недалеко от нее на расстеленной бурке лежал пристав Чернов. Он громко стонал и звал кого-то на помощь. Возле него сустились двое в белых халатах. Бици вспомнила, что так одеваются русские врачи. «Значит, ему плохо... Ему больно. Слава аллаху», — обрадовалась она, и лицо ее просветлело, и тут же другая мысль пронзила ее: «Где же дети?..»

* * *

Вдоль Ассы Зелимхан в горы Галашек пройти не смог. Ущелье, по которому протекала эта река, кишело солдатами. Тогда абрек переправился через реку и, поднявшись на вершину Эрштой-лам, спустился к окраине аула Нилхой.

Здесь Зелимхана и его товарищей встретил Эльберд, и все двинулись к ущелью, в котором нилхоевец оставил семью своего друга. Но тут они никого не обнаружили. Зелимхан поторопился занять верхний мост через Ассу, на дороге, ведущей во Владикавказ, чтобы лишить князя

возможности увезти детей и женщин. Но было уже поздно: семья абрека под усиленной охраной проследовала через это место.

Об этом Зелимхану рассказал дровосек, которого абреки встретили в лесу. Он же рассказал им, что солдат в горах очень много, что возглавляет их грузинский князь Андреков и что все они ищут здесь Зелимхана.

Харачоевец спешил и присел тут же на камень у самого берега реки. Он обвел тревожным взглядом товарищей и с огорчением произнес:

— Мало нас.

Зелимхан, который много лет упорно остерегался создания большого отряда, сейчас горько пожалел об этом.

— Как мало? — удивился Зока. — А что бы ты стал делать, будь у тебя сейчас отряд?

— Я захватил бы нижний мост через Ассу и устроил бы там засаду Андрекову, — отвечал Зелимхан, зорко всматриваясь в ущелье.

Все умолкли. Расстояние до моста было большое, но главное — надо миновать ряд солдатских заслонов.

— Для этого нас не так уж мало, — сказал наконец Зока. — Лишь бы сложить там свои головы с толком.

— Что ж, раз так, надо немедленно двигаться к мосту, — заметно повеселел Зелимхан.

Аюб, стоявший перед вожакom, опираясь на винтовку, о чем-то напряженно думал.

— А как незаметно пройти мимо солдат? — спросил он.

— Надо дожждаться ночи, — предложил Дуда.

— Боюсь, ночью будет поздно, — сказал Зелимхан. — Ночью, конечно, было бы удобнее, но Андреков нас до ночи ждать не будет.

— Как же нам быть? — задумчиво произнес Зока.

Зелимхан встал. Он был полон энергии. Товарищи с надеждой смотрели на него.

— Пробраться можно, — сказал он, немного подумав, и повернулся к Аюбу: — Сходите с Дудой вон в тот лесок и срубите для каждого из вас по две больших ветки лиственницы. Прикрываясь ими, мы незаметно пройдем мимо солдат.

Поверив доносу Одноглазого, князь Андреков не сомневался, что Зелимхан находится где-то здесь, поблизости от своей семьи, что после Кизляра он возвратился сюда.

Но куда бы ни бросал разгневанный князь своих солдат, им не удавалось обнаружить след храброго харачоевца. Тогда, по приказу Андрекова, солдаты сожгли аулы Нилхой и Эршти, взорвали все мосты через Ассу, за исключением одного — нижнего.

— Не волнуйтесь, ваше сиятельство, — успокаивал князя командир дагестанской сотни ротмистр Данагуев, — птица от своих птенцов далеко не улетает. Куда же ему теперь деться, когда жена и дети его у нас?

— Да, — соглашался князь, — какой же абрек позволит, чтобы у него жену отобрали! — и он приказал войскам сниматься. А сам на закате во главе апшеронцев и дагестанцев двинулся на нижний мост через Ассу.

Как только серый конь князя, цокая копытами, вступил на мост, внезапный выстрел вспугнул тишину ущелья и протяжным эхом прокатился в горах.

И в ту же минуту началась беспорядочная стрельба со всех сторон, все вокруг загрохотало.

— Князь убит! — крикнул кто-то в рядах солдат.

— Спасайся, братцы! — кричали другие, мечась в панике, как овцы, испуганные волками.

В грохоте выстрелов невозможно было расслышать слов команды, никто не мог понять, что же все-таки произошло. И уж, конечно, никому не приходило в голову, что нападение совершили пять человек, сидевшие в засаде за мостом.

В тесном ущелье, проложенном рекой, сейчас творилось что-то невообразимое: люди кричали, стреляли, падали, вскакивали и бежали, не видя куда...

— Куда вас черти несут? Стойте! — надрывались офицеры. Но давние рассказы о не знающей промаха пуле Зелимхана действовали столь магически, что каждый хотел только одного: немедленно уйти от этой пули. И тут не могла спасти положение никакая команда.

— Вур-ра-а, бейте их! — подбадривали абреки друг друга.

У Дуды кончились патроны. Тогда, обнажив длинный кинжал, он спрыгнул со скалы и бросился на оказавшегося поблизости офицера

Данагуева. Но на этот раз офицер опередил крестьянина: его уже занесенный кинжал сверкнул лучом вечернего солнца, и Дуда ничком упал на землю. Но он не признал себя побежденным: опершись левой рукой о землю, крестьянин широко размахнулся и метнул свой кинжал вдогонку убегавшему офицеру. Кинжал вонзился в поясицу офицера, и тот рухнул на доски моста.

К ночи место сражения опустело. Кругом стояла кладбищенская тишина.

Зелимхан уходил, удрученный потерей семьи и раной товарища, по освещенной луной горной тропе. С ним ехали Зока и Аюб, поддерживая на коне раненого Дуду.

* * *

Перевязав рану, тюремный врач запретил тревожить Бици вопросами, чтобы не вызвать у нее преждевременные роды. Она и Зезаг уже лежали на жестких тюремных нарах вместе со своими детьми, когда Зелимхан возвращался в Веденский округ, поручив уход за раненым Дудой Эльберду и надежному лекарю из Бамута.

Зелимхан не скакал, нет! Он тащился, как истерзанный зверь, который с трудом уползает в свое логовище, чтобы зализать там многочисленные раны. Тащился медленно, будто кто-то очень сильный удерживал его. Часто абрек останавливался в дороге, думая: «А не вернуться ли назад, не ворваться ли во Владикавказ?.. Рубиться там до последней капли крови с теми, кто держит в плену моих родных. Но где они находятся? По каким переулкам надо пройти, чтобы найти их?» И рядом с ним сейчас лишь два товарища. «Эх, как мне сейчас нужен был бы Саламбек, а его, быть может, уже нет в живых», — размышлял абрек.

— Зока, как ты думаешь, кто мог привести их к моим детям? — спросил он вдруг, обернувшись к старику. — Ведь я же их спрятал в горах так надежно!

— Это сделал язык Одноглазого, — ответил старик, не задумываясь.

— Одноглазый, говоришь? — Зелимхан даже придержал коня. — Как же он попал в эти места?

— Его назначили писарем в Галашки, — ответил Зока. — А разве тебе Эльберд ничего не говорил?

— Нет, а что?

— За несколько дней до прихода солдат Багал приходил к Бици в башню, спрашивал, где ты. Тебе ясно, что ему там понадобилось.

— Теперь все понятно, — хмуро отозвался Зелимхан и надолго замолчал. Он думал: «О, будьте прокляты вы, все доносчики, которые есть на земле! Так много расплодилось вас на свете, что не найти от вас спасения нигде... Нет, не стану прятаться от вас, а буду безжалостно вас убивать, чтобы некому стало предавать людей».

А в это время за высокой каменной стеной владикавказской тюрьмы на виселице покачивалось уже холодное тело Саламбека из Сагопши.

Дерзкое ограбление Кизлярского банка и последовавшее за этим убийство начальника Назрановского округа — князя Андреева вызвали смертельную тревогу в правительственных кругах. Несмотря на кичливые заверения чиновников Терской области не сегодня-завтра покончить с «шайкой Зелимхана», абрек по-прежнему гулял на свободе, а поэтому именем государя императора дело борьбы с абречеством в Чечне было поручено самому наместнику Кавказа. За ходом борьбы с Зелимханом теперь пристально следили из Петербурга.

Из Тифлиса непосредственно в крепость Ведено прибыл помощник наместника Кавказа по военным делам — генерал Шатилов со свитой. Приезд генерала был неожиданным и вызвал много толков в крепости. Ни у кого не вызывало сомнения, что прибытие высокого начальства связано с делом Зелимхана, однако находились наивные люди, которые высказывали предположение, что генералу поручено разобрать жалобу Зелимхана в Государственную думу.

Худощавый и статный Шатилов был человеком сухим, точным в своих расчетах и необщительным. Не вдаваясь в излишние разговоры, он, как и его предшественники, начал с того, что вызвал кое-кого из чеченцев и поставил перед ними дилемму: отдать ему живым или мертвым Зелимхана или же навсегда покинуть Чечню и отправиться в холодную Сибирь...

Разумеется, был сформирован и новый карательный отряд, призванный «покончить с зелимхановским движением». Во главе его был поставлен штаб-ротмистр Кибиров, поскольку карьера подполковника Вербицкого бесславно закончилась отдачей его под суд за бездеятельность.

Но не только воинский приказ привел Кибирова в Чечню. Он жаждал совершить акт кровной мести за своего дядю, полковника Тархана Гулаева, и в этом отношении им двигали те же побуждения, что и покойным Гушмазуко, которого он презрительно называл дикарем. В остальном же горцу Кибирову все было чуждо здесь: дикие леса, глубокие ущелья, узкие и незнакомые дороги и, главное, хмурые крестьяне и пастухи, влачившие безрадостное существование. Больше того, это их бесправное существование было естественным в понимании блестящего офицера, привыкшего смотреть на простых людей Кавказа

как на рабов, которые сеют и убирают для него хлеб, выращивают барашков для шашлыка, ткнут сукна для его нарядных черкесок, выделывают кожу для изящных сапог, выхаживают для него рысаков — словом, делают приятном и радостной жизнь его, Кибирова. Когда же надоедало без конца пить вино и скакать верхом на коне, можно было разнообразить эту жизнь тем, что так волнует кровь — убийством беззащитных этих рабов, да еще и любоваться, как умирают эти хмурые, молчаливые крестьяне. Для Кибирова это было развлечением. Но сейчас острее всего было желание выполнить закон кровной мести.

Завтра его солдаты ворвутся в аул. Они убьют первого же встречного крестьянина, который посмеет не так взглянуть на них. Тогда штаб-ротмистр пошлет начальнику области хвалебное донесение об уничтожении им очередного сподвижника абрека Зелимхана. Его будет благодарить сам генерал, пришлет поздравление и наместник. Разве плохо? Нет, это была прекрасная перспектива!

Но как ни старался Кибиров, ему не удавалось напасть на след «государственного преступника», голову которого он обещал положить на стол генерала Шатилова. А время шло. Абрек был по-прежнему недосыгаем. Вот уже около двенадцати лет никто не может ни убить, ни взять его в плен. Зелимхан же доставлял хвастливому начальству на Тереке большие неприятности.

Задумав увезти у них из под носа что-нибудь важное, абрек заранее сообщал об этом штаб-ротмистру Кибирову так же, как в свое время Вербицкому, даже называл место и час предварительного сбора своего отряда, но когда Кибиров прибывал туда со своими войсками, оказывалось, что зелимхановцы уже сделали свое дело и скрылись, а главарь их оставил ротмистру записку: «Господин Кибиров, вы опаздываете, мне некогда. Зелимхан».

Много раз дразнил так харачоевец кичливого офицера, оставляя его в дураках. После очередного скандала, появляясь перед своими подчиненными, Кибиров нервно постукивал по сияющему голенищу своего сапога полированным стеклом. Это означало, что штаб-ротмистр сильно не в духе.

Не в духе был и наместник в Тифлисе. Очередные реляции о разгроме какого-нибудь горного аула явно не могли скрыть того, что и поимке знаменитого харачоевского абрека власти нисколько не продвинулись вперед. Становилось ясно, что рассчитывать можно только на предательство со стороны тех, кто стоял близко к Зелимхану. Хорошо

понимая это, Шатилов однажды вызвал к себе Шахида Борщикова из Шали.

— Нам хорошо известны ваши родственные связи с Зелимханом, знаем мы также, что он общается с вашей семьей — сухо сказал генерал. — Выбирайте одно из двух: высылку в Сибирь или чин русского офицера, восемнадцать тысяч золотом и триста десятин земли.

Не подготовленный к такому разговору, Борщиков растерялся.

— В поимке Зелимхана лучше всех могут помочь властям харачоевские Элсановы, которые преследуют его из кровной мести, — глубокомысленно изрек он после долгого молчания.

— Полно притворяться, господин Борщиков, — перебил его ротмистр Данагуев, приглашенный на эту встречу как знаток зелимхановских дел. Он сидел в коляске, так как после стычки с Дудой на ассиновском мосту у него были парализованы ноги. Желая проявить перед начальством свою осведомленность, Данагуев многозначительно добавил: — У нас есть данные, что за последний год вы встречались с Зелимханом...

Борщиков побледнел, в первый момент у него даже отвисла челюсть, но он быстро взял себя в руки и, сердито поведя глазами, тихо произнес:

— Это неправда.

— Удивляюсь, ваше превосходительство, — обернулся Данагуев к генералу. — Как у этого человека при мне поворачивается язык говорить такое. Ведь я хорошо знаю все их повадки.

— Кому должно быть стыдно? Вы что — уличили меня в связях с Зелимханом? А факты где? — Борщиков постепенно повышал голос, пока не перешел на крик. При этом он угрожающе положил руку на рукоять своего посеребренного кинжала.

— Молчите! Бесстыжий человек! — подпрыгнул Данагуев, упершись руками в края коляски. — Может быть, мне напомнить вам только две ваши ночи?.. Вас давно следовало бы заковать в кандалы и отправить в тюрьму вместе со всеми этими разбойниками!

— Хорошо, что сие не зависит от вас, — съязвил Борщиков, но тут же, холодея, подумал, что начальству, возможно, стало известно о его участии в зелимхановском походе в Кизляр. Он сразу осекся и умолк.

— Я покажу тебе, что от меня зависит, сволочь такая! — кричал Данагуев, потрясая кулаками и дергаясь в своей коляске, как пес на цепи.

— Хватит! — прикрикнул генерал, стукнув кулаком по столу. — Что вы тут базар устроили?

На минуту все умолкли.

— Ваше превосходительство, я не буду ничего говорить при этом человеке, — решительно заявил Борщиков, первым нарушив тишину.

Шатилов с Данагуевым переглянулись. Адъютант помог ротмистру выкатить его коляску. В кабинете остались генерал, Борщиков и поручик Грибов. Он также был прикомандирован к генералу в качестве знатока чеченских дел.

— Господин Борщиков, вам не следовало бы так горячиться, — начал Шатилов. — Ведь о ваших связях с Зелимханом говорит не один Данагуев.

— Простите, господин генерал, но я связан с ним не больше любого другого чеченца.

— Нет, вы связаны с ним больше, чем многие другие, — перебил его генерал. — Вы состоите с ним в родстве, — Шатилов наклонился к своему собеседнику и пристально посмотрел ему в глаза. — Я хочу, чтобы вы меня правильно поняли и не ошиблись в выборе. Дело ведь не только в кровной мести. Зелимхан осмелился поднять руку против самодержавия, он вызывает сочувствие всех недовольных в Чечне, крестьянам внушает не платить налоги, не выполнять наказания старшин, истреблять представителей законной власти, — генерал встал и прошелся по кабинету. — Зелимхан — большое зло, — проговорил он веско. — И вы обязаны помочь нам искоренить его. Иначе...

Шатилов вернулся к столу. Борщиков молча сидел напротив него, опустив голову.

— Ну как, договорились? — спросил генерал, барабанив пальцами по столу.

— Один я не в силах решать этот вопрос, господин генерал, — тихо ответил чеченец, и в голосе его уже не было прежней уверенности.

— Так привлечите к этому делу кого сочтете нужным.

Борщиков медлил. В нем боролись противоречивые чувства: были здесь и опасение, что власти смогут доказать его участие в кизлярском деле, и страх перед позором как неотвратимой расплатой за предательство. Но немалое впечатление произвели на него и богатые посулы за это предательство, исходящие к тому же от весьма ответственного лица. Шатилов видел следы этой внутренней борьбы на лице своего собеседника, но не сомневался в ее исходе.

— Я знаю, что у Зелимхана есть много врагов, надо воспользоваться их услугами, — заметил он как бы между прочим.

— Но эти люди так просто не согласятся, ваше превосходительство, понадобятся еще большие расходы, — сказал наконец Борщиков, решив

поторговаться.

— Думаю, господин Борщиков, я предложил вам вполне Достаточно, чтобы склонить к этому других и обеспечить вас, — ответил генерал с ноткой брезгливости. — Итак, подумайте и завтра сообщите мне о своем решении, — он встал с кресла и подошел к окну, давая тем самым понять, что разговор окончен.

Когда Борщиков скрылся за дверью, Шатилов оглянулся на Грибова, молча стоявшего у стены в течение всего разговора.

— Ну как, господин поручик? — спросил, саркастически улыбаясь, генерал. — Кто же из нас с вами лучше знает психологию горца?

— Это не настоящий горец, ваше превосходительство, — ответил офицер, краснея.

— Годы идут, друг мой, а вы, как я понимаю, не меняетесь, — помощник наместника покровительственно похлопал его по плечу. — Если бы вы были политиком, то ориентировались бы именно на таких людей, как этот субъект, а не на великодушных рыцарей, которые, впрочем, и в средние века на деле были сущими разбойниками!

Довольный этим историческим обобщением генерал весело рассмеялся.

* * *

Шахид Борщиков долго не являлся к генералу Шатилову. Он собрал фамильный совет из самых близких своих людей, чтобы обсудить с ними, как ему быть.

Глава рода Борщиковых — седой благообразный старик в белом бешмете — сидел на широкой тахте, покрытой богатым текинским ковром. На другом ковре по стене было развешано дорогое оружие. Сам Шахид уселся напротив старика. Как положено, мужчины помоложе стояли в дверях. Шахид рассказал об ультиматуме генерала, но ни словом не обмолвился о том, что ему лично обещал Шатилов, если он выдаст Зелимхана.

Старик перестал шептать молитву и, спрятав в карман белого бешмета свои блестящие четки, спросил глуховатым басом:

— Зачем это мы должны отправляться в Сибирь из-за Зелимхана? Кто он нам? Если отвечать за всех рожденных эгиш-батоевскими женщинами, то из нас никого не останется.

— Я и сам так думаю, — задумчиво отозвался Шахид, — но если люди узнают, что мы его выдали...

— Выдавать не надо, — перебил его старик. — Зачем нам пачкаться? Надо сделать так, чтобы мы остались чистыми. — Он умолк и стал медленно поглаживать свою бороду, обдумывая еще что-то. — Надо дать им возможность убить его так, чтобы никто не знал о том, что это сделали мы. Тайно, — добавил он, понизив голос. — Тайная смерть всегда вызывает много кривотолков, и истина тонет в догадках.

* * *

А у генерала Шатилова в тот же день собрался другой совет. По рекомендации того же Данагуева, генерал вызвал к себе представителей чеченского духовенства во главе с веденским кадием Оба-Хаджи.

Святые отцы не замедлили излить генералу свои верноподданнические чувства и заявили, что деяния харачоевского абрека противоречат шариату и предписаниям пророка Магомета.

— Я всегда считал, что шариат — дело нужное и полезное, — с прищуром улыбаясь, сказал генерал. — Бог заинтересован в том, чтобы на земле был порядок, а значит, и в том, чтобы всячески оберегать законную власть. Правильно я понимаю шариат?

Священнослужителям явно пришлось по вкусу такие простые и четкие суждения царского генерала. Шалинский Юсуп-мулла почтительно закивал головой, а Оба-Хаджи сказал:

— Я рад, что вы, такой большой хаким^[13], столь верно понимаете суть и назначение шариата. Да благословит вас аллах на добрые дела.

— Спасибо. Я буду очень рассчитывать на помощь аллаха, — сказал Шатилов, даже не улыбнувшись. — Все мы живем под единым богом, — он окинул собравшихся старцев оценивающим взглядом. — Но нам нужна ваша конкретная помощь, кадий. Надеюсь, вы понимаете меня?

Оба-Хаджи оглянулся на своих коллег. Все молчали, не зная, с чего начать. Каждый хотел, чтобы первым заговорил кто-то другой...

* * *

— Мы согласны с вами, господин генерал, — прервал наконец это тягостное молчание Оба-Хаджи. — Мы напишем народу письмо, в котором проклянем Зелимхана и его дела.

— Это будет очень полезно, — повеселел Шатилов. — Надо, чтобы люди не смели поддерживать этого разбойника, и тогда он очень быстро окажется в наших руках.

Благообразное лицо Юсуп-моллы даже как будто осунулось от напряжения. Ему очень хотелось посоветовать важному генералу что-

нибудь очень мудрое, чтобы тот остался доволен им.

— Зелимхан очень хитрый человек, — произнес наконец мулла. — Он заигрывает с бедными людьми, в этом его сила.

— И что же вы предлагаете, Юсуп-мулла? — почтительно осведомился Шатилов.

Обдумывая ответ генералу, старик сидел, опустив голову и постукивая об пол концом своего посоха.

— Надо найти человека, похожего на Зелимхана, — изрек мулла после долгого молчания. — И пусть он ездит по аулам, грабит и обижает бедных... Вот тогда авторитет Зелимхана сразу упадет.

Шатилов удивленно поднял брови и уставился на муллу, словно стараясь понять, насколько серьезно говорит старик. Убедившись, что тот не шутит, он сказал:

— Что ж, совет мудрый! Польщенный такой высокой оценкой своего ума со стороны высокого начальства, Юсуп-мулла важно кивнул головой и улыбнулся, показав белые мелкие зубы.

В результате совещания с представителями аллаха на земле было подписано обращение к верующим мусульманам.

«Мы, нижеподписавшиеся, хотим объяснить всем правоверным, — начиналось оно, — что разбойник Зелимхан из Харачоя приносит большой вред всему населению и действия его совершенно противны шариату и аллаху. Всемогуций аллах наградит того, кто избавит страдавший народ от этого разбойника».

На рассвете 20 ноября 1911 года из аула Новые Атаги налегке выехала арба. Погоняя длинным прутом ленивых сытых волов, впереди сидел Аюб. Сзади, на войлоке, брошенном поверх мягкого, ароматного сена, опираясь на локоть, полулежал Зелимхан. Одет он был довольно изящно, как богатый крестьянин, а в кармане у него вместо необходимых дорожных документов на всякий случай покоился пистолет «браунинг». Под сеном лежали два карабина с патронташами.

Скрипели колеса, на каждый удар прутом волы сердито отмахивались замызганными хвостами. Зелимхан молчал, любуясь мирными полями, прислушиваясь к утренним пересвистам птиц.

— Ты рассказывал мне, что этот адвокат хотел тогда поднять тревогу, — заговорил вдруг Аюб, — так можно ли сейчас положиться на него?

— Больше, чем на кадия Оба-Хаджи, — улыбнулся Зелимхан. — Тогда, может, он хотел похвастаться мною перед товарищами, а мог и просто растеряться. Ведь не кто-нибудь, а абрек посетил их пьяную компанию. Нет, не похож он на предателя.

— А ты бывал у него после этого?

— Ни разу.

— И не видал его с тех пор?

— Нет.

Аюб умолк и задумался, а по лицу Зелимхана понял, что не по душе ему эта поездка.

— Не волнуйся, — успокоил абрек Аюба, — я узнал о нем кое-что. Человек он из порядочной семьи, ничего плохого не позволит себе. Лишь бы «твой» там был на месте.

— Мой-то надежный, — ответил атагинец и, лихо взмахнув прутом, стегнул волов.

Над постепенно вырисовывавшимся вдали городом клубился серый туман. Было сыро, прохладно; о конце осени говорил тонкий ледок, покрывавший многочисленные лужи на ухабистой дороге. Сквозь туман проглядывал мутный диск солнца. Оно светило так тускло, что невольно думалось о теплой одежде. Зелимхан, развернув мохнатую бурку, накинул ее поверх своей черной черкески.

Атагинец гнал волов, как жадный пахарь, торопившийся начать трудовой день. В дороге они все чаще обгоняли арбы крестьян,

груженные дровами, сеном, мушмулой и зерном, которые тоже тянулись в город на базар.

Солнце наконец пробилось сквозь туман и осветило разноцветные здания, когда Зелимхан со своим другом въехал в Грозный. На улицах было уже оживленно, но люди попадались все больше недовольные, возможно, оттого, что пришлось слишком рано покинуть теплые постели. Все куда-то спешили...

Изредка по этим грязным немощеным улицам проезжали черные экипажи на высоких легких колесах, в которых восседали важные господа, беседуя друг с другом или молча уставившись вперед, будто прислушиваясь к монотонному цокоту копыт резвых красивых лошадей.

Доехав до базара, Аюб с Зелимханом завернули за угол.

Вот и широкая Московская улица — задымленные дома с низкими окнами на кавказский лад, среди которых возвышалась прочно сложенная из кирпича и камня еврейская синагога с оранжевым куполом. Это была еврейская слобода, которая возникла здесь, вскоре после основания города. Горские евреи, или, как их называли, таты, держатся здесь особняком. Но живя в соседстве с чеченцами, они во многом породнились с ними, усвоили их обычаи, образ жизни и нравы, а некоторые семьи даже говорили по-чеченски. Здесь-то и проживал приятель Аюба.

Выйдя к воротам, хозяин удивленно разглядывал неожиданных гостей.

— Что, Иса, забыл меня? — спросил Аюб, соскакивая с арбы.

— Тебя-то я узнал, — ответил Иса, вопросительно поглядывая на Зелимхана.

— А это мой друг, — поторопился объяснить Аюб. — Из нашего аула. Приехал по делу к адвокату.

— Да? — Иса украдкой еще раз взглянул на Зелимхана. — А я-то принял его за другого... Ладно уж, мало ли на свете схожих людей. Заезжайте, — и он распахнул ворота.

— Баркалла, Иса, — сказал Аюб. — Мы только оставим у тебя арбу, а сами заходить не будем. Мне нужно забежать в кузню, насчет колес узнать, а он торопится к адвокату.

— Зачем торопиться, — сказал хозяин, — вы же с дороги, выпейте хоть по стакану чая. А там пойдете по своим делам.

— Нет, Иса, чай потом, — отказался Аюб. — Если не трудно, проводи моего друга до дома адвоката Шараева и возвращайся скорее. Ты и мне будешь нужен.

* * *

Адвокат с одутловатым лицом, не вязавшимся с его молодым возрастом, сидел за письменным столом и пил чай из стакана в серебряном подстаканнике, бегло просматривая свежие газеты, когда прислуга провела к нему раннего посетителя. Шараев в первый момент не узнал вошедшего и принял за обычного клиента, явившегося с очередной тяжбой. Но когда гость, скинув с плеч лохматую бурку, предстал перед ним в изящной черкеске с кинжалом на поясе, Шараев вскочил и удивленно воскликнул:

— Ассалам алейкум, Зелимхан!.. Это как же вы к нам? — его встревоженные маленькие глазки бегали от гостя к дверям и назад.

— Ва алейкум салам, Данильбек. Нужда приводит к нужному человеку. Вот так и я пришел, — сказал харачоевец. — Разве вы забыли свое приглашение и обещание написать мне хорошую бумагу?

— Нет, конечно, помню, — ответил адвокат. — Но скажите, кто вас привел ко мне? — Шараев осторожно выглянул в окно, ожидая, наверное, увидеть там целый отряд вооруженных абреков или взвод жандармов.

— Не волнуйтесь, — успокоил его Зелимхан, — мой проводник ушел, показав мне ваш дом. Обо мне он не знает ничего.

— Нет, это я так, на всякий случай... Да, я все помню, — суетился адвокат, не зная, как вести себя с таким гостем. — Вы просили меня написать к Михееву от вашего имени жалобу.

— Да, — подтвердил Зелимхан, теперь мне это особенно нужно, Данильбек.

— Знаю, знаю. Садитесь вот здесь, пожалуйста, — хозяин предложил абреку стул, — сейчас все сделаем. Мне много о вас рассказывал поручик Грибов...

— Какой Грибов? — удивился харачоевец, удобно устраиваясь на стуле.

— Как какой? Тот самый офицер, что опознал вас в Веденском лесу, — отвечал адвокат, убирая со стола лишние бумаги. — Он знает вас и помнит вашего отца.

— Ах да, — вспомнил абрек, — отец часто рассказывал о нем.

— Его из-за вас недавно опять перевели из Ведено, — добавил Шараев.

«О аллах, сколько судеб из-за меня меняется», — подумал Зелимхан, а вслух сказал:

— Сочувствую. Но я о другом, Данильбек.

— О чем? Говорите.

— Вы же хорошо знаете царские законы, Данильбек. Так вот, напишите генералу Михееву, что я хотел бы мирно жить, но его хакимы гоняются за мной, как собаки за лесной дичью, что они посадили мою семью в тюрьму. — Он откашлялся и продолжал: — Напишите, что во главе этих собак стоит он сам,— генерал Михеев.

— Так нельзя писать, Зелимхан, — перебил его Шараев, — генерал оскорбится, и вашей семье от этого лучше не будет...

— Хуже не бывает, Данильбек, — сказал Зелимхан. — Генерал сделал самое большое зло. Он держит в тюрьме маленьких детей. Пишите, пожалуйста, как я сказал.

Растерявшись при неожиданном появлении харачоевца, Шараев только сейчас, как положено, справился о здоровье гостя. Потом, взяв лист чистой бумаги, стал писать.

В этот момент в комнату вошла молодая женщина в красивом шерстяном платье — жена адвоката. Увидев посетителя, она сдержанно приветствовала его, затем, обращаясь к мужу, сказала:

— Сосед пришел, спрашивает тебя.

Шараев не успел и слова вымолвить, как без стука открылась дверь и вошел сутуловатый человек невысокого роста, лет пятидесяти, в дорогом бешмете из черного атласа, с золотой цепочкой от карманных часов на груди. Непринужденно поздоровавшись с присутствующими, он уселся в мягкое кресло, стоявшее напротив окна. Это был купец, близкий знакомый и сосед Шараева. Адвокат чуть было не представил ему Зелимхана, но тут же отказался от этой мысли, вспомнив о дружбе купца с полицейским приставом. Он представил абрека, как своего дальнего родственника, приехавшего из Алазани, сходу придумав какое-то имя.

— Расскажите, как там в Грузии поживают наши братья? — спросил купец, тяжело поворачиваясь к гостю.

Адвокат с абреком переглянулись, будто желая убедиться, что правильно поняли друг друга.

— Хорошо живем, — ответил Зелимхан спокойно.

— А как там с торговлей? Есть что купить? — купца интересовало свое.

— И это есть, — сухо ответил абрек купцу, встреча с которым не входила в его расчеты.

«Данильбек с непривычки может перепутать имя или еще как-нибудь проговориться...» — подумал он. Удовлетворять всякими выдумками пустое любопытство купца ему тем более не хотелось, что время было дорого, поэтому Зелимхан, извинившись, направился к выходу, якобы для

омовения перед молитвой. Шараев с плохо скрываемой тревогой проводил его в другую комнату и сказал: — Запомните, вы мой родственник из Алазани, приехали в Грозный по своим делам.

— Я-то все помню, — улыбнулся гость.

Купец продолжал восседать в кресле и без конца рассказывать Шараеву о своем споре с какой-то фирмой. А тот, поддакивая ему, составлял жалобу Зелимхану на имя генерала Михеева.

Вскоре вошла хозяйка и поставила на небольшом круглом столике кушанья. Разумеется, позвали и Зелимхана. Как всегда, абрек ел очень мало, от мясного совсем отказался, а просил чаю и пил его вприкуску с ломтиком мягкого душистого чурека. Он почти не разговаривал, а больше слушал купца, который болтал без умолку.

— Да, вы слышали новость? — спросил купец.

— Что там еще нового? Расскажи нам, Далгат, — попросил адвокат, желая притупить внимание соседа к абреку.

— Говорят, семья харачоевского Зелимхана во владикавказской тюрьме, — сказал Далгат. — Рассказывают также, что генерал Михеев велел обходиться с ними вежливо, не обижать их.

Адвокат украдкой бросил взгляд на Зелимхана. Тот сидел и слушал купца внимательно, боясь пропустить хоть одно слово.

— Что вы еще знаете о них? — неожиданно спросил абрек купца.

— Говорят, что миллионер из Баку — Мухтаров обратился к наместнику с просьбой отдать детей Зелимхана учиться в русскую школу. Обещает платить за них, — отвечал купец и, уловив в голосе «алазанца» необычную заинтересованность, в свою очередь спросил: — А что, они, случайно, не родственники вам?

— Нет, — ответил абрек. — Меня интересует это просто как чеченца, — и лицо его просветлело, глаза стали мягкими, задумчивыми.

* * *

После обеда адвокат со своими гостями вышел на прогулку в город, чтобы заодно проводить «алазанца», который сказал, что торопится уехать.

У церковной ограды им попался нищий, опиравшийся на деревянный костыль. Его изможденное бледное лицо с застывшей миной жалостливой мольбы подкарауливало прохожих. Одни брезгливо морщились и, сторонясь, проходили мимо, другие бросали потертые пятики в замусоленную кепку, которую держал нищий в вытянутой руке. Хозяйки, возвращавшиеся с базара, иной раз совали ему куски хлеба. Свободной

рукой калека поднимал с земли черный запыленный мешочек и прятал в него хлеб.

Откинув полу бурки, Зелимхан достал из кармана несколько медных монет и бережно опустил их в кепку нищего, то же самое сделал и адвокат. Купец же, поморщившись, прошел мимо и, с укоризной глядя на товарищей, остановился, поджидая их.

— А что же это вы, Далгат, не дали нищему пятака? — спросил Зелимхан, кашлянув, словно у него застряло что-то в горле.

Далгат не сразу собрался с ответом.

— Я-то? — переспросил он наконец, делая вид, что даже не понимает, о чем идет речь.

— Конечно, вы.

— Аллах не сочтет за милосердие то, что делается для таких тварей, — ответил купец брезгливо.

— Почему? — удивился абрек.

— Это же грязный гяур...

— Что вы говорите? — пораженный Зелимхан остановился и грозно взглянул на купца.

— Да разве вы сами не понимаете? — отвечал тот ворчливо. — Впрочем, вы, кажется, в русской армии служите, вот и перестали отличать гяуров от мусульман.

— В таком случае это вы — плохой мусульманин, Далгат, — сказал абрек твердо.

— Почему?

— Потому, что нищий этот прежде всего человек, а не гяур. Вы же двойной грех на себя берете! Первый — отказываетесь дать нищему медный пятак, второй — оскорбляете чужую веру. Это мусульманину не положено.

— Знаю я их! — огрызнулся купец растерянно. — Вечно только просят, бездельники, одно слово!

— Вот где можно много заработать, — перебил их адвокат, останавливаясь на углу Дворянской улицы возле афишной тумбы.

— А что это такое? — заинтересовался харачоевец.

— Начальник области обещает восемнадцать тысяч рублей золотом тому, кто принесет ему голову абрека Зелимхана, — отвечал адвокат, забыв о присутствии купца.

— Какой начальник? — абрек взял адвоката за рукав.

— Генерал Михеев, начальник Терской области, — ответил Шараев. — Смотрите, вот здесь написано... — и он пальцем провел по строчке.

Зелимхан с живым интересом разглядывал объявление, даже потрогал рукой, будто стараясь на ощупь понять его содержание. Вдруг он обернулся к адвокату и спросил:

— Данильбек, есть у вас карандаш?

— Есть. А что?

— Напишите вот так, сверху, — он провел пальцем наискось объявления.

— Что? — удивился Шараев. Купец в это время стоял чуть в стороне, но слышал весь разговор.

— Пишите, — приказал Зелимхан сердито, — что я внимательно читал эту бумагу. С ценой не согласен. Добавлю от себя еще восемнадцать тысяч тому, кто меня поймает. И подпись — Зелимхан.

По спине купца забежали мурашки. Он топтался на месте, не решаясь убежать, хотя только это желание и было у него сейчас. А адвокат, стараясь перевести все это в шутку, улыбнулся неестественно и сказал:

— Что вы! Нельзя этого делать. Нас сейчас же арестуют. Доказывай потом...

— Пишите, пишите, говорю! — Зелимхан толкнул адвоката к тумбе. — Делайте то, что я говорю, не пожалеете!

Шараев все же медлил, но абрек так грозно и выразительно глянул на него, что тот, достав из нагрудного кармана черный карандаш, крупными буквами вывел наискось через все объявление: «Я внимательно читал эту бумагу, с ценой не согласен... Зелимхан!»

Купец, стоявший на краю тротуара, умоляющими глазами смотрел на адвоката, но, заметив в его глазах ту же растерянность, перевел взгляд на Зелимхана, который стоял как грозный судья и готов был отдать суровый приказ самому генералу Михееву, если бы тот оказался здесь.

С перепугу купец, еле передвигая непослушные ноги, тащился рядом со своими спутниками, и голова его кружилась, будто его ударили чем-то тяжелым.

Пройдя еще несколько улиц, Зелимхан, довольный своей выходкой, попрощался с адвокатом и быстро ушел. Жалобу его Шараев обещал отправить генералу.

— Обманул он меня, — тоскливо сказал адвокат купцу, когда они остались одни. — Выдал себя за моего родственника из Алазани.

— И ты не знал, что он абрек Зелимхан? — еле проговорил перепуганный Далгат.

— Нет, конечно, — соврал адвокат.

— А мне он с самого начала показался подозрительным. А какой грозный человек. Такой сотрет любого генерала в порошок. Вот он, оказывается, какой — Зелимхан!

«Хорошо, что он напугал тебя», — подумал Шараев, а вслух сказал:

— Если власти дознаются об этой встрече, нам обоим не сносить головы. Так что ты лучше помалкивай, мы с тобой ничего не видели, не знаем...

— Но ведь нас люди видели! — схватился за голову купец. — Может, лучше пойти сейчас же в полицейский участок да рассказать там все, и они поймают его. Он недалеко ушел.

— Ты что говоришь? Подумай, — зашипел адвокат. — Он уже далеко отсюда, за городом, а нам с тобой достанутся хлопоты. Запомни, — прошептал он купцу на ухо. — Молчание — золото!

Повесив Саламбека из Сагопши, генерал Михеев не почувствовал ожидаемого облегчения. В вверенной ему области стало еще хуже: Зелимхан, как бы в отместку за Саламбека, в тот же день убил князя Андрекова — одного из людей, с которыми генерал дружил семьями.

С тех пор Михеев был сильно не в духе. Приезд же генерала Шатилова окончательно вывел его из равновесия. В решении наместника Кавказа прислать на Терек своего помощника Михеев усматривал недоверие, попытку подменить его. С этого момента все вызывало у него раздражение.

Большой и уютный кабинет Михеева помещался на втором этаже. После недавнего ремонта в нем пахло свежей краской.

Генерал сидел за большим письменным столом, обитым зеленым сукном. На столе рядом с бронзовой фигурой ермоловского солдата стоял бронзовый же чернильный прибор.

Напротив Михеева в кресле расположился его помощник по гражданским делам — немолодой подполковник. Он негромко докладывал генералу о положении в области. Когда доклад был закончен, уже складывая бумаги в папку, подполковник, сказал:

— Осмелюсь доложить, Спиридон Петрович, что в городе ходят слухи о возможном нападении Зелимхана с целью похищения вашей дочери. Утверждают, что он потом предложит вам вернуть ее лишь в обмен за свою семью.

Генерал поднял голову, его бесцветные глаза встревоженно уставились на помощника.

— Этого еще не хватало! — Михеев растерянно опустил руки. — Вы хоть понимаете, что говорите? — и он встал.

— Да, ваше превосходительство, — помощник тоже поднялся, — именно поэтому я счел нужным сообщить вам. Михеев подошел к окну и погрузился в мрачное раздумье.

— Нет, этот разбойник не решится на такой шаг, — сказал он наконец, не отрывая глаз от ветки, качающейся за стеклом. — Это просто обывательские разговоры. Что он, жизнью не дорожит, этот Зелимхан?!

— Позвольте заметить, ваше превосходительство, — вежливо заговорил помощник, — что, вероятно, так думали и в Кизляре, когда...

— Вы за кого меня принимаете, господин подполковник, — насупился генерал. — Здесь не Кизляр, а Владикавказ. Понимаете, Владикавказ!

— Так точно, ваше превосходительство, Владикавказ, — почтительно склонился подполковник.

Некоторое время Михеев задумчиво расхаживал по кабинету. Брови его поминутно вздрагивали, чувствовалось, что серьезная тревога все больше овладевает этим, обычно столь уравновешенным человеком.

— Пора кончать все это, — вдруг угрюмо произнес он, ни к кому не обращаясь.

— Вы что-то сказали, ваше превосходительство? — неуверенно спросил подполковник.

— Нет, — резко ответил генерал и неожиданно спросил: — Как там ведет себя эта?.. Словом, жена абрека? Она дала какие-нибудь показания?

— Жена Зелимхана вчера разрешилась мальчиком, — доложил помощник без выражения, поскольку не мог представить себе — хорошо это или плохо.

Не сказав ни слова, генерал хмуро направился к выходу. За ним неуверенно шел подполковник. Когда они вышли, к Михееву подскочил адъютант.

— Ваше превосходительство, фаэтон подан.

Генерал обернулся к своему помощнику:

— Сегодня же допросить обеих женщин и, если не скажут ничего полезного, немедленно отправить в Сибирь. Пусть этот мошенник ищет их там, а не здесь. И в голове пусть не держит, что в судьбе его семьи хоть что-нибудь зависит от меня лично!..

Возле фаэтона стояли горожане и крестьяне-горцы в рваных бешметах и папахах. Завидев выходящего генерала, горцы заговорили, перебивая друг друга. Вот уже третьи сутки они не могли дождаться приема у начальства.

Михеев отыскал глазами переводчика из чеченцев и сказал:

— Займитесь с ними.

— Слушаюсь, господин генерал, — отчеканил тот, вытягиваясь в струнку.

— То-то. И чтобы этой толпы мне здесь больше не приходилось видеть.

— Слушаюсь.

Михеев и его адъютант в полном молчании уселись в фаэтон. Кучер тронул вожжи, и вороные кони рванули.

И вдруг генерала пробил озноб. «А что, если там, в толпе этих оборванцев, находится неуловимый Зелимхан?» — подумал генерал, с содроганием ощущая всю незащищенность своей спины от меткой пули абрека. Он даже инстинктивно нагнулся, но выстрела не последовало, только было слышно, как цокают копыта по булыжникам мостовой.

«Нет, действительно, надо немедленно покончить с этим страшным абреком... — мысли обгоняли одна другую. — Обсудить с Шатиловым... Любой ценой!.. Нельзя жить в вечном страхе».

* * *

Бици родила Зелимхану сына. Родила его в сырой и холодной тюремной камере. И все же она была необыкновенно счастлива. Даже тусклая коптилка над дверью теперь горела для нее ярче, и ветхого одеяла хватало для всех. Теперь она забыла все горести — и рана не ныла, и слезы высохли — не будет этой ночью ни грусти, ни слез. Этой морозной декабрьской ночью в ее душе снова поселились покой, мир и тепло. Никакие морозы теперь не страшны ей, серые каменные стены тюрьмы не смогут отнять у нее рожденную ею новую жизнь. Теперь она просто не видела и черных тараканов на облупленных стенах. Все существо ее сегодня было полно могучих животворящих сил. Она радовалась как мать, гордилась как жена тем, что именно ему — Зелимхану, чья жизнь полна тревог и опасностей, она подарила второго сына — Омар-Али.

А маленький Омар-Али в ночь своего рождения закричал так громко, что старый тюремщик, дремавший за дверью камеры, вскочил и, схватив с тумбочки связку ключей, растерянно забегал по коридору. Не понимая, что произошло, он открыл дверь женской камеры и, увидев новорожденного, выругался:

— Вот чертово племя! Ни чем их не уморить!

И это были первые слова, которыми приветствовали появление на свет сына Зелимхана. Бици спокойно взглянула на тюремщика, счастливая тем, что есть сын, еще один сын, который не даст пресечься роду Бахоевых.

На второй день после родов Бици вызвали на допрос. На этот раз следователь — сухой старик с осунувшимся невзрачным лицом — с самого начала заговорил повелительно и безапелляционно. Только в самом начале он попытался сыграть на чувствах матери.

— Разве нет у вас друзей на воле, которые могли бы оказать вам помощь? — спросил он деловито.

— Нет, — ответила Бици, кутая ребенка в теплый шарф. — Мне и не нужна ничья помощь.

— Вы по-прежнему отказываетесь перечислить дома, где бывает Зелимхан?

— Я не знаю, где он бывает, — отвечала женщина, поворачиваясь боком к следователю, чтобы дать ребенку грудь.

Старик сидел молча, уставившись на нее и мерно постукивая карандашом по столу.

— Это ваше последнее слово? — спросил он, не повышая голоса.

— Да.

— Ну что ж, в таком случае разговоры наши окончены. Я даю вам еще два дня на размышления, после чего вы со всем своим выводком будете высланы в Енисейскую губернию.

— Куда? — не поняла Бици.

— В Сибирь, в Сибирь! — выкрикнул следователь, резко захлопнув лежащую перед ним папку.

Бици молчала. «В Сибири теперь наших много, — подумала она. — И там не пропадем, лишь бы Зелимхана не схватили...»

Чеченский аул Новые Атаги издавна славился своими мастерами холодного оружия, светлой родниковой водой Аргуна и красавицами с горячими сердцами. Зелимхан бывал здесь очень редко потому, что и тут его подстерегали агенты Кибирова не меньше, чем в родном Харагое. Оно и понятно: Аюб был родом отсюда, а царские стражники искали его так же усердно, как и Зелимхана.

Зелимхан с Аюбом заехали сюда по пути из Грозного с твердым намерением не задерживаться, но попали на чеченскую вечеринку, куда, по обычаю, каждый вправе прийти без приглашения и должен быть принят хозяином дома как желанный гость.

Аюба здесь знали почти все, Зелимхана — нет. Однако предусмотрительный Аюб на всякий случай оставил во дворе верного человека, который должен был следить за каждым, кто выйдет из дома.

Большинство людей на вечеринке было в овчинных шубах, надетых поверх грязных бязевых или ситцевых рубашек, но у каждого висел кинжал на узком кавказском ремне. А кое у кого в кобуре или за поясом торчали пистолеты-кремневки. Многие были обуты в ичиги из сыромятной кожи. Те, что побогаче, были одеты в ладные суконные черкески, а на ремнях у них висели кинжалы в серебряных с позолотой ножнах и пистолеты, инкрустированные по стволу серебром, с набалдашниками из слоновой кости. Папахи у всех собравшихся были набекрень.

После того как мужчины по старшинству и по очереди поздоровались с вновь прибывшими, им были предложены почетные места. Наконец все расселись, и вечеринка потекла по узаконенному обычаю руслу.

Зелимхан незаметно наблюдал за окружающими людьми. Еще в самом начале он заметил девушку в голубом шелковом платье, с большим кулоном на шее. Она слегка приподнялась и, стыдливо закрываясь тонким оранжевым шарфом, чуть заметно кивнула Аюбу. На одно мгновение ее темные глаза задержались на юноше, но тут же стали бродить по лицам, пуская по ложному следу досужих наблюдателей. Зелимхан понял, что это любимая девушка Аюба. Он часто слышал о ней от юноши и знал также, что родители ее и думать не хотят о молодом абреке.

Все девушки на вечеринке были нарядно одеты. Они сидели напротив мужчин в почетном углу с сияющими улыбками, кокетливо поглядывая на молодых людей. Их воздушные головные уборы в свете тускло мерцающей лампы подчеркивали естественную красоту лиц.

Мужчины, тихо переговариваясь между собой, иногда перебрасывались отдельными фразами с девушками. Многие курили, частенько сплевывая на пол. Под низким потолком стоял густой дым от крепкого самосада.

Но вот тамада мужчин, обращаясь к тамаде женщин, сказал:

— Прошу вас передать нашим девушкам, чтобы они позаботились о наших гостях.

— Хорошо, — мягко ответила та, приподнявшись. — Можете быть спокойны, я уже позаботилась о наших гостях.

— Баркалла, — поблагодарил ее тамада мужчин, удовлетворенно кивнув головой.

Все умолкли. Молодые улыбались и переглядывались между собою. А когда заиграла гармошка, первым вывели на танец Аюба. Стремительно вылетев на середину комнаты, он принялся вырисовывать своими мягкими сафьяновыми сапогами замысловатые фигуры. Тут же вывели девушку. Аюб внезапно остановился и, пропустив ее вперед, плавно последовал за ней. Обойдя один круг, второй рядом с девушкой, он вновь закрутился волчком, выполняя самые сложные вариации танца с невероятной быстротой. Под конец он стал описывать круги вокруг девушки, стараясь заставить ее первой выйти из танца.

— Хорошо танцуешь, — похвалил друга Зелимхан, когда тот, едва переводя дух, присел возле него.

— Это только ради тебя, — улыбнулся атагинец, — а так я вообще никогда не танцую.

Когда танцы закончились и гармонист замолк, Зелимхан с Аюбом встали и, попрощавшись с хозяином дома, удалились. Нескольким друзьям, вышедшим за ними следом, Аюб дал понять, что они с Зелимханом сейчас же уходят из аула. Но выйдя за его пределы, абреки вскоре свернули в сторону и, описав полукруг, вернулись назад. Стояла кромешная тьма. Аюб постоянно озирался по сторонам, хотя ничего не видел. Ему все казалось, что кто-то крадется за ними.

Моросил мелкий холодный дождь со снегом. Ноги скользили по утоптанной дороге, и Зелимхан дважды натыкался на прутья плетня. Он чутьем, как волк, отыскивал надежную точку опоры, хотя ноги его

нестерпимо ныли. Приобретенный за годы скитаний и бездомности ревматизм в последнее время все чаще давал знать о себе.

Так они и крались, два абрека. И Аюб начинал уже успокаиваться, полагая, что ему удалось запутать следы, а между тем с того самого момента, как они вышли с вечеринки, и в самом деле за ними неслышно следовала какая-то тень. Прижимаясь к заборам и замирая от каждого своего неосторожного движения в густой тьме, неизвестный шел за двумя друзьями, стараясь не слишком приближаться к ним.

Абреки спустились в глухую балку и прошли по мостику через шумливую речушку. Тут же за речкой в густом заброшенном саду стоял дом родственника Аюба, у которого они останавливались перед отъездом в Грозный. Здесь были тогда оставлены их кони.

Вскоре в доме смолкли приглушенные голоса, потухли огни. По двору, осматривая запоры у конюшни и у ворот, последним дозором прошел хозяин.

А неизвестный, притаившийся под деревом на той стороне речушки, дождавшись, когда уйдет и хозяин, повернулся и исчез во мраке. Кругом ни звука. Темная морозная ночь окутала аул мертвой тишиной.

* * *

На рассвете, когда Зелимхан с Аюбом собирались в путь, хозяин дома — полный краснощекий мужчина — рассказал им о воззвании, с которым веденский кадий Оба-Хаджи и шалинский Юсуп-мулла обратились к верующим.

— В прошлую пятницу в мечети при всем народе зачитывали, — сказал он, обращаясь к Зелимхану.

— Что же они там пишут? — поинтересовался харачоевец, полой черкески протирая винтовку.

— Они говорят, что вы против шариата и мусульманской религии, — отвечал хозяин, давая понять, что все это касается лишь Зелимхана.

— Лично я или все абреки? — переспросил Зелимхан, исподлобья взглянув на хозяина.

— Ты только, — ответил тот. — Об Аюбе там ничего не сказано. Наоборот, наш кадий сказал, что если он явится с повинной, власти его помилуют.

— Слышишь, Аюб, — горько усмехнулся Зелимхан. — У тебя еще есть возможность стать мирным человеком. Видно, ваш кадий добрый человек.

Аюб хмуро молчал. Не нравился ему этот разговор с самого начала. Ему очень не хотелось возражениями раздражать своего родственника, но все же он не выдержал.

— Саламбека уже помиловали. Совсем мирным стал... — юноша сурово взглянул на своего родственника. — И передай кадию, не верим мы царским генералам.

— Почему ты так худо думаешь о нашем кадии? — неодобрительно спросил хозяин у Аюба. — Он о тебе так плохо не думает.

— Пускай свое хорошее он оставит себе!

Лицо хозяина помрачнело. Но он преодолел гнев и, с неловкой почтительностью поклонившись сидящему Зелимхану, вышел в другую комнату.

Зелимхан тяжело вздохнул, морщась потер ноющие колени и сказал, повернувшись к Аюбу:

— Ладно уж, пока тебя не уговорили сдаться в «добрые» руки Михеева, напиши-ка кадию письмо от моего имени. — Зелимхан поднялся с места и начал расхаживать по комнате, обдумывая слова будущего послания к Оба-Хаджи.

Аюб молча достал из хурджина папку с бумагой, ручку, чернильницу и присел к столу, стоящему возле окна.

— Пиши, — сказал харачоевец и начал диктовать: — «Оба-Хаджи, зачем кичишься, что ты божий человек, что пророк открыл тебе во сне и в видениях будущее людей и двери в рай? Нет, ты не святой. Ты не стоишь тени святого, и слово божье не коснулось ушей твоих. Ты шарлатан, которого надо убить раньше, чем царского генерала Шатилова, ибо ты обманываешь народ. Так говорит тебе Зелимхан из Харачоя...» Написал?

— Да, — ответил Аюб.

— Читай.

С большим напряжением прочитав письмо, Аюб перевел дыхание и, устало откинувшись на спинку стула, выжидательно смотрел на товарища.

— Хорошо написал, — сказал Зелимхан. — Сегодня же отправь письмо в Ведено и сделай так, чтобы его вручили лично Оба-Хаджи. А я съезжу к Эльберду в Галашки и узнаю, не слышно ли чего нового о моей семье.

— Как! Один? — воскликнул Аюб, и в голосе его прозвучала тревога.

— Да, один. Я еще хочу навеститься и к Одноглазому. Человек он, конечно, скверный и мелкий, но несправедливо было бы ему погибнуть от

моей руки за несовершенное предательство. Пусть сам произнесет себе приговор. Ты же, как отправишь письмо, не позже чем завтра поезжай к Зоке, возьми из нашей отары лучших баранов и раздай их бедным людям. Ведь до курбан-байрама остается всего два дня...

Шахида Борщикова срочно, чуть не под конвоем, привезли в Грозный. Тут он был немедленно доставлен в личный салон-вагон генерала Шатилова, который отбывал в Тифлис для доклада наместнику.

Генерал встретил Шахида довольно холодно. Он пропустил мимо ушей витиеватое приветствие, которое еще в дверях произнес хитрый шалинец. Шатилов смерил чеченца уничтожающим взглядом.

— Вы полагаете, господин Борщиков, что моим терпением можно злоупотреблять? — резко спросил он.

— Я весь к вашим услугам, господин генерал, — Борщиков вытянулся, держа руки по швам. — Приказывайте.

— Мой приказ вам давно известен: мне нужен Зелимхан, живой или мертвый.

— Простите, ваше превосходительство, видит аллах, я делаю...

— Надо, чтобы это видел я, а не аллах! — зло крикнул генерал.

Борщиков закатил глаза и открыл было рот для очередной верноподданнической фразы, но увидел, как Кибиров, сидящий тут же в кресле, предостерегающе погрозил ему пальцем. Рот Шахида тут же закрылся.

— Что же вы молчите? — спросил генерал.

— Ваше превосходительство отняли у меня дар речи...

— Положим, его у вас и не было, — усмехнулся Шатилов. — Итак, вы имеете сообщить мне что-нибудь важное?

Борщиков согнулся в почтительном поклоне, не отрывая умильного взгляда от генеральского лица.

— Имею, ваше превосходительство.

— Говорите! — Шатилов достал папиросу из золотого портсигара и закурил.

— Зелимхан находится сейчас в ауле Новые Атаги, — выпалил Борщиков. — Этой ночью мой человек долго ходил за ним и проследил его до самого дома, там, за речкой, а утром сообщил мне...

— А вы не думаете, что вашему человеку было бы разумнее не таскаться за этим разбойником, а просто пристрелить его? — перебил его генерал.

— Ваше превосходительство, ночь была очень темная, и к тому же Зелимхан был вдвоем со своим помощником.

— Насколько я знаю, темная ночь никогда еще не мешала убийству.

— Ваше превосходительство... Но Шатилов уже не слушал его, он нажал кнопку звонка, и через несколько секунд в салоне появился адъютант.

— Немедленно пошлите сотни полторы казаков в Новые Атаги. Там, в доме за речкой, скрывается Зелимхан. Только пусть мчатся в карьер, этот бандит ждать их не будет. Живо!

Адъютант щелкнул каблуками, повернулся и исчез с такой быстротой, словно прошел сквозь стену вагона.

Шатилов подошел к Борщикову, который все это время скромно стоял у стены с выражением такой важности на лице, будто он приобщился к высшим делам государственного управления. Генерал несколько минут смотрел на эту самодовольную физиономию, словно выбирая, по какой щеке отвесить ему увесистую оплеуху.

— А теперь слушайте меня внимательно, господин Борщиков, — сказал он наконец, грозно хмуря брови. — Мне кажется, что вы мыслите себе участие в устранении Зелимхана исключительно в виде получения денег, офицерского чипа и всего прочего, о чем я вам говорил... Не выйдет! Чужими руками хотите все сделать? Боитесь, что Зелимхан или потом кто-нибудь из его родичей сделают в вашем теле хорошенькую дырку. Что-то мне еще не приходилось слышать, чтобы кто-нибудь получил большие деньги, не запачкав рук, — генерал взглянул на свои холеные руки, потом снова воззрился на Борщикова, стоявшего навытяжку и растерянно моргавшего глазами.

— Так вот, — продолжал генерал, — теперь конкретно. Абрек этот сейчас очень одинок, у него не осталось никого из близких родственников. Вы в родстве и должны близко сойтись с ним. Только так вы сможете вывести его нам в руки. Вам понятно?

— Понятно, ваше превосходительство, — Шахид облизал сухие губы.

— И не тяните с этим. Я сейчас уезжаю в Тифлис. Держите связь с господином Кибировым, — Шатилов оглянулся на штаб-ротмистра, который сидел в кресле, разглядывая сверкающий носок своего сапога. — Впрочем, он и сам не будет спускать с вас глаз. И чтобы к моему возвращению был ясный и реальный план поимки или устранения Зелимхана... А теперь ступайте!

Шатилов откинулся в кресле и прижал длинными пальцами уставшие глаза.

* * *

За окном хлопьями падал последний февральский снег. Потом внезапно выглянуло солнце и снег начал таять.

Гость встал очень рано и, совершив утреннее омовение, вышел на крыльцо. Он хотел тотчас уехать и просил не тревожить хозяйку с завтраком.

— Зелимхан, всего несколько минут... Ну как же я могу отпустить тебя голодного? — уговаривал гостя Багал. А в маленькой кухне уже хлопотала его жена.

— Эй, ты, давай там поскорее! — крикнул Одноглазый через стенку.

— Сейчас, сейчас подаю, — откликнулась та.

Зелимхан стоял на крыльце, понурившись, свесив вдоль тела большие тяжелые руки, как крестьянин, только что вернувшийся с утомительной полевой работы. «Если я задумал дело правое, то укреплю мою волю, о аллах: сделай глаз мой метким и руку твердой», — молился абрек.

Он не спал всю ночь, наблюдая за Одноглазым — не отлучится ли тот из дома. Багал ни разу никуда не выходил, но это само по себе еще не снимало тяготевшего над ним подозрения.

Уступая просьбам хозяина, абрек вернулся в комнату и присел на пандар у окна.

— Тебя что-то тревожит, Зелимхан? Скажи, не могу ли я чем помочь тебе? — допытывался Одноглазый.

— Да так, ничего особенного, — сказал Зелимхан. — Сон я видел вчера, довольно странный сон, Багал.

— Да будет сон твой к добру. Расскажи.

Зелимхан молчал.

— Расскажи, я умею разгадывать сны, — настаивал Одноглазый.

— Да что там рассказывать, Багал, пустяки какие-то, — начал Зелимхан, украдкой поглядывая на хозяина, — видел я во сне, что ты будто бы запродай меня за большую сумму денег генералу Михееву.

— Ой, Зелимхан! Ой-ой, да избавит нас аллах от таких вещей. Да можно ли даже подумать такое! — Одноглазый глядел на жену, которая расставляла на столе кушанья. — А ты сам-то придаешь какое-нибудь значение сну?

— Нет, — грустно усмехнулся Зелимхан, — но язык у иных людей так устроен, что начинает чесаться, если не выложено все, что на душе...

— Я тебя понимаю, всегда на душе делается легче, когда расскажешь о своих сомнениях ближнему, — закивал головой Багал, но глаза его

тревожно бегали.

— Верно говоришь, — подтвердил абрек, — а хочешь, я расскажу тебе одну историю?

— Расскажи, Зелимхан, сделай милость, расскажи.

— Жил, говорят, на свете один могущественный царь. Был у него единственный сын по имени Абдула. И вот царский сын вдруг лишился дара речи. Царь призвал лекарей со всей земли и предложил несметное богатство тому, кто вернет его сыну речь. Но никто из лекарей не смог вылечить Абдулу. Тогда к царю пришел его слуга и сказал: «Государь, я могу вернуть речь вашему сыну, дайте только мне немного времени».

Царь ответил ему: «Если ты вылечишь его, я сделаю тебя своим визирем, а в награду отдам тебе полцарства, но если обманешь, то отрублю тебе голову». «Хорошо», — ответил слуга и удалился.

На следующий день царевич Абдула взял ружье, собак да и пошел охотиться. А слуга тайком — за ним. Шли они долго, только вдруг в лесу запел дикий фазан. Абдула призвал своих собак и пустил их в чащу. Встревоженный фазан взметнулся в воздух. Абдула выстрелил, и упала птица к его ногам. «Бедная птица, глупая птица, — говорит ей Абдула, — не я, а ты сама виновата в своей участи. Если бы ты не запела, я не знал бы, что ты здесь в лесу и не послал бы собак тебя вспугивать, а не вспугнувши — не выстрелил бы. Прости меня, ты сама, язык твой повинен в твоей беде...»

— Ой, какую правду он сказал птице, — перебил рассказчика Багал, всплеснув руками.

— ...Услышал слуга, как Абдула с птицей разговаривает, — продолжал Зелимхан, — пришел к царю и говорит: «Милостивый мой государь, ваш сын Абдула умеет разговаривать, призовите его да велите ему поговорить с вами». «Хорошо, — сказал царь, — скажи, чтоб позвали его ко мне, а сам иди пока».

Пришел Абдула к отцу, тот ему и говорит: «Мой дорогой сын, ведь я же стар и немощен, на кого я покину наше царство? Скажи мне хоть слово одно, утешь мое сердце перед смертью». Но Абдула молчал. И тогда разгневанный царь велел казнить слугу за обман...

— Валлайги, правильно рассудил царь! — воскликнул Одноглазый.

— ...На казнь царского слуги собрался весь народ. Пришел и царевич Абдула. Перед казнью слуга обратился к Абдуле и попросил сказать отцу хоть одно слово и тем спасти ему жизнь. Но Абдула и тут промолчал. Когда же палач занес топор над головою слуги, царевич остановил казнь и

так сказал своему отцу: «Отец, дорогой, для чего вам нужна моя речь? Не вынуждайте меня говорить, я не хочу говорить. Мой язык — мой враг...»

— Ох, как все правильно! — кивал головою Багал.

— ...С тех пор, говорят, молчит царский сын Абдула и живет себе без печали, — закончил свой рассказ харачоевец.

Затем абрек поднялся из-за стола, поблагодарил хозяйку и пошел седлать своего коня.

Прощаясь с Багалом, Зелимхан внимательно всматривался в его лицо и думал: «Предатель или обыкновенный болтун? О аллах, я должен это знать, чтобы наказание мое было справедливым!»

Отъехав несколько километров, харачоевец свернул в лес и стал наблюдать за дорогой. Вскоре он услышал топот коня, и тотчас из-за поворота выехал Багал. Не оглядываясь, он скакал во Владикавказ. Зелимхан последовал за ним. И по приезде в город абрек не выпускал Одноглазого из поля зрения, пока не убедился, что тот вошел в дом полицейского присутствия Терской области. Только после этого Зелимхан повернул коня и направился в аул Нилхой.

Чернов сидел у себя в кабинете, когда к нему просунулась голова и уставилась на него одним глазом.

— Здравствуйте, господин пристав, — Багал остановился на пороге и низко поклонился.

— А-а, старый приятель! Ну, здравствуй. Рассказывай, с чем пожаловал ко мне?

— Дело есть, господин пристав, — отвечал Багал, стараясь улыбнуться и почесывая за ухом.

— Какое дело? Говори! — Чернов кивнул на стул, приглашая посетителя сесть. — Да говори же скорей!

— Скорей нельзя говорить, господин пристав, тихо надо, — Багал оглянулся и, старательно прикрыв за собой дверь, прошел к столу и присел на стул, стоящий напротив Чернова. — Тихо надо, господин пристав... — повторил он. — А вот делать надо скорей, потому что Зелимхан уже все знает, — и он рассказал Чернову о своем утреннем разговоре с абреком.

— Вот оно что!.. — задумчиво произнес пристав. Он с трудом повернулся в кресле и тут же заохал от боли: давала себя знать полученная недавно рана. — А когда Зелимхан снова появится у тебя в доме? Не говорил он тебе об этом? — спросил Чернов, немного помолчав.

— Нет, теперь он не скоро приедет ко мне, — ответил Одноглазый. — Зелимхан теперь очень злой стал, будет всех убивать, пока не освободят его детей.

— Зачем же всех? — ехидно улыбнулся Чернов. — Семья его уже отправлена в Енисейскую губернию по приказу генерала Шатилова. Вот его пусть и убивает. А мы что, мы маленькие люди.

— Так их уже сослали? — переспросил Багал, беспокойно заерзав на стуле.

— Да. А что?

— Ничего, я так...

— Послушай, Багал, — Чернов понизил голос и нагнулся к Одноглазому через стол, — ты должен обязательно узнать, когда к тебе снова придет Зелимхан, и за день до этого сообщить об этом мне. Понятно?

Багал тупо молчал. Он думал о том, что произойдет, когда Зелимхан узнает, что его семью сослали в далекую Сибирь.

— Ты что, испугался или не слышишь меня? — спросил Чернов.

— Хорошо, — очнулся Одноглазый и встал со стула, — только вот засаду не надо делать в моем доме... Лучше где-нибудь на дороге, господин пристав.

Чутье ищейки подсказывало Багалу, что высылка семьи знаменитого абрека последствиями может коснуться и его.

— Ладно, иди теперь, а то я больше не могу, рана разболелась, — сказал Чернов, поднимаясь с кресла.

Одноглазый продолжал стоять как пень. Из того, как дружелюбно разговаривал с ним пристав, он понял, что оба они связаны одной веревочкой, и его хитрецкий ум тут же прикинул: а нельзя ли сейчас хоть что-нибудь выклянчить у Чернова?

— Господин пристав, — сказал он наконец, — ехал сюда — жена просила платье ей купить, а у меня...

— Денег нет? — перебил его Чернов. — Что же нам делать? Правда, я и так израсходовался на тебя...

Одноглазый продолжал стоять в дверях, пока пристав, раскрыв ящик письменного стола, не поманил его к себе.

— На вот, из своих даю, — сказал Чернов и высыпал Одноглазому в ладонь рубля два серебром. — Жене платье купить надо. Только смотри, не забудь о Зелимхане.

— Спасибо, господин пристав, а насчет этого не беспокойтесь, все сделаю, — низко поклонился Багал и, пятясь, вышел из комнаты.

Выйдя на улицу, Одноглазый не спеша поехал на городской базар, где купил еще теплый душистый чурек и пару бутылок красного морса. За полтинник он взял жене материи на платье, после чего, вполне довольный собой, отправился восвояси.

За городом он придержал было коня, намереваясь остановиться и перекусить, но не решился. Теперь его пугал каждый кустик, встречавшийся на дороге.

Солнце быстро опускалось за Столовую гору, и в ущелье сгущались тени, когда Багал подъезжал к аулу. Немного подумав, он свернул с дороги к лесу и пробрался к дому задом, крадучись, как вор. Однако, увидев во дворе жену, спокойно выбивавшую коврик, доносчик облегченно вздохнул и твердо решил больше никуда носа не казать, пока не уберут Зелимхана.

* * *

О том, что его семья сослана в Сибирь, Зелимхан узнал, приехав в аул Нилхой.

— Днем раньше я как раз носил им передачу, — рассказывал ему Эльберд. — Мне и в голову не могло прийти, что их так внезапно увезут.

— А передачу приняли? — спросил харачоевец.

— Да.

— И не пытались узнать, кто ты такой? — мрачно поинтересовался абрек, поправляя ремешки на своих суконных гетрах.

— Пытались, — отвечал Эльберд. — Но я сказал, что Зелимхана не знаю, что одна Зезаг доводится мне родственницей по матери, да к тому же маленьких детей жалко.

— Кто сказал тебе, что их сослали в Енисейскую губернию? — спросил Зелимхан, не поднимая головы.

— Один из надзирателей. Но это когда я пошел туда уже второй раз и то — по секрету. Просил никому не говорить о своем разговоре со мной.

Оба они умолкли. Зелимхан будто окаменел.

— Странно как: русский человек и так сочувственно отнесся к нашим делам, — снова заговорил Эльберд. — Я даже спросил его, почему так. А он сказал, что есть такие люди, которые хотят убрать белого царя. Они желают видеть тебя, Зелимхан.

— А что это за люди? Ты не спросил? — поднял голову Зелимхан.

— Нет, не знаю, — отвечал Эльберд. — Но вроде бы их называют анархистами.

— Анархисты?.. А какой они веры? — спросил абрек.

— Не знаю ничего. Он только сказал, что среди них есть русские, армяне и другие.

Зелимхан вдруг вспомнил своего давнего друга по тюрьме — Костю, который говорил, что чиновники царя обижают русских не меньше, чем других, и всячески поддерживал Зелимхана, доказывая, что нужно убивать всех притеснителей народа, одного за другим. Бобров тогда спорил с ними обоими, объясняя, что всех жестоких начальников не перебьешь, и, пожалуй, он был прав. Бобров тогда называл Костю террористом. Но воспоминание это только промелькнуло и исчезло, вытесненное нынешней его огромной бедой: его семьи нет здесь, на родине, его жена, дети в ссылке, и он бессилен помочь им.

Тяжело вздохнув, Зелимхан поднялся и стал прощаться.

Ушел он, как всегда, ни слова не сказав о том, куда направится и когда наведается вновь.

В окнах домов загорелись огни, но свет их с трудом пробивался сквозь стену по-зимнему голых, но густо растущих деревьев. Абрек чутьем разыскал узкую улицу, уходящую в глубь аула. Ее почти всю перекрывал густой навес деревьев. Здесь особенно ощущалась знобящая сырость чеченской черной зимы. Харачоевец проехал еще несколько домов и свернул влево, в узкий переулок. Здесь он спешился и постучал в деревянные ворота рукояткой плетки.

— Кто там? — спросил женский голос.

— Гость издалека. Примете?

Несколько минут стояла тишина. Затем отворилась маленькая калитка и из нее вышел человек с фонарем, при свете которого можно было разглядеть продолговатое лицо с ястребиным носом. Человек этот поднял фонарь, желая разглядеть гостя, и тут же сделал шаг назад.

— А-а, Зелимхан... Неужто это ты? — произнес он с неестественным оживлением. — Да будет с миром твой приход. Заходи.

— Баркалла, Багал. На сей раз не смею задерживать тебя, — отвечал Зелимхан, не слезая с коня.

— Что за беспокойство, милости просим, — засуетился Багал, протягивая руку к узде коня.

— Нет.

— Что-нибудь случилось? — встревожился Одноглазый. — Ты же только утром уехал. Забыл что-нибудь?

— Ничего не забыл, — глухо сказал абрек и слегка наклонился в седле.

Одноглазый поднял фонарь повыше, стараясь разглядеть выражение лица гостя.

— Багал!

— Что?

— Я вижу, ты вооружен.

— Да.

С минуту стояло тягостное молчание.

— Тогда защищайся, — сказал Зелимхан.

Одноглазый испуганно попятился, фонарь заплясал в его руке, и тени вокруг покачнулись.

Глухой выстрел нарушил сонную тишину аула. Одноглазый упал мешком на землю. Зелимхан спешился, но не повернул убитого лицом к Кабе, не стал читать над ним отходную молитву. Он сунул ему в рот медный пятак и сказал:

— Вот тебе взамен восемнадцати тысяч рублей!

Уже на окраине аула абрек столкнулся с человеком, который, услышав выстрел, вышел на улицу.

— Что там случилось? — спросил человек, разглядев в темноте силуэт всадника.

— Говорят, кто-то застрелил бешеную собаку, — ответил Зелимхан.

— А почему орут женщины?

— Собака, говорят, была не простая, породистая овчарка, да и привыкают люди к собакам, как к членам своей семьи... — донесся до него голос из мрака.

* * *

Галашкинские горы остались далеко позади. Дорога Зелимхана лежала по нехоженным горным тропам, сквозь дремучие леса, по узким ущельям, но мысли были далеки от всего этого. Он думал об одном: «Ну хорошо, после убийства Багала одним предателем стало меньше. Но их же тьма, и на место одного ушедшего приходят трое, и все они, как ящерицы, вьются вокруг потому, что чиновникам нужны предатели и провокаторы. Разве всех перестреляешь? Ведь скольких один я убрал, а конца нет. Как же быть?»

Вопрос этот уже давно мучил харачоевца. К тому же силы медленно, но верно покидали его. Он тяжело болел, старые раны все чаще давали себя знать, а тут еще прибавились мучительные боли в суставах.

Сейчас, слушая цокот копыт своего коня, Зелимхан мечтал взять пастуший посох вместо винтовки и спокойно походить за медлительной отарой. «Там, на стойбище, увижу Зоку и Аюба, узнаю, что они сделали к курбан-байраму», — думал он, подъезжая к речке Шалажи.

У самого брода на перекладинах старой арбы сидел крестьянин, обхватив руками голову.

— Да будет добрым твой день, — приветствовал его Зелимхан.

— Да полюбит тебя бог, — встал тот, тревожно поглядывая по сторонам.

— Чем могу помочь? Что-то случилось? — поинтересовался харачоевец.

— Да вот ехал с похорон, — объяснил крестьянин. — Встретил меня здесь харачоевский Зелимхан, отобрал волов и ушел, — он недоуменно развел руками.

— Что!? Харачоевский Зелимхан? — изумился абрек.

— Да, он, — крестьянин растерянно смотрел на незнакомого всадника. — Это-то и обидно, что Зелимхан. Простые люди так любят его.

— Куда он ушел? — спросил абрек, поднимая коня на дыбы.

— Вон туда, — показал крестьянин на дорогу, ведущую в Рошничу.

— Жди меня здесь! — крикнул харачоевец, пуская коня вскачь. За мостом через Мартанку Зелимхан нагнал всадника с берданкой, гнавшего двух волов.

— Стой! — грозно приказал абрек. — Ты кто такой? Зачем обидел человека? — и он схватил за узду его коня.

— Не подходи ко мне! — заорал тот, поднимая ружье. — Я абрек Зелимхан.

— Кто? Кто, ты сказал? — не поверил своим ушам харачоевец и даже расхохотался при виде долговязой фигуры своего двойника.

— Говорю же, я Зелимхан из Харачоя, — повторил растерявшийся вор.

— Опусти ружье, подлец... — тихо сказал харачоевец и замахнулся плеткой. — Я — абрек Зелимхан! А ты откуда такой взялся? Говори!

Поняв, в какое опасное положение он попал, вор опустил берданку, лихорадочно соображая, как бы ему благополучно унести ноги.

— Говори, самозванец, откуда ты взялся? — потребовал Зелимхан, хлестнув его плеткой.

— Какой тебе толк от моей смерти? Возьми волов и отпусти меня с миром, — взмолился вор. — Вот и коня моего отдам... — он проворно спешился.

— Нет, — ответил Зелимхан, — сперва извинись перед хозяином волов. Расскажешь нам, почему решил воровать и грабить под чужим именем. А там уже посмотрим.

— Пощади меня, — умолял вор. — Клянусь перед аллахом и тобой, что не позволю себе ничего такого.

— Нет, не верю я клятвам грабителя, — резко сказал абрек. — Иди вперед и гони волов, а не то пристрелю как собаку, — и он толкнул долговязую фигуру стволом винтовки.

Неожиданное и ошеломляющее зрелище вскоре предстало перед глазами крестьянина. По-прежнему одиноко сидел он на своей арбе, когда

из-за поворота дороги показались его волю, которых покорно вел тот самый человек, что незадолго до этого отнял их у него. А за ним верхом следовал давешний всадник с винтовкой в руках.

— Ошибся я, прости, — выдавил из себя самозванец и протянул крестьянину свою берданку.

— А теперь скажи нам, кто здесь Зелимхан из Харачоя? — спросил абрек.

— Ты, — ответил вор, виновато опустив голову.

Крестьянин стоял, разинув рот, не веря своим глазам и не зная, что делать.

— А теперь скажи, кто ты такой и откуда родом? — грозно спросил харачоевец, положив свою тяжелую руку на плечо самозванца.

— Прошу тебя, не заставляй меня делать это, — взмолился тот.

— Говори сейчас же, грязный ишак, иначе мигом выпущу тебе кишки, — Зелимхан схватился за рукоять кинжала.

— Хорошо, хорошо, — забормотал вор. — Я из Шали, зовут меня Цёмалг, а винтовку мне дал веденский пристав, и еще он велел называть себя Зелимханом...

Вдруг абрек приложил руку ко лбу, словно пытаясь вспомнить что-то очень далекое.

— Постой, постой... — промолвил он. — Я же тебя знаю... Ты сидел в грозненской тюрьме? Ну да, десять лет назад... Ты конокрад?

— Да, конокрад. И в тюрьме сидел.

— Теперь все вспомнил, — сказал Зелимхан, смеясь.

Но тут вдруг произошло неожиданное: крестьянин будто пробудился ото сна.

— Да будет проклят отец, породивший тебя, — заорал он и, схватив дубину, лежавшую на арбе, бросился на конокрада.

— Подожди, — удержал его Зелимхан и, обернувшись к конокраду, сказал:

— Вот что, если я еще раз услышу о твоих проделках, то повешу на первом попавшемся суку. Понял?

Вор стоял молча, всем своим видом выражая полную покорность.

— А теперь прочь отсюда! И на глаза мне больше не попадайся. А коня своего можешь забрать...

Когда вор уехал, Зелимхан сказал крестьянину:

— Прости мою горячность. Ты сказал, что едешь с похорон. Да благословит аллах покой умершего, да сделает он всю твою последующую дорогу счастливой, — это было обычное соболезнование.

— Да будет доволен тобою бог, — отвечал тот. — Случилось большое горе, много наших погибло...

— Где это случилось? — спросил абрек, садясь на коня.

— В Грозном убили их. Говорят, это сделали пьяные казачьи офицеры ради забавы. Всего убитых тринадцать человек, большинство из аула Гойты и Урус-Мартана.

— Тринадцать человек, — пробормотал харачоевец тихо, будто разговаривая с собой. — Аллах заступится за них. Ну, счастливой тебе дороги, — абрек подал крестьянину руку и тронулся в путь.

— Спасибо тебе, Зелимхан! Стой, ты забыл винтовку этого вора, — окликнул его крестьянин, только сейчас увидев берданку.

Придерживая коня, абрек обернулся и сказал:

— Как тебя зовут?

— Я Шаби из Катар-Юрта.

— Другой раз, Шаби, не принимай каждого встречного за Зелимхана, а винтовку оставь себе, — и харачоевец тронул коня.

* * *

Отдохнуть у Зоки Зелимхану не пришлось, да и Аюба он не увидел здесь.

В тот самый вечер, когда харачоевец в Нилхое беседовал с Эльбердом, в ауле Новые Атаги казаки окружили дом, в котором спал его молодой друг. Зока поведал Зелимхану о трагической гибели Аюба.

— Сто пятьдесят вооруженных солдат против одного сонного... — рассказывал пастух. — Проснулся Аюб, но стрелять не мог: в доме, за спиной у него, были женщины и дети. Аюб выпрыгнул в окно и, отстреливаясь, побежал через сад, но уйти ему не удалось... — старик глубоко вздохнул и добавил: — Говорят, предатель получил за его голову сто рублей серебром...

И вот опять те же мысли: только что он убил предателя Багала, а тут другой предатель уходит, получив за голову Аюба сто рублей царских денег! Там офицеры ради забавы убили тринадцать человек... Нет, нельзя все это прощать, нельзя!

— Зока, мы должны отомстить им, — произнес Зелимхан, будто очнувшись от сна.

— Кто донес?

— Определенно не знаю, — ответил Зока. — Говорят, какой-то шалинец.

— Если из Шали, я быстро найду его.

— Как?

— Шахид разыщет мне его, — ответил харачоевец, не задумываясь.

— Какой Шахид?

— Шахид Борщиков. Помнишь, тот, что ходил с нами на Кизляр!

Зока промолчал. Хотя Зелимхан очень доверял Борщикову, как доверял бы любому своему родичу по материнской линии, у старого пастуха эти связи его друга не вызывали доверия, и ничего доброго от них он не ждал.

Вообще за последнее время положение Зелимхана вызывало у Зоки все большую тревогу. После обращения веденского кадия и шалинского муллы к верующим для многих фанатически искренних мусульман харачоевский абрек оказался как бы вне закона. В сочетании с наградой, назначенной генералом Михеевым за его голову, это создавало основу для предательства, и пастух теперь еще более подозрительно, чем сам Зелимхан, относился к каждому новому человеку. А фактов, вызывающих тревогу, было достаточно.

— Ты знаешь, Зелимхан, внизу в аулах в последнее время стали поговаривать о том, что ты скрываешься здесь, на пастбищах.

— Это нехорошо, — сдержанно сказал абрек, и лицо его еще более помрачнело. Затем Зелимхан приступил к обеденной молитве, но вдруг прервал ее.

— Зока, — обернулся он к старику, — завтра какой день?

— Пятница. А что?

— Пошли, пожалуйста, своего сына к Дуде, да и сам оседлай коня. Всех верных нам и способных храбро драться нужно созвать в субботу утром в Чиллан-ирзе. Будет большое дело. — Какое дело, Зелимхан не сказал, только добавил: — За овцами я сам присмотрю.

Весна все выше поднималась в горы. Снег таял и там, а журчащие ручьи стремительно неслись вниз, на зеленеющие луга. Именно в эти дни, наполненные ароматом, Зелимхан отправился пасти овец.

Абрек медленно шагал за отарой, опираясь на длинный посох, хозяйски приглядывая за каждой отбившейся овцой. Он поднялся на невысокий бугор и присел, повернувшись спиной к холодному ветру.

За зиму отощавшие овцы паслись впервые и не пропускали ни одной травинки. Разглядывая их, Зелимхан вспомнил, что Аюбу так и не довелось справить курбан-байрам: все овцы харачоевца были в отаре. Ни одной не взял Аюб. И опять грустные мысли нахлынули на него. Ни первые цветы, весело покачивающиеся над молодой травой, ни повесенному шумное пение птиц не могли развеять печаль в душе харачоевца. Неподалеку от него лежала овчарка, удобно пристроив острую свою морду на передних лапах. Она косила умными глазами на хозяина, как бы спрашивая: «А не пора ли нам двигаться домой, на ночлег?» Но харачоевец все сидел в задумчивости. Его нынешнее мирное занятие приносило ему светлую и тихую радость, но грустно было сознавать, что даже сюда, на пастбище, он не мог позволить себе пойти безоружным.

Неожиданно из отары до него донеслись жалобные стоны. Это стонала ягнившаяся овца.

«Какая же из них?.. Вон та, крайняя, — решил Зелимхан и быстрыми шагами подошел к черной овце. — Вот, бедняжка, сразу двоих принесла... За два дня пять овец объегнилось у Зоки, и у всех пятерых по два ягненка. Правду в народе говорят, что в хорошее хозяйство прибыль сам идет».

Абрек искренне обрадовался этому событию. Хотя кровное родство и не связывало его со старым пастухом, но совместная борьба спаяла их дружбу. Здесь, у Зоки, гонимый и отверженный властью Зелимхан нашел себе приют, но и он теперь, кажется, становится не слишком надежным.

Зелимхан осторожно завернул новорожденных ягнят в полу бурки, принес на бугор и положил около себя. Их мать тут же приплелась следом и встала неподалеку. «А меня лишили детей... Замерзшие, где-то они сейчас? Что с ними?..» — подумал абрек, и по щеке этого сурового человека, который стойко сопротивлялся жизненным бедам, скатилась

крупная слеза. Зелимхан почувствовал ее только тогда, когда она соскользнула на губы, оставив ощущение солоноватой горечи.

Зелимхан взял на руки маленьких ягнят и погнал овец к кошарам.

Когда Зелимхан с овцами пришел в кошары, старика еще не было дома. Младший сын Зоки Уматгирей готовил жижиг-галныш из сушеной говядины. Местные врачеватели болезней предписали это блюдо абреку против ревматизма. Большие глаза Уматгирея, смотревшие из-под белой папахи, сразу светлели при встрече с Зелимханом. Вот и сейчас юноша выбежал ему навстречу, снял с его плеч бурку, встряхнул ее и повесил возле дверей.

— Отец не возвращался? — спросил Зелимхан.

— Нет еще, — ответил Уматгирей и, преодолевая смущение, спросил абрека: — А вы скоро вернетесь на этот раз?

— Нет, Уматгирей, теперь вернусь не скоро. Жить у вас мне больше нельзя. Боюсь, что мое пребывание здесь и так приведет на эти мирные луга свору солдат.

— А где же вы теперь будете жить? — с тревогой спросил юноша.

— Где бы я ни жил, я всегда в конце концов приводил беду в дом своих хозяев. Место мне теперь в каких-нибудь горных пещерах...

Зелимхан, грустно опустив голову, направился к овцам.

— Я все сделаю, а вы идите отдыхать, — сказал Уматгирей, но харачоевец не послушался: он выделил из отары овец, которые могли обьягниться за ночь, и запер их отдельно, проверил, как чувствуют себя ягнята, накормил овчарку и только тогда вернулся в дом...

* * *

В субботу на рассвете абреки, собравшиеся по призыву Зелимхана, миновав густые леса мескар-юртовцев, остановились на опушке леса у полотна железной дороги.

— Сколько нас? — приподнявшись на стременах, оглядел Зелимхан своих товарищей.

— Пятнадцать, — ответил Зока.

— Эльберд, поезжай сейчас на ближайшую станцию и узнай, когда сегодня пройдет поезд на Грозный. И сразу возвращайся сюда. Понял?

— Понял, — ответил Эльберд и поскакал в сторону Гудермеса. Минут через сорок он вернулся. Конь под ним был весь в мыле. С трудом переводя дыхание, нильхоец сообщил, что поезд идет за ним следом. Как бы в подтверждение его слов до них донесся протяжный гудок. Зелимхан подозвал Зоку и сказал:

— Вели товарищам, пусть завалят путь, — и он показал на штабеля шпал, лежащих у полотна дороги. — Только давайте побыстрее.

Действительно, нужно было торопиться, так как до них уже явственно доносился нарастающий грохот приближающегося поезда.

Поняв, чего хочет Зелимхан, Дуда предложил:

— Я знаю, как его остановить. Разрешите?

Зелимхан кивнул головой. Тогда Дуда, вынув из кармана красный носовой платок, нацепил его на кончик обнаженного кинжала и, размахивая им, пошел навстречу поезду. Остальные абреки спрятались в лесу, у самой опушки. Едва успели они спрятаться, как поезд вынырнул из-за поворота. Дав подряд несколько тревожных гудков и выпустив струю густого пара из трубы, машинист затормозил, и длинный состав тяжело остановился.

Тут же абреки вихрем вынеслись из лесу и мгновенно окружили паровоз. Видя направленные на них со всех сторон винтовки, машинист с кочегаром подняли руки.

— Дуда, вы двое не отходите от них! — распорядился Зелимхан. — Зока, Эльберд! Вы каждый возьмите по три человека и стерегите состав с той стороны, чтобы ни одна душа носа оттуда не показала. Остальные — за мной! — И, держа в руке браунинг, харачоевец быстро взобрался по ступенькам в первый вагон...

* * *

Весть о том, что Зелимхан отомстил за смерть крестьян, убитых черносотенцами на грозненском базаре, с быстротою молнии облетела всю Чечню.

Взбешенный этим сообщением, штаб-ротмистр Кибиров срочно вызвал из Шали Борщикова.

— Читайте, господин Борщиков, читайте вот! — кричал Кибиров, швыряя ему в лицо газету «Русское слово». — Где Зелимхан? Я вас спрашиваю, где этот разбойник?

— Ваше высокоблагородие, я делаю все, что в моих силах, — взмолился Борщиков.

— Ничего вы не делаете, только разговариваете! — бесновался Кибиров. — В Сибирь вас надо, в Сибирь!

— Как же это ничего не делаю? — Борщиков поднял полные страха глаза на офицера. — Ведь я же помог вам изловить его друга Аюба...

— Что мне Аюб! — заорал штаб-ротмистр. — Вы мне дайте Зелимхана. Вы что, забыли, о чем последний раз с вами говорил генерал

Шатилов? Он потребовал от вас поддерживать личные контакты с этим разбойником.

— А я за это время имел встречу с Зелимханом, ваше высокоблагородие, — робко сказал Борщиков, — короткую, но все же встречу.

Кибиров сразу насторожился и сбавил тон.

— Что же вы молчали? Докладывайте, — небрежно бросил он с остатками раздражения в голосе.

— Третьего дня Зелимхан заехал ко мне, но пробыл всего полчаса, не больше. Просил узнать, кто донес о пребывании в ауле Новые Атаги Аюба. Я обещал узнать, но не могу же я, ваше высокоблагородие, назвать своего человека.

Кибиров насмешливо фыркнул.

— Ну а как он, Зелимхан? Каковы его планы?

— Болен он. Мучается от ревматизма, а недавно, как началась весна, его стала бить еще лихорадка.

Борщиков постепенно приходил в себя, страх его улетучивался. Он рассказывал охотно, вспоминая или досочиняя подробности, так как видел, что начальство внимает ему уже вполне благосклонно. Кибиров действительно слушал его внимательно, только морщил брови, словно обдумывая что-то.

— Вот что надо сделать, — вдруг прервал он Борщикова. — Поезжайте в Ведено и получите в гарнизонной аптеке большую порцию хинина. Скажете, что я приказал... Вы запомнили — хинин? Такое есть лекарство.

Шахид понимающе кивал головой.

— Вы будете лечить этим лекарством Зелимхана. Пусть он, убедится, что вы ему настоящий друг... Только не давайте ему все лекарство на руки, говорите, что вам его очень трудно доставать, чтобы он был вашим частым гостем... Вы меня поняли?

Борщиков хитро улыбнулся.

Встреча закончилась полным взаимопониманием.

А Бици вместе с Зезаг и детьми жила в маленьком селе Ермаковском Енисейской губернии без права выезда за пределы этого села.

Бици знала, что Зелимхан сильно тоскует по ним, и потому часто писала домой. Письма она посылала в аул Нилхой на имя Эльберда, уверенная, что тот их обязательно прочтет Зелимхану.

«Хорошие люди есть и здесь, — писала она. — Мы ни в чем не нуждаемся. Вот только что тебя не видим». А о смерти единственного племянника Зелимхана — Лом-Али и о том, как трудно им приходится из-за сильных морозов, Бици не обмолвилась ни единым словом.

— Мой муж очень беспокойный человек, Валентина Михайловна, — говорила она своей подруге, тоже ссыльной. Если узнает, что нам здесь плохо, он и сюда может приехать. Пожалуйста, пишите, что у нас все хорошо.

— Вот и прекрасно, пусть приезжает. Мы надежно спрячем его здесь, — уверяла та, дружески улыбаясь.

— Нет, нельзя ему сюда, — качала головой Бици. — Здесь все нам чужое.

— А я?

— Вы хороший человек, но вас тоже не любят эти царские начальники, — вздыхала Бици. — Нет, не надо сюда Зелимхану.

* * *

Как-то утром к веденскому приставу Бек Сараеву явился лазутчик и, призывая в свидетели старшину аула Адода, затараторил:

— Валлайги-биллайги, это точно, что Зелимхан находится сейчас в Цонтароевской пещере. Он очень больной, его трясет лихорадка так, что он почти не может двигаться.

Обрадованный этой вестью, пристав тут же помчался к начальнику округа и настоял на том, чтобы его разбудили. Полковник Моргания одобрил план Бек Сараева и обещал к обеду быть в Харачое с большим отрядом.

В полдень, подъезжая к аулу, Моргания увидел большую толпу. Впереди стояли старшины, муллы и наиболее почетные старики из окрестных аулов, еще с утра собранные Бек Сараевым. За ними испуганно жались харачоевские крестьяне.

Приблизившись к этой толпе, полковник обратился к ней с речью:

— Ваши леса и горы — разбойничьи гнезда. Вы поддерживаете воров и убийц, значит, вы тоже воры и убийцы. Разговор с вами у меня будет короткий: вы должны собрать с каждого подворно и внести в казну государства семьдесят тысяч рублей — убытки, нанесенные Зелимханом казне города Кизляра.

Услышав фантастическую цифру, харачоевцы онемели. Каждый из них думал про себя: «Такую сумму нам не собрать, даже если весь аул продадим дважды».

Один из стариков попытался что-то возразить, но начальство, не стало его и слушать. Люди начали расходиться, точно с поминок после похорон. Сначала ушли люди почтенные, те, что побогаче, но когда стали разбредаться крестьяне попроще, старшина Адод остановил их.

— Эй, вы! — крикнул он. — Сейчас же становитесь в ряды, пойдете впереди солдат вон к той горе, — Элсанов показал пальцем на вершину Цонтарой-лам.

День выдался пасмурный, с туманом. Хмуры были и харачоевцы, чувствующие, как голодная смерть костлявыми руками уже тянется к их горлу.

К Цонтароевской горе потянулись толпы крестьян, подгоняемые стражниками. За ними следовал отряд милиционеров, которым командовал Бек Сараев, и еще около трехсот солдат и казаков. Солдат вел штаб-ротмистр Кибиров, который примчался сюда злой, как черт, по тому поводу, что Зелимхана, видимо, удастся схватить не ему, ставленнику генерала Шатилова, а полковнику Моргании с этим жалким веденским приставом.

Судя по всему, на этот раз дело было верное. «Не станет же он стрелять в своих, — рассуждал Моргания, посылая вперед крестьян. — И тогда я захвачу этого разбойника в его берлоге, как лисицу в норе». Подошедшее из Грозного подкрепление полковник разбил на три отряда, чтобы, продвигаясь к пещере с разных сторон, они отрезали абреку все пути к бегству.

К входу в пещеру он приказал подвести орудия, специально доставленные из крепости на случай длительной осады.

Крестьяне шли в гору, уныло понутив головы, скрежеща зубами от бессильной злости. Некоторые молились, чтобы Зелимхану удалось благополучно вырваться из окружения. А были и такие, что посмеивались над всей этой шумихой, уверяя, что царским солдатам никогда не поймать абрека, так как он в дружбе с джинами.

Непривычные к этим местам и наслышанные о Зелимхане солдаты и казаки поднимались по крутым склонам настороженно, выставив вперед винтовки. Каждую минуту они ждали, что сейчас грянут выстрелы и, выкрикивая мусульманские проклятья, на них, бросится сам страшный абрек.

Пройдя этак с километр, процессия попала в плотный туман. Вокруг стояла жуткая тишина. Впереди из тумана выступали то полуразрушенные башни, то старые могилы...

Подойдя к пещере, люди остановились, отдельные смельчаки из крестьян вошли туда и вскоре вышли, разводя руками: мол, пусто там. Среди чеченцев шепотом пошел разговор, что абрека унесли горные духи.

Солдаты и казаки входить в пещеру воздержались. Тогда здесь же, у входа, начальники собрались для короткого совещания: надо было решить, что предпринять дальше. И вдруг гулко прозвучал выстрел, и старшина Адод, охнув, ничком упал у ног пристава Сараева.

Сразу возникла паника, началась беспорядочная стрельба. Все стреляли в пещеру, а Зелимхан сделал еще четыре выстрела и умолк.

К вечеру Моргания послал донесение генералу Михееву: «Зелимхан окружен моими войсками в Харачоевских горах. Перестрелка продолжается. С нашей стороны убито двое, ранено трое». Однако, увидев бесполезность такой стрельбы, полковник распорядился: оцепить берлогу абрека тремя рядами солдат, на выход из пещеры навести орудие и взять «злодея» измором.

Отдав это распоряжение, начальник округа уже поздно ночью вернулся в Ведено и по телефону похвастался генералу. «Зелимхан у меня в кармане», — заявил он.

Утром на рассвете стрельбу возобновил уже сам Зелимхан. В бурке и папахе, высунувшись из пещеры, он открыл частую и меткую стрельбу по солдатской цепи. В ответ на него посыпался град пуль, а он все стоял, как заговоренный. Но вот все увидели, как, сорвавшись с утеса, Зелимхан в развевающейся бурке полетел вниз.

— Убили! Убили!.. Ура-а, ура-а!.. — закричали солдаты, устремляясь в ущелье, куда упал абрек. С минуту все стояли в отдалении, не осмеливаясь подойти к убитому. На всякий случай дали по нему несколько залпов, но когда первый смельчак подошел поближе и носком сапога откинул бурку, под ней оказалось обыкновенное бревно, на которое были аккуратно натянуты черкеска и папаха из овчины.

Некоторое время все стояли, с недоумением разглядывая бревно. Наконец один из офицеров, выйдя из оцепенения, крикнул:

— Всем разойтись! По местам!.. Окружайте пещеру!

Но было уже поздно. Спустившись по другую сторону горы, Зелимхан ушел, перейдя через узкую речку, мимо двух солдат, которые не двинулись с места то ли от страха, то ли не желая ввязываться в это опасное дело.

Когда в аул Харачой, где с утра находился Моргания, прибыл растерянный пристав Сараев, полковник встретил его нетерпеливым взглядом, но после первых же слов заорал:

— Сволочь! Изменники!.. В Сибирь всех загоню!..

Бек Сараев стоял, хлопая глазами и не находя слов для объяснения.

— Где Кибиров? — спросил полковник, топнув ногой.

— Там, наверху, ваше высокоблагородие.

— Я надеюсь, он снарядил за этим разбойником погоню?

— Куда? — уныло спросил Сараев.

— Куда хотите, но найдите его сейчас же! Он не мог далеко уйти! — кричал Моргания. Полковника мучил вопрос: «Что скажет он генералу Михееву? Скандал какой! Ведь поднимет на смех, загонит еще дальше Чечни после такого провала!»

Возвращаясь в Ведено, Моргания увел из Харачоя большую группу заложников для отправки в Сибирь.

Гром загремел совсем близко, и эхо прокатилось над аулом. Женщина подошла к окну и тревожно покачала головой.

— О аллах, смилуйся над нами, не пошли нам града. И без того плохие всходы. Если упадет град, ничего не соберем.

Будто вняв молитве, блеснула молния, и по молодым листьям деревьев зашуршали крупные капли дождя. Небо насупилось, в комнате потемнело, воздух стал влажным и сырým.

Со двора донеслись чьи-то шаги. Женщина с тревогой взглянула на мужа, сидевшего за молитвой, и вышла из комнаты. Хозяин, окончив молиться, словно умываясь, провел руками по лицу и встал.

Вошел Зелимхан. Хозяин обрадованно обнял его и быстро провел в тайник, специально оборудованный для абрека под домом, с выходом в глухой сад. Там Зелимхан разделся, насухо выжал мокрый бешмет, рубашку и тут же снова надел их, чтобы быстрее высохли на теле.

— Дуда, я отдохну немного, а ты последи за тем, что делается в ауле, — сказал он хозяину, укладываясь на войлок, лежащий на глиняном полу.

Проснулся абрек уже ночью, но не мог двинуться из-за адских болей в суставах. Он вызвал Дуду и сказал:

— Увези меня отсюда немедленно, я не хочу, чтобы из-за меня разорили твой дом, а сам я сейчас не могу сделать ни шагу...

— Куда?.. — растерялся хозяин. — Тебе больше нельзя жить по пещерам...

— Куда хочешь. В лес, в горы, но подальше от людского жилья, — настаивал на своем харачоевец, и Дуда, попросив у соседа арбу, якобы для поездки в лес за дровами, в ту же ночь увез абрека из Эгиш-аула.

* * *

С той ночи Зелимхан исчез, словно канул в воду.

Никто из многочисленных шпииков, которые рыскали за ним, не мог установить его местонахождение. Харачоевец не появлялся все лето и зиму 1912 года. Прошла молва, будто абрек уехал в Сибирь к семье; потом вдруг разнесся слух: Зелимхан уехал в Персию.

Директор департамента полиции при наместнике Кавказа разослал предписание всем губернаторам, имеющим возможность наблюдать за русско-персидской границей. «Разбойник Зелимхан, — писал он, —

обратился с письмом к бывшему советнику персидской миссии в Петербурге Али-Хану, прося исходатайствовать ему разрешение укрыться в Персии, откуда он намерен просить для себя помилования. Признавая совершенно недопустимым укрывательство Зелимхана, наместник Кавказа поручил мне просить вас установить самое бдительное наблюдение за всеми подозрительными личностями, направляющимися тем или иным путем к персидской границе».

...А Зелимхан тяжело болел. Его постоянно бил жуткий озноб, он никак не мог согреться и мечтал хоть на какое-то время оказаться под знойным солнцем. Там, казалось ему, он обязательно поправится.

Иной раз болезнь доводила его до безумия. «Чем дожить до этого, пусть бы меня лучше сразила молния, — мучительно думал он, до крови искусав руки, чтобы не стонать. — Я отомстил за отца, братьев, товарищей, но кому и что я доказал?.. Я пытался помочь сиротам и бедным, но развел еще больше сирот». Эти тяжелые мысли еще сильнее ухудшали его состояние. И вот по совету людей, сведущих в знахарских делах, Зока увез Зелимхана в Ногайские степи к своему знакомому.

Здесь абрека поселили в юрте у ногайца-скотовода, выдав его за крестьянина-охотника, приехавшего на лечение. Тяжелые и тоскливые дни тянулись невыносимо медленно. Иной раз боль усиливалась настолько, что Зелимхану казалось: кончается жизнь. В изнеможении он закрывал глаза и не отвечал на вопросы хозяина.

Ногаец Нури делал все, чтобы облегчить боли своему пациенту.

— Так врачевали наши деды, — говорил он, заворачивая голени харачоевца в горячую шкуру, только что снятую с барана. — Я знаю много случаев, когда от этого люди поправлялись.

Нури аккуратно кутал ноги больного в черную шерсть с солью, поил его теплым айраном. В общем, делал все, что делали в таких случаях мудрые предки.

И вот спустя месяц-другой Зелимхан почувствовал облегчение. Кроме того, здесь он был в безопасности и мог часами лежать, глядя в обширную степь, согретую горячим солнцем. С его зорким глазом абрека и метким ружьем тут ничто не угрожало ему.

Нури тоже повеселел, обрадованный результатами своего лечения. Он приносил больному холодную воду из колодца, по вечерам рассказывал о жизни и быте ногайцев. И слушая этого доброго человека, Зелимхан понемногу забывал боли, улыбался. Он уже вставал, ходил по юрте, совершал короткие прогулки в степь.

* * *

...Чистое знойное небо августа. Тихий ветер колышет сожженные зноем травы и лениво катит мимо юрты круглые шары перекасти-поля. Вот прилетел откуда-то черный ворон и опустился на гладкий прокаленный солнцем череп вола. Долго и задумчиво сидел ворон, подкарауливая добычу, но, не обнаружив ничего заманчивого, нехотя поднялся и улетел, лениво помахивая крыльями.

Сплю я в далеких звериных углах,
Глина под боком, песок в головах.
Я по ночам засыпаю в тревоге,
Сплю и завидую зверю в берлоге... —

напевал харачоевец, расхаживая перед юртой. Зока, посланный за новостями в Чечню, еще не возвратился. Нури был в степи с овцами. Зелимхан опустил пондар и, опираясь на него, как на палку, медленно побрел в степь. Здесь его глазам открылось поле, усеянное бело-желтыми и красно-черными цветами. «Что за диво, — глядел изумленный абрек, — как могли под таким знойным небом, на песках сохраниться эти чудесные цветы?» Зелимхан окинул взглядом бесконечную степь и вдруг заметил двух всадников. Они были еще далеко, но его зоркие глаза узнали коня Зоки. Вскоре стало понятно, что это и правда его старый друг. А кто же второй? По виду чеченец, но этого человека он не знал. Всадники подъехали и спешились.

— Да будет добрым ваш день. Это вы, Зелимхан? — вежливо спросил незнакомец. — Меня прислал к вам Шахид.

— Да полюбит вас аллах! — отвечал абрек. — Только кто такой Шахид? — спросил он, и ни одни мускул не дрогнул на его лице.

— Шахид Борщиков из Шали.

Старый пастух с тревогой наблюдал за этой сценой.

— Позвольте, — вмешался он. — Этот человек догнал меня недалеко отсюда, а ведет себя сейчас так, будто это я его привел сюда. Я хочу знать, кто он такой и откуда родом.

— Я из Шали, — отвечал незнакомец. — Меня зовут Элмарза, я приехал к Зелимхану с добрыми вестями от его близких.

— Зачем нам знать, кто этот человек, — спокойно заговорил абрек, обращаясь к Зоке. — Он ведь ищет Зелимхана, а его здесь нет.

Элмарза стоял, растерянно переводя взгляд с одного на другого. Он явно старался понять, что происходит.

«Вряд ли тебя прислал Шахид, — думал между тем Зелимхан. — Тут что-то не чисто, ведь, кроме меня и Зоки, никто не знал о нашем отъезде сюда».

— Простите, — произнес наконец Элмарза, словно в ответ на его сомнения. — Я не знаю, откуда узнал Шахид, что Зелимхан находится здесь, но он сказал мне: поезжай в Ногайские степи, найди его там и передай, что у меня опять есть белый порошок от лихорадки.

Зелимхан сразу насторожился: белый порошок ему действительно давал Борщиков, а значит, и человек этот прибыл именно от него.

— Хорошо, — сказал абрек, — мы обманули тебя, — он оглянулся на Зоку. — Но мне сейчас не нужен белый порошок. Здесь жарко и сухо, лихорадка больше не мучает меня.

— Но ведь вы собираетесь еще возвращаться в Чечню?

— Собираюсь, но не сейчас.

Элмарза замолчал, будто взвешивая то, что собирался сказать. Потом подошел поближе к абреку и произнес тихо, глядя ему прямо в глаза:

— Шахид еще просил передать вам, что есть возможность вернуть из ссылки вашу семью. Это очень трудно, но можно попробовать.

Зелимхан вздрогнул и буквально впился глазами в своего гостя. Но тот выдержал его взгляд.

— Мне надо поговорить с Шахидом, — выдавил из себя абрек. — Но я не хочу ехать в Шали. Оттуда уже несколько раз исходило предательство. Я говорил об этом Шахиду. Как только я вернусь в Чечню, я вызову его куда-нибудь в горы.

— Вы можете вызвать его через меня, — подумав, предложил Элмарза. — Мой дом стоит в стороне от всякого жилья, у самого леса. Я могу объяснить вам...

— Хорошо, — сказал Зелимхан. — Я подумаю.

Когда неожиданный гость уехал, Зока долго хмурился и все жене выдержал, заговорил:

— Не хочу расстраивать тебя, Зелимхан, но не нравятся мне твои связи с Шахидом.

— Почему ты так плохо думаешь о нем, Зока? Он же был с нами в Кизляре, к тому же он мой родственник.

— Пусть он бывал бы с нами не только в Кизляре, но даже в Крыму, все равно я не верю ему, — махнул рукой старый пастух.

— Не знаю... — задумался харачоевец. — Я не вижу никаких причин для сомнений в его верности... И потом, он говорит, что можно вернуть Бици с детьми.

— А правда ли то, что он говорит? — усомнился пастух.

Зелимхан в задумчивости пожал плечами.

* * *

На этот раз Борщиков сам, без приглашения, поздно вечером явился к штаб-ротмистру Кибирову.

— Хотел пригласить вас к себе в гости, — сказал Шахид, низко кланяясь. — Но побоялся испортить дело. Если бы вы побывали в моем доме, об этом непременно стали бы говорить.

— Вы еще успеете пригласить меня в гости, Шахид. Вы правильно сделали, что сами пришли. Осторожность никогда не может помешать, — похвалил шалинца Кибиров. — Ну, рассказывайте, что у вас нового?

— Есть новости, господин штаб-ротмистр, — Борщиков потер свои пухлые руки, присаживаясь около хозяина. — Теперь Зелимхан не уйдет из наших рук. Но...

— Опять «но»? — перебил его Кибиров.

— Нет, вы послушайте, господин штаб-ротмистр, теперь дело наше верное. Вы помните, еще давно генерал Шатилов говорил, что нужно иметь точный план поимки Зелимхана? Так вот, такой план есть.

— Это становится интересным, — промолвил Кибиров, откидываясь на диване.

— Один мой человек может стать близким другом Зелимхана, но для этого требуется ваша помощь.

— Какая?

Борщиков немного помялся.

— Надо вернуть из ссылки семью абрека, — выпалил он, словно сам испугавшись этой просьбы.

— Да вы с ума сошли, господин Борщиков, — искренне изумился Кибиров. — Это может решить только генерал.

— Вот об этом я и прошу. Вспомните, ваше высокоблагородие, ведь с тех пор, как Зелимхан живет без семьи, его стало гораздо труднее выследить.

— Это, положим, верно, — задумчиво произнес офицер. — Ну а что дальше? Предположим, я уговорю генерала.

— Тогда Зелимхан будет верить мне как самому верному своему другу. Семья его по возвращении сможет встретиться с ним в доме моего человека, о котором я вам уже говорил...

— Можете не продолжать, — перебил его штаб-ротмистр, иронически улыбаясь. — Дальше все пойдет как по нотам: генерал Михеев пошлет к этому дому целую армию, абрек же очередной раз сбежит, — Кибилов махнул рукой. — Вы, именно вы сами должны покончить с Зелимханом.

— Господин штаб-ротмистр, выслушайте меня, пожалуйста, — умоляющим голосом произнес Борщиков. — Хоть Зелимхан и серьезно болен, но брать его очень опасно. Жертвы будут, — после некоторой паузы продолжал он. — Мой же человек берется тайком выдать нам его труп.

— Золото, а не человек! — воскликнул Кибилов, хлопнув себя по колену.

— Он просит за это всего одну тысячу рублей.

— Не будем торговаться, Шахид, мы не на базаре, — строго заметил штаб-ротмистр. — А этому вашему человеку действительно можно доверять?

— Вполне. Если он возьмется, то обязательно все будет сделано; — Борщиков просиял, предвидя успех, и, наклонившись к собеседнику, добавил — Страшно жадный, за деньги он и родного отца продаст.

— Значит, он берется выдать нам его мертвого, так, чтобы никто нас не знал?

— Да. Если, конечно, мы ему заплатим, — осторожно ответил хитрый шалинец. — Просите генерала, пусть выделит для этого еще тысячу рублей.

Кибилов на минуту задумался.

— Ладно, — сказал он, понизив голос. — Ни генерал, ни кто другой не должен знать, что выдадут его нам мертвым. Поняли?

— Так точно.

— Обещайте этому вашему человеку от моего имени одну тысячу рублей. Когда дело сделаем, деньги найдутся.

Тихие сентябрьские дни 1913 года. С полей веяло молочным ароматом поспевающей кукурузы, на дорогах, как обычно, натужно скрипели крестьянские арбы.

Люди готовились отметить праздник окончания уразы. Хозяйки белили дома, прибирали в комнатах, готовили праздничную одежду для мужей и детей. Отцы обещали мальчикам, что завтра утром посадят их на лучших коней, чтобы они веселой компанией понеслись вдоль всех дворов, поздравляя взрослых с праздником уразы.

В такой день веселятся даже те, кому и кутнуть-то не на что. Веселятся потому, что так повелевает всесильная вера в законы, данные Магометом.

Казалось, все в мире сулило сейчас только хорошее, но на душе у Зелимхана было тревожно, и даже не с кем было ему поделиться этой тревогой. Теперь он мало с кем говорил о своих чувствах, предпочитал молчать и настороженно прислушиваться. Он с горечью вспоминал слова своей матери: «Ты же ведь один, разве выступишь против целого света?»

Вот уже несколько недель знаменитый абрек, послушавшись Шахида Борщикова, скрывался в лесу, неподалеку от дома Элмарзы, на берегу Шела-ахк. Жил он теперь, словно раненый зверь — больной, без крова, без друзей, без родных, готовый из последних сил броситься на нападающего. Тяжелый недуг отнял у него и сильные руки и ястребиный взор, которым он так зорко прощупывал когда-то ущелья, овраги, леса и поляны.

Сейчас Зелимхан полулежал на каменном ложе у входа в пещеру и тихо напевал:

«Храбрый удалец, но лишится удачи
В день, когда час его смертный наступит», —
Старцев почтенных слова золотые
В сердце храня, дожил я до сегодня.
С детства слова эти в сердце запали.
То, чего сердце страшилось, наступило...

Песня смолкла. Харачоевец с каким-то особенным исступленным восторгом всматривался в открывающийся его взору пейзаж. Он всегда любил природу, но никогда раньше она не казалась ему столь понятной и прекрасной. А ведь всю эту красоту он постоянно видел — видел, не видя. И только в эти последние дни он духовным взором обнаружил свое единство с первозданным хаосом уходящей за горизонт гряды гор.

И как это они до сих пор прятались от него, эти буйные травы и осенние цветы, тенистые долины, купола гор и лесов, отливающие всеми оттенками зелени? Да, конечно, раньше все это было лишь фоном, на котором разворачивалась драматическая картина его смертельной борьбы, или условиями страшной задачи, которую нужно было поминутно решать и ответом на которую были — его жизнь или смерть. Зелимхан мог назвать здесь по имени любое жилье; холмик или дерево, знал каждую скалу и каждый ручей до самого горизонта. А вот суровую красоту и мягкую прелесть этих долин — все это он открывал впервые.

— К вам гости, Зелимхан, — услышал он вдруг знакомый голос.

Раздвигая густую листву кустарника, на поляну вышел рыжеволосый Элмарза. Лицо его светилось счастливой улыбкой. Следом за ним шел Муги, который тут же бросился в объятия отца. Бици с маленьким Омар-Али на руках стояла, покраснев от смущения, не зная, как ей быть: она не могла обнять мужа в присутствии постороннего человека. Да и сам Зелимхан, так долго мечтавший увидеть жену и детей, встретил их по-мужски сдержанно, одной лишь улыбкой. Но по румянцу, выступившему на его щеках, можно было угадать его радость. Он ласково глядел на своих сыновей.

— Я пойду и покараулю там, внизу. А вы отдохните и поговорите, — сказал Элмарза и ушел.

Бици усадила маленького Омар-Али на разостланную бурку и, разговаривая с мужем, вынесла из пещеры медную кастрюлю, помыла ее, наполнила холодной водой и, бросив туда несколько кусков сушеного мяса, поставила на огонь, горевший у входа.

— Ты любишь это блюдо, — сказала она, — поэтому я специально привезла немного муки.

Пока закипала вода в котле, жена присела около Зелимхана, взяв сына на руки. На ее сравнительно молодом лице сейчас играл румянец, она была довольна и спокойна. Маленький Омар-Али развлекал всех. Широко открыв большие темно-карие глазенки, он с интересом прислушивался к пению птиц и рокоту реки. Потом это ему надоело, и он

начал капризничать. Больше всех им занимался Муги. То развеселит смешным словом, то возьмет за ножку и пощекочет ее или покажет какую-нибудь незнакомую вещицу, чтобы отвлечь внимание.

Зелимхан с нежностью посматривал на сыновей, не подозревая, что старший из них через десять лет погибнет в отряде рабоче-крестьянской армии, защищая от врагов отца первое свободное государство трудящихся. Младший же — Омар-Али — еще через четверть века, работая в органах Советской власти, также отдаст свою жизнь за интересы народа. Но мог ли сейчас предвидеть больной абрек такое?

— Как вы устроились в Грозном? — спросил Зелимхан у жены, снимавшей пену с кипящей воды.

— Хорошо, — ответила Бици. — Шахид Борщиков нашел нам квартиру. Нас никто не трогает.

— А трудно пришлось вам в Сибири?

— Нет, не особенно, — сказала она. — Туда и обратно везли на поезде, кормили тоже неплохо. — Бици подлила в котел свежей воды и продолжала: — Там много было ссыльных людей, все они такие добрые. Была у меня там подруга — Валентина Михайловна, так она больше меня заботилась о наших детях.

— Дада, она учила меня читать и писать по-русски, — вдруг вмешался Муги. — А теперь в Грозном я буду ходить в русскую школу.

— Это хорошо, — улыбнулся отец. — Значит, у меня будет свой писарь, чтобы писать генералам и царю.

— Я еще плохо знаю грамоту, — признался Муги. — Вот выучусь и тогда напишу царю, чтобы он оставил тебя в покое.

* * *

Зелимхан неожиданно встал и, взяв винтовку, ушел в лес. Вернулся он, когда уже стемнело.

— Куда же ты ходил? Раз а три подогревала еду в ожидании тебя, — ласково упрекнула Бици мужа и поставила перед ним отварное мясо с галушками и чесночным настоем.

Дети как сидели на бурке, так там и уснули.

— Накормила их? — спросил он вместо ответа и, сняв с себя черкеску, укрыл ею детей.

— Конечно, накормила. Все ждали тебя, утомились и вот уснули.

Ел Зелимхан очень вяло, без аппетита. Чувствовалось, что он чем-то встревожен.

— Что же ты так плохо ешь? Может, мясо не нравится? — спросила Бици. — Прими свое лекарство и запей вот этим, — она поставила перед ним глиняную чашку с горячим бульоном.

— Плохо мне от этого лекарства, — сказал Зелимхан, беря чашку.

— Почему?

— Все только потею и с каждым часом слабею от него.

— Тогда не пей его. Может, и так обойдется, аллах смилостивится над нами.

Покончив с едой, Зелимхан взял на руки сонного Омар-Али, разбудил Муги и сказал жене:

— Возьми эту бурку, из пещеры ковер и иди за мной. Лучше переберемся в более безопасное место.

— Все никому не веришь? — тихо сказала Бици. Зелимхан не ответил, только взглянул на жену и пошел в лес. Шагах в двухстах от пещеры у абрека оказался уютный шалаш, крытый свежим сеном. Уложив детей, он вышел навстречу жене, которая несла ковер и бурку.

— Людям я всегда верю, Бици, — сказал ей Зелимхан печально, — но ведь предатели — не люди. В этом все дело.

Бици и так была огорчена своей неосторожной фразой. Она молча вошла в шалаш, проверила, хорошо ли укрыты дети, потом вышла и безмолвно опустилась рядом с мужем, сидевшим на разостланной бурке.

— Там, в Сибири, с нами было много ссыльных, — сказала она после длительного молчания, — они говорили, что скоро уберут царя и тогда все люди будут жить свободно, а такие, как ты, окажутся в большом почете...

— Со дня своего рождения слышу эти разговоры о свободе народа. Я мало верю им, — холодно оборвал ее абрек. Он положил рядом с собой винтовку и прилег на бок.

Минуты две они молчали, слушая тишину леса.

— Бици, — вдруг заговорил Зелимхан дрогнувшим голосом, — выслушай меня и исполни все, что я скажу.

— Если позволит аллах, — откликнулась жена.

— Если вдруг меня не станет, из тех денег, что мы собрали для поездки в Турцию, часть пошли своим друзьям в Сибирь, чтобы они не голодали...

— Ты говоришь так, будто собираешься умирать, — с тревогой перебила его Бици.

— Сон плохой я видел, — абрек слегка наклонился к жене.

— Но ты же не веришь снам.

— Нет, не к добру это, — вздохнул Зелимхан, — или убьют меня или лихорадка затреплет...

— Ну что ты. Не надо, не говори так, — обняла она его за плечи.

— Я бы рад молчать, да, видно, на то воля аллаха, — сказал он, вглядываясь в лес. — Детей береги. Скоро Муги станет большой и будет тебе помощником. Сделай все, чтобы он не пошел по моим следам.

— Ну хватит об этом, мне и без того страшно, — взмолилась Бици. Она не могла примириться с мыслью, что ему, с такой прекрасной душой и сильным телом, суждено погибнуть. «Нет, этого не может быть», — твердило ей сердце.

А Зелимхан не слушал ее и все говорил, говорил.

— ...Построй домик, купи корову. Надеюсь, хорошие люди помогут вам уладить наши кровные счета. Да и что спрашивать с вас — женщин и детей. Зачем плачешь, глупая? Не плачь, тебе не идут слезы, — он приласкал жену.

...Ночь была тихая. Будто охраняя их, звезды глядели с глубокого синего неба, а лунный серп прилег на самую высокую вершину.

Уставшая с дороги Бици немного вздремнула. Там внизу, у дома Элмарзы, лаяла собака. Зелимхан еще долго сидел, любуясь рассветом в горах. Затем, разбудив жену, он сказал:

— Пора уходить, собери детей. Элмарза должен проводить вас так, чтоб никто не заметил.

— Ты ведь веришь ему и как-нибудь придешь в его дом? Нельзя же ночевать только в лесу.

— Ему верю и приду, — сказал абрек.

В ночной тишине где-то тоскливо ухнула выпь. Непокойно зашевелились птицы, дремавшие на ветках деревьев.

В этот поздний час Элмарза пригласил Зелимхана к себе на ужин.

Харачоевец сидел на грубо отделанном войлоке у закрытого окна и, сотворив вечернюю молитву, тихим голосом пел свою любимую песню о герое Балу, который низверг жестокого черкесского князя:

В час, когда ночь делится пополам,
Как пулей раненная красная лань,
Вышел вперед сам храбрый Балу...

Песня эта всколыхнула душу Зелимхана. Она клокотала в нем, как воды Аргуна меж камней и скал, шумела, как ветер, над горными вершинами. У абрека даже перехватило дыхание. Если смерть не настигла его в пещере Цонтароевских гор, если судьба из Ногайской степи привела его снова в родные места, значит, аллах судил ему еще жить. Нет, он еще сядет в седло, еще не раз, выхватив из ножен шашку, бросится на защиту бедных и обездоленных...

Во дворе вдруг залаяла собака. Абрек сразу оборвал пение и прислушался. Он попросил хозяина узнать, что потревожило собаку. Элмарза послал жену, та вернулась и сообщила, что на улице все спокойно. Через некоторое время собака залаяла вновь, теперь она уже захлебывалась от ярости, рычала и снова принималась злобно лаять. Тогда во двор вышел Элмарза и долго не возвращался.

— Что там могло случиться? — забеспокоилась хозяйка, услышав глухой шум на чердаке. Она бросила половник, которым собиралась вынуть из котла галушки, и, тревожно взглянув на Зелимхана, выскочила во двор. Но тут же вернулась бледная, с трясущимися руками и, задыхаясь, прошептала:

— Дом окружили солдаты!

Схватив винтовку, Зелимхан стремительно выскочил в сени. И сразу совсем рядом, за его спиной, прогремел выстрел. Неестественно

откинувшись назад, абрек слегка покачнулся, но тут же выпрямился и, почти не целясь, послал пулю на чердак и еще четыре на улицу. После этого, нагнувшись, он не вышел, а волчком выкатился во двор...

Солдаты с криком «ура» повылезали из своих укрытий и открыли беспорядочную стрельбу. Отстреливаясь на ходу, Зелимхан бросился к стогам кукурузной соломы и укрылся в них.

В ту же минуту дождь, собиравшийся весь день, полил как из ведра. Сверкнула молния, осветив цепь солдат, сомкнувшуюся вокруг абрека. «О аллах, само небо покровительствует мне!» — подумал Зелимхан, стреляя туда, где успел заметить офицера. И тут он громко и страстно запел доа. Что-то жуткое было в этом пении, даже солдат пробрала дрожь. Вновь блеснула молния, и в пяти шагах от себя абрек разглядел труп офицера. В темноте, казавшейся после молнии еще более непроглядной, Зелимхан перебежал к другому стогу. Бежать дальше не хватало сил, ноги не слушались его. Мокрая от крови и дождя рубашка прилипала к телу. Не выпуская из рук винтовку, он прижался к стогу раненой спиной и зорко всмотрелся в темноту.

Опять со всех сторон загремели выстрелы. Но едва кто-нибудь, из солдат пытался приблизиться к заветному стогу, невидимый абрек вскидывал винтовку, и очередной смельчак падал на землю. Несмотря на окрики офицеров, желающих идти на верную смерть оказалось немного, и скоро перестрелка прекратилась. Воцарилась напряженная тишина. Только из дома Элмарзы доносились женский плач и причитания. Это плакала жена Элмарзы: пуля, посланная Зелимханом на чердак, поразила предателя в сердце.

Шли часы, и солдатам представлялось, что абрек давно мертв, но суеверный ужас перед ним был столь велик, что все предпочитали дожидаться утра, чтобы увидеть его труп.

Но едва в предрассветном тумане стали вырисовываться окружающие предметы, словно из-под земли перед солдатами появился Зелимхан.

— Эй, господа офицеры, взгляните сюда! — крикнул абрек. — Меня не берут ваши пули! А сейчас пора утренней молитвы.

И он громко запел:

Слушай, мое утомленное тело:
Ты ведь покоя не знало и ночью,
Помня, что пуля тебя не минует!

Рыскало ты по равнинам тревожно.

Это было так неожиданно, что солдаты застыли в ужасе, не веря своим глазам.

— Не слушайте его, у этого разбойника нет бога! — крикнул кто-то из офицеров и скомандовал:

— Огонь!..

Грянул залп, и Зелимхан упал как подрубленный. Но в тот же миг снова вскочил на ноги и выпустил еще пять смертельных пуль в своих врагов. Дальше все происходило, как в фантастическом сне: раздавался залп, абрек падал, как заколдованный, вставал, и снова гремели его выстрелы. И так продолжалось минут двадцать. Наконец он упал и не встал. Но когда один из офицеров с криком «ура»! устремился к нему, Зелимхан, видимо, не в силах поднять винтовку, сразил его выстрелом из браунинга.

Все было уже кончено: ноги его подкосились, и он опустился на колени. Кровь текла из его многочисленных ран так, что он походил на какой-то красный призрак. И все же Зелимхан встал во весь рост и, громко читая Ясын^[14], пошел навстречу подползавшим к нему солдатам.

— Ложись, ложись! — истерически крикнул Кибиров, прячась за стог соломы.

А Зелимхан шел на врагов и читал:

— Ясын вал-куранил хаким, иннакала минал мурсалийм...

Еще выстрел — и Зелимхан рухнул на свою винтовку. Оборвались слова Ясына, но еще долго никто из солдат и офицеров не решался подойти к нему, на всякий случай всаживая десятки пуль в мертвое тело абрека. Потому что и мертвый он казался своим врагам живым.

ЭПИЛОГ

Когда Муслимат, придя из магазина домой, со слезами на глазах сообщила матери, что газетчики на улицах Грозного кричат об убийстве солдатами Кибирова абрека Зелимхана, Бици просто не поверила.

— Успокойся, доченька, — сказала она довольно спокойно, — ничего дурного с твоим отцом не произошло.

— Как же мама, я сама видела эту газету, — плакала Муслимат.

— Эти газеты уже много раз извещали свет о гибели твоего отца. А он оказывался потом живым и невредимым. И сейчас царские чиновники хотят похвастаться перед людьми.

Бици и правда с годами поверила в неуязвимость Зелимхана для врагов, но вскоре после разговора с дочерью в дом к ней явился важный чиновник и предложил вместе с ним отправиться в Шали, чтобы опознать труп мужа. Но и к этому Бици отнеслась спокойно, даже заявила, что ей в Шали нечего делать. Однако все же поехала туда по настоянию Зезаг, которая после гибели Солтамурада верила всяким снам и дурным предчувствиям...

Стояла грустная пора осеннего листопада. В Шали на базарной площади собралось множество военных разных чинов, а у их ног действительно лежал безоружный мертвый Зелимхан. Бици сразу узнала его. Кровь отхлынула от ее лица, еще чернее стали темные глаза, брови насупились. Дрогнули колени, а худые жилистые руки схватились за сердце. Но сердце не выдало ее, и на вопрос полковника: «Узнаете его?» — жена знаменитого абрека отрицательно показала головой. Увидев бледное и суровое лицо матери, Муслимат тоже сказала:

— Нет, это не наш отец.

Только Зезаг призналась, что это и есть Зелимхан. Бици так и не промолвила ни слова. Она стояла, полагая, что ей отдадут труп мужа; дабы она могла похоронить его.

Нет, штаб-ротмистр Кибиров не собирался отдавать свою добычу. Как главный герой сегодняшнего дня, он важно восседал на стуле впереди собравшихся, возвышаясь над мертвым Зелимханом и довольный своей жертвой. Но на молчаливую толпу крестьян он поглядывал настороженно и недоверчиво. Их хмурые лица невольно внушали ему страх. А тут еще письмо от однокашника по кадетскому корпусу, в котором тот сообщал о своем участии в подавлении крестьянского бунта против помещиков в

Тверской губернии. «Значит, не только в одной Чечне эти недовольные... Их развелось по всей России», — подумал Кибилов, напуганный этим письмом, и ему показалось, что стул, на котором он сидит, вдруг покачнулся, отчего левая нога штаб-ротмистра, закинута на правую, машинально сползла на землю.

Подошел какой-то офицер. Он принес хорошо знакомую Бици винтовку Зелимхана и положил ее поперек груди мертвого абрека, затем поднял его холодную руку и вложил в нее рукоять браунинга. Фотограф сделал несколько снимков, после этого Бици с детьми и Зезаг увезли обратно в город.

Спустя несколько дней Бици узнала, что Зелимхана зарыли где-то во дворе канцелярии Шалинского пристава, не совершив похоронного обряда. Об этом с большим сочувствием сообщил ей поручик Грибов. И Бици почему-то впервые захотелось рассказать этому незнакомому офицеру о своем любимом муже, о себе, о своих детях, поведать всю печальную историю своей семьи. Она стала говорить торопливо, сбивчиво, коверкая русские слова, опасаясь, что офицер не дослушает ее до конца. И говорилось все это для того, чтобы ей дали возможность похоронить Зелимхана с соблюдением обряда мусульманской религии и традиций чеченцев. Когда Бици закончила свой рассказ, поручик задумчиво сказал:

— Поезжайте, Бици, во Владикавказ к генералу, я помогу вам. Думаю, что он разрешит похоронить вашего мужа по всем правилам.

— А примет ли меня генерал? — усомнилась Бици.

— Не может не принять, — ответил поручик. — Ведь он же человек.

— Мой муж при жизни много раз просил генерала Михеева отнестись к нему по-человечески, но тот и слушать не хотел...

Грибов поднял голову и увидел изможденное лицо женщины.

— Теперь разрешит. Мертвый никому не опасен, — сказал он, опуская глаза.

Начальника Терской области Бици увидеть не удалось: он был в отъезде. Вдову знаменитого абрека встретила генеральша. Держалась она вежливо, даже сочувственно.

— И надо же, в такую даль, да еще пешком! — удивлялась эта изнеженная тучная женщина. — Побудьте пока у меня в гостях, а приедет генерал — все разрешим.

— Спасибо вам, большое спасибо, — твердила Бици, тронутая неожиданным вниманием. — Надо нам обратно и Грозный, там еще дети остались, — и, взяв за руку стоявшую рядом дочь, хотела уйти.

— Нет, нет, так нельзя! — настаивала на своем хозяйка. Она стала расспрашивать смущенную чеченку о ее жизни.

— Сколько у вас детей, Бици?

— Четверо.

— А старшему сколько?

— Старшая вот эта, — показала Бици на Муслимат. — Сыну двенадцать, он дома.

— Ну ничего, скоро помощниками вам будут, не печальтесь. А похороны разрешим, — заверила ее генеральша.

Перед ней стояла убитая горем женщина — мать четверых детей, и по-женски она понимала ее хорошо.

Вот почему жена генерала Михеева выполнила свое обещание.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

1

Баркалла – по-чеченски «спасибо».

Тезет – обряд соболезнования.

Доа (араб.) – заклинание, которое читается при обряде соболезнования.

Товха – печь с широкой открытой топкой в доме чеченца-крестьянина тех лет, нечто наподобие камина.

Кант – по чеченски мальчик, удалец. Этим словом обращаются чеченки к братьям своих мужей.

Ваттай – знак крайнего удивления у чеченских женщин.

Дада – почтительное обращение к отцу.

Мяхси – легкие и мягкие сапоги.

Дечиг-пондар – народный музыкальный инструмент.

Нана (чеч.) – мать, мама.

Валлайги (чеч.) – клянусь.

Хабар (чеч.) – весть, известие.

Хаким – начальник, представитель власти.

Ясын – отходная молитва, обычно читаемая по-арабски на смертном одре или на могиле усопшего.